Геворк Погосян

Арвидас Матулионис

Борис Докторов

ТРИ СУДЬБЫ ДЛЯ ТРЕХ СОЦИОЛОГОВ

ЕРЕВАН

ЕВРОПРИНТ

2020

ИНСТИТУТ ФИЛОСОФИИ СОЦИОЛОГИИ И ПРАВА НАН РА

Геворк Погосян, Арвидас Матулионис, Борис Докторов

ТРИ СУДЬБЫ ДЛЯ ТРЕХ СОЦИОЛОГОВ

INSTITUTE OF PHILOSOPHY, SOCIOLOGY AND LAW OF ARMENIAN NATIONAL ACADEMY OF SCIENCES

Gevorg Poghosyan, Arvydas Matulionis, Boris Doktorov

THREE FATE FOR THREE SOCIOLOGISTS

ЕРЕВАН 2020

YEREVAN 2020

УДК 316
ББК 60.5
Т 670

Книга рекомендована к печати решением Ученого совета Института философии, социологии и права Национальной Академии Наук Республики Армения

Главный редактор: академик НАН РА, доктор, профессор социологии Погосян Г.А.
Рецензенты: доктор филос. наук Арутюнян М. А.
канд.соц.наук Кюрегян Э. А.
Предисловие: член-корр.РАН, доктор, профессор социологии Тошенко Ж.Т.

Три судьбы для трех социологов (Погосян Г. А., Матулионис А. В., Докторов Б. З.).- Ер.: Европринт, 2020.- 296с.

Т 670

В книге представлены три биографических интервью трех известных советских социологов, данных ими в различное время. Получив свое первоначальное профессиональное крещение в стенах ленинградской школы социологии, волею судьбы они разъехались по различным странам и континентам. Несмотря на это профессиональная деятельность время от времени сводила их на различных форумах и научных конференциях. При этом, все трое сохраняли не только профессиональные, но и дружеские связи. Идея книги родилась из одной небольшой фотографии, на которой трое авторов изображены вместе на конференции в 2008 г. в Москве.
Книга предназначена для социологов, аспирантов и студентов, а также для широкого круга читателей, интересующихся судьбами социологии.

УДК 316
ББК 60.5

ISBN 978-9939-857-94-7

© Г.А. Погосян, 2020

Светлой памяти наших родителей посвящается

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие
Б.З.Докторов. Три сходно-разные судьбы……..5
Ж.Т.Тощенко. Нечто личное о творческом пути коллег……..11

Глава 1. Мне повезло: в армянскую социологию я попал случайно, но зато прямо к её истокам
(Интервью Бориса Докторова с Геворком Погосяном)……19

Глава 2. Очевидно, каждый летописец писал свою историю, так и я напишу квинтэссенцию моей
(Интервью Бориса Докторова с Арвидасом Матулионисом)……...94

Глава 3. Моя жизнь: 53 года в России и уже 8000 дней в Америке
(Интервью Елены Рождественской с Борисом Докторовым)…….162

Заключение. Три лика одной судьбы…….295

Предисловие

Б.З.Докторов

Три сходно-разные судьбы

После более, чем десятилетнего молчания приведенная ниже фотография заговорила, она сама появилась неожиданно и рассказываемое ею тоже – в каком-то смысле – неожиданное. Во всяком случае, скажем, три десятилетия назад подобное выглядело бы сказкой или фантазией.

Сначала – о фотографии. На ней – слева направо – социологи III поколения советской социологии: Геворк Погосян, Борис Докторов и Арвидас Матулионис. Наша встреча состоялась, соответственно – и был сделан снимок, в Москве в октябре 2008 года на Конгрессе Российских социологов. Повод был более, чем серьезный: отмечалось 50-летие Советской Социологической Ассоциации и 40 летие создания академического института социологии.

Геворк Погосян, Борис Докторов и Арвидас Матулионис. Москва, 2008г.

Мы трое долгие годы состояли в Советской Социологической Ассоциации и многое связывало нас с Институтом социологии АН СССР. Судьба распорядилась так, что на тот момент мы приехали из разных стран: Арвидас – из Литвы, Геворк – из Армении, я – из США, куда переехал на постоянное место жительства в 1994 году. Не могли мы думать о таком раскладе в конце 80-х – начале 90-х, когда мы с той или иной периодичностью встречались. Не только мы, но все социологи из разных концов страны.

До этой встречи мы не виделись по крайней мере 25 лет и об этой встрече не договаривались. Встретились на одной из секций, оказались за одним столом, не запросто, но узнали друг друга, пожали друг другу руки, обменялись фразами типа: «Как ты?», а «Ты как?» и разбежались. На Конгрессе не очень-то поговоришь, масса знакомых, которых не видел десятилетиями, все заметно изменились, но все равно – друзья и давние коллеги не стареют.

Вскоре от Арвидаса пришла фотография. Разместил ее в архиве и иногда рассматривал ее. И в какой-то момент пришло понимание того, что фотография слишком долго молчит, что ей пора заговорить. Было ясно, что наши воспоминания высветят многое, что может быть полезно дня понимания и воссоздания истории советской социологии.

В начале марта 2018 года завязалось интервью с Геворком Погосяном, я стал задавать ему вопросы о жизни и работе, Геворк обстоятельно отвечал на них. Иногда приходилось делать продолжительные перерывы, ведь в наш разговор вмешалась «бархатная революция» в Армении.

К концу 2019 года интервью закончилось. В 2008 году, когда состоялась встреча «троих», мое историко-социологическое исследование было совсем молодым, скорее всего, еще не был проведено и двух десятков интервью, а 24 октября 2019 года их число достигло 200.

4 декабря после почти 15 лет работы я разместил в «Большом портрете» - галерее респондентов http://www.socioprognoz.ru/index.php?page_id=207 – собственную фотографию и назвал сайты, на которых можно прочесть мой рассказ о прожитом, это была 202 –я фотография, Через несколько дней, 12 декабря было опубликовано интервью с Геворком Погосяном, оно стало 203-м.

Необходимость в беседе с Арвидасом Матулионисом была мне давно ясна, но вот – появилось время, Раса Алишаускене, известный литовский исследователь общественного мнения, помогла с нахожденим электронной почты Арвидаса, и 11 января мы начали наш разговор. Закончили недавно, и в коллекции интервью оно стало 212. Пока – последним.

Этот разговор мне очень дорог. Во-первых, еще одна – 47-я биография – социолога III поколения, в ней – и черты поколенческого, и личного. Поколенческое – доказывает правомерность, научную обоснованность подобной стратификации социологического собщества, личное – обогащает картину социологических судеб.

Во-вторых, рассказ Матулиониса позволяет заполнить большой пробел в наших знаниях о развитии социологии на постсоветском пространстве. Мы из первых уст получаем информацию о социологических исследованиях, проводимых в Литве, и о литовских социологах: давно знакомых, начинавших свои исследования задолго до перестройки, и о представляющих новые генерации [1].

В чем сходство наших трех судеб? Исходно никто из нас не связывал свое профессиональное будущее с социологий, мы о такой науке – скорее всего – и не слышали.

Погосян избрал физику, общественная активность вывела его в социологию, а затем – обращение к представителям Ленинградской социологической школы. В интервью он вспоминает многих ленинградских социологах и затем обобщает: «Это был весь цвет

так называемой “Ленинградской школы социологии”. Мне в этом смысле очень повезло, потому что судьба свела меня с людьми, которых отличало прежде всего умение креативно мыслить, избегать всякого рода шаблонов и штампов, и главное строить отношения даже с “зелёными” новичками на какой-то особой, присущей наверное только питерским, интеллигентно-уважительной тональности. Там у них царила редкая человеческая атмосфера, с которой я в последствие не часто сталкивался. Сейчас, по прошествии четырех десятков лет, я думаю, что именно питерская школа привила мне вкус к социологии и окончательно убедила в ней остаться. За что я, конечно, ей безгранично благодарен».

Матулионис получил диплом радиоинженера, работал мастером, потом инженером технологом на Вильнюсском заводе электросчетчиков. Узнал о социологии, загорелся, прошел по конкурсу в сектор социологии Института истории АН Литовской ССР. Потом была защита кандидатской диссертации, и Арвидас возглавил лабораторию социологических исследований с головной тематикой - «социальное планирование». Он пишет: «Надо было набираться опыта, и конечно в первую очередь мы обратили свои взоры на Ленинград. Ведь в Ленинграде работали Владимир Ядов, Андрей Здравомыслов, Овсей Шкаратан, Борис Фирсов и многие другие. Все мы были знакомы с известнейшим в то время проектом “Человек и его работа”. Но создание нашей лаборатории совпало со значительными организационными изменениями в Ленинграде и проблематика социального планирования начала формироваться в ИСЭПе – Институте социально-экономических проблем. В то время директором стал экономист Гелий Николаевич Черкасов, а ведущими специалистами по социальному планированию были Марат Николаевич Межевич и Владимир Романович Полозов. Вот с ними мы и установили теснейшие научные связи» [2].

Все перечисленные Арвидасом социологи – мои многолетние коллеги, с рядом из них меня связывали десятилетия дружбы.

Я, по базовому образованию – математик, в социологию был приглашен А.Г. Здравомысловым для обработки эмпирической информации [3].

Так что, Арвидас, Геворк и я – не только из одного призыва в социологию, разница в годах между нами невелика, но и из одной «команды». Это очень греет душу.

Мы входили в социологию, когда социологов было мало, когда все были, по словам В.А.Ядова, «самоучками», имели разное базовое образование. По большому счету, все знали друг друга: лично, по публикациям в единственном профессиональном журнале «Социологические исследования» или по редким сборникам тезисов, которыми обменивались при встречах. Особенно делить нам было нечего, зато опытом мы делились. Все постепенно осваивалось, обобщалось.

Уже в преддверии распада СССР Армения, Литва и Россия стали формировать свою социологию, нацеленную на решение внутренних проблем. Какие-то элементы накопленного теоретического опыта и эмпирических навыков использовались и здесь, но вслед за коренным изменением социально-экономических, а также культурно-идеологических реалий стремительно менялась и социология этих стран.

К сожалению, всего этого я не наблюдал, с весны 1994 года живу в Америке. В первые пять-шесть лет заокеанской жизни я находился не только вне социологии, но вне какой-либо интеллектуальной жизни, с муками осваивал новый мир.

В начале нового века при неоценимой помощи моих коллег мне удалось вернуться в профессию и снова войти в российское социологическое сообщество. Полуторадесятилетнее интервьюирование советских / российских социологов всех поколений помогло зафиксировать многое из пройденного отечественными социологами, но многое еще предстоит проанализировать и понять.

И в этом плане крайне интересны беседы с Арвидасом Матулионисом и Геворком Погосяном, ведь многое познается именно в сопоставлении постсоветских социологий: армянской, литовской и российской.

Не будем торопиться с обобщением, но истории науки дан редкий шанс – посмотреть, как нечто единое – советская социология, в исторически весьма краткий период трансформировалась в ряд национальных социологий, идущих своими путями. Это движение определяется многими объективными и субъективными обстоятельствами. И интересно, будет ли и как долго сохраняться память об общем корне.

1. Геворк Погосян: «Мне повезло: в армянскую социологию я попал случайно, но зато прямо к её истокам». Интервью Б. Докторову. http://socioprognoz-ru.1gb.ru/files/File/2019/Poghosyan.pdf.
2. Арвидас Матулионис: «Конечно, очевидно, что каждый летописец писал свою историю, так и я напишу квинтэссенцию моей» (Интервью Б. Докторову). http://socioprognoz-ru.1gb.ru/files/File/2020/ Matulionis(1) .pdf
3. Докторов Б. Моя жизнь: 53 года в России и уже 8000 дней в Америке (интервью Е. Рождественской). http://www.socioprognoz.ru/hta_9/ Publications/tom_9_2.pdf

Ж.Т.Тощенко

Нечто личное о творческом пути коллег

Этот написанный мною текст связан с тем, что со всеми авторами этого произведения мои жизненные дороги переплетались не однажды. Но я расскажу только о тех, где мое личное влияние или соучастие в их профессиональной судьбе было началом дальнейших научных контактов (хотя и с определенными перерывами), продолжающихся и поныне. Так что это не воспоминания, не суждения о написанных ими трудах, не мнения по поводу затрагиваемых ими общественных и личных проблем, а именно повествование о встрече с ними на ухабистых социологических дорогах, о которых я написал Б.Докторову, когда дарил ему «Парадоксального человека».

Начну свой рассказ, соблюдая хронологическую последовательность.

Начну с Арвидаса. Зима 1985/1986 года. Высшая аттестационная комиссия. Идет заседание Экспертного совета по философии и праву. Председатель Совета проф. Попов предлагает обсудить и

решить вопрос о присуждении степени доктора наук Матулионису Арвидасу.

Докладчик (не помню кто) докладывает, что у комиссии вызвали сомнения некоторые выводы и их обоснование, которые, на их взгляд, противоречат устоявшимся взглядам на процессы, происходящие в среде молодежи (а именно молодежи была посвящено эта диссертация). Разгорелись споры. И достаточно острые. После бурной дискуссии было поручено мне (как руководителю подгруппы по тем диссертациям, где использовалась социология, хотя в то время как таковых не было — они появились в 1990 г. после известного постановления секретариата ЦК КПСС и последующих постановлений Президиума АН СССР и приказа Министерства высшего образования СССР) ознакомиться с диссертацией. Знакомство с этой работой произвело на меня большое впечатление: в ней откровенно и доказательно говорилось о серьезных назревающих изменениях в сознании и поведении молодежи и особенно в республиках Прибалтики и в том числе в Литве. Говорилось о формировании у молодежи национального самосознания, критике советского строя и, на этой основе, наличия антирусских взглядов. Аргументация была убедительная, хотя для официальной точки зрения очень спорная. Тем не менее на очередном заседании я с полной уверенностью убеждал коллег в научной обоснованности выводов, в том числе и нелицеприятных, о важности такого подхода, имеющего не только научное, но и практическое значение, предложив эти выводы довести до сведения ведомств, занимающихся молодежью. Моя аргументация была принята Экспертным советом, единогласно утвердившим мое предложение о присвоении А. Матулионису искомой степени доктора наук.

Уже потом заочное знакомство переросло в очное: в деятельности Советской социологической ассоциации, в которой я был вице-президентом, а потом и сопрезидентом (совместно с Ядовым и Здравомысловым), а Арвидас возглавлял Прибалтийское отделение

ССА, встречи на конференциях, публикации, участие в международных конгрессах и совместных проектах Совета Европы. Нужно сказать, что участие Арвидаса в проекте Микка Титмы, эстонского социолога, охватившего около 15 регионов страны, посвященного поколениям молодежи, получило всесоюзное и международное признание, дало ему признание в социологическом сообществе Советского Союза и, он на многие годы стал олицетворять лицо литовских и в целом прибалтийских социологов.

Теперь о Борисе Докторове. До личной встречи я уже знал некоторые публикации Бориса, посвященные применению количественных методов в социологии. В то же время я был знаком и имел хорошие контакты — и творческие и личные - с Б.Фирсовым, который в этот период времени интенсивно занимался проблематикой средств массовой информации. Поэтому его обращение в Академию общественных наук при ЦК КПСС, где я руководил кафедрой, с просьбой быть ведущей организацией по диссертации Б.З.Докторова, было благожелательно встречено. Знакомство, а затем коллективное обсуждение этой диссертации на заседании кафедры убедило всех участвующих, что мы имеем дело со зрелым, интересным, комплексным исследованием проблем массовой информации. Помню, особо подчеркивалось применение автором математических методов, что особенно заинтересовало трех моих коллег, которые тоже были математиками, пришедшими в социологию, и двое из которых в последствие стали докторами социологических наук — А.С.Кулагин и Е.П. Тавокин.

В дальнейшем, после определенного перерыва в жизни Бориса мы встретились на конференции в Тюмени, когда он начал свое творческое возвращение в Россию. Мы говорили о состоянии социологии в России, об изменениях, происшедших за это время, о творческих планах. Один из них вскоре вылился в грандиозный проект, последствия и значение, на мой взгляд, не ожидал и сам автор — подготовку биобиблиографической истории современной

отечественной социологии, участником которого вскоре стал и я (см. мое интервью в «Большом портрете»). Кстати, это интервью заставило и меня как-то по-иному взглянуть на свои научные труды, оценить, в том числе и критически, пройденный путь. Потом я помогал Борису найти некоторые адреса будущих участников проекта, обсуждать сделанные им материалы. Кстати были еще два мои интервью после прошествия нескольких лет и появления новых книг, если не считать и короткого интервью к очередному юбилею. Отмечаю, что Борис обладал искусством строить беседу и каждый раз находил особые пути к каждому интервьюируемому, не повторяясь в своих более чем 200 таких личностных и одновременно профессиональных историях. Это умение работать с аудиторией, в том числе и с новым поколением студентов, он продемонстрировал на нашем социологическом факультете в Российском государственном гуманитарном университете во время чтения лекций.

А теперь о Геворке Погосяне, в судьбе которого я принял также непосредственное участие как оппонент его докторской диссертации. Но этому предшествовали годы профессиональных встреч, знакомство с его публикациями, членство в Международном редакционном совете журнала «Социологические исследования» (в нем состоял и А.Матулионис), участие в научных конференциях. Его диссертация, посвященная особенностям трансформации армянского общества, содержала не только анализ проблем, характеризующий развитие этого общества, но обоснованно претендовала на более широкие обобщения, касающиеся постсоветского устройства других бывших союзных республик. Помню, дискуссия была острой, но благожелательной. Это тот случай в науке, когда окружающее тебя сообщество признало, исходя из результатов научной деятельности, что этот претендент давно достоин этого звания и только от него зависело, когда закончить этот процесс присвоения искомой степени доктора наук.

А теперь несколько обобщающих характеристик, отражающих мое личное мнение о носителях этих судеб.

Во-первых, хочу отметить, что, хотя они пришли в социологию из разных естественных наук (по базовому образованию), они стали профессиональными социологами. Эта ситуация была своеобразным отражением того, что социологического образования вплоть до конца 1980-х годов не было, поэтому социология пополнялась кадрами из всех наук. Помню, как я, будучи вице-президентом ССА, по поручения президента ССА Т.И. Заславской провел анализ профессионального состава членов нашей ассоциации и обнаружил, что в составе социологов было представлено более 300 профессий, начиная с астрофизика и кончая воспитателем детского сада. Были и более удивительные примеры. В Институте социологии долгие годы работал, возглавлял отдел, проводящий исследования по проблемам эффективности работы советских органов власти Н.Н. Бокарев, который пришел в социологию, имея ученую степень доктора технических наук. Или С.Ф. Фролов, бывший директором завода в г. Горьком (ныне Нижний Новгород). Или Б.Г. Тукумцев, возглавлявший предприятие железнодорожного транспорта в г. Куйбышеве (сейчас Самара). Да и Б.М. Фирсов, в центре которого работал Б.Докторов, был выпускником Ленинградского электротехнического института. И упоминаемый А.Матулионисом В.Г.Немировский, защищавший диссертацию в его совете, был выпускником Красноярского технологического института, которого я принимал на работу в качестве младшего научного сотрудника в социологическую лабораторию Красноярского университета.

Оценивая приход в социологию представителей точных, технических и естественных наук, могу утверждать, что очень многие из них стали видными представителями этой профессии и несомненно их участие не только обогатило, но и возвысило социологию, значительно повысив ее роль и значение как в

научной, так и общественной жизни страны. Более того, они сказали свое собственное слово, оцененное коллегами не только в своей стране, но и зарубежом. Они обогатили видение и умение анализировать изучаемые ими процессы, делать обоснованные выводы, которые имели не только важное научное, но и практическое значение.

Во-вторых, они обладали даром критического мышления, что помогало взвешенно оценивать и анализировать, не поддаваясь на соблазны, которых было много в переживаемое ими время. Напомню, что они были членами КПСС, не выходили из нее — она сама ушла из их жизни. Будучи критиками многих процессов и явлений в советской стране, они не были диссидентами — делая нелицеприятные выводы, они искренне стремились сделать страну лучше. В этой связи хочу напомнить один интересный факт в моей профессиональной жизни. В начале 1990 г. мы поводили очередное исследование общественного сознания. Был вопрос об отношении к рынку (когда этот вопрос еще не был решен в высших эшелонах власти). И меня впечатлил тот факт, что если среди всего взрослого населения страны всего 27% склонялись к его поддержке, то в такой социальной общности как коммунисты за его введение в экономику страны выступало 45% членов партии. На мой взгляд, это важно потому, что в это время и в 1990-е годы было много всяких измышлений о КПСС и коммунистах, то этот пример показывает, что в этой партии состояло значительное количество тех, которые на самом деле олицетворяли более обоснованное видение назревающих общественных проблем. Т.е. в ней наряду с карьеристами, проходимцами было немало людей, которые по праву считались авангардом социалистического общества. И не их вина, что авантюристы из этой партии привели страну к катастрофе.

В-третьих, они были не просто аналитиками, но и участниками подготовки решений властных структур. Напомню, Арвидас Матулионис был советником Президента Литвы А.-М.Бразаускаса,

Геворк Погосян был в составе общественного совета Президента Армении Л.Тер-Петросяна и советником премьер-министра Армении, участником подготовки многих государственных решений. А Борис Докторов был членом исследовательской группы, выполнявшей задания Ленинградского горкома КПСС. Правда их оценка этой стороны своей жизни была не радужной: Матулионис пишет, что он убедился на деле, что политика — это грязное дело. О позиции Геворка говорят (см. его интервью) его многочисленные статьи (и очень провидческие) о состояние дел в той или иной области жизни Армении.

В-четвертых, всех их объединяет чувство принадлежности к своей стране, в которой они родились, выросли, получили образование и сейчас продолжают ей служить, исходя из тех возможностей, какими они располагают. Арвидас и Геворк, будучи руководителями академических подразделений, неоднократно и устно и письменно оценивали ситуацию в своих странах, не только описывали, но и предлагали варианты решения тех конкретных проблем, к которым они были привлечены. И пусть не все эти предложения были приняты, но их совесть и понимание ответственности работали во имя и во благо своей страны. Несколько иное положение у Бориса, но и в своей своеобразной жизненной ситуации он нашел способ (и способ творческий и важный) проявить свою гражданскую позицию — создать особую научную картину развития такой науки как социология в Советском Союзе.

И наконец, надо сказать о главной черте их судеб — это служение науке, истине, несмотря ни на какие поветрия. Для них наука была и остается их верностью истине, инструментом получения достоверного знания, которое помогает не только развивать и обогащать науку, но и приносить практическую пользу стране. И это было замечено обществом. Профессиональный путь А.Матулиониса и Г.Погосяна увенчан званием академиков Национальных академий наук, а заслуги Б.Докторова признаны

российским и мировым социологическим обществом как большое достижение в истории российской социологии.

Заканчивая этот текст, хотел бы высказать одно большое волнующее меня сомнение — а будут ли так дружны и иметь желание взаимодействовать те, которые придут на наше место. Из интервью и Арвидаса и Геворка ясно, что молодежь сориентирована на Запад, на европейские ценности. Жаль, что наша дружба, наше взаимообогащение становится страницей в истории. Но в то же время хочется надеется, что пусть не вся, а часть молодежи все же будет стремиться к контактам, сохранять то, что было светлым и достойным дружбы в нашем противоречивом прошлом.

Глава 1. Мне повезло: в армянскую социологию я попал случайно, но зато прямо к её истокам

(Интервью Бориса Докторова с Геворком Погосяном)

*1. **Досоциологические годы: семья, школа***

Геворк, спасибо тебе за согласие рассказать о себе, о социологии Армении... ты знаешь, я провел уже почти 180 интервью с российскими социологами, и я чувствую, что пора раздвигать границы моего историко-социологического поиска... мы поговорим неспешно о твоей жизни, о ситуации в Армении, о развитии социологии в стране... но начнем с того, что я называю твоей «предбиографией». Армения – страна с древнейшей культурой, с давними национальными и христианскими традициями, с общенациональной трагедией... Пожалуйста, расскажи о своей семье, о том, в какой мере ты знаком с ее историей... и так далее...

Никогда не считал себя хорошим мемуаристом. Мне физику по образованию всегда было чуждо всякое повествование исторического характера. Хотя, говорят с возрастом, люди чаще обращают свой взор назад, на прошлое. В сущности, все наше настоящее и отчасти будущее, конечно, в свернутом виде заложено в прошлом. Но это - код, а точнее матрица, которую не так просто раскрыть.

Что касается моей семьи и моего рода, то его история как в капле воды повторяет непростую история армянского народа. Мои далекие предки, как с материнской, так и с отцовской стороны, принадлежали к достаточно известным в Западной Армении (ныне территория современной Турции) армянским семействам. Прадед моего отца был известным в городе Ван золотых дел мастером. Его серебряные работы по сей день хранятся в историческом музее Армении в Ереване. Я помню одну из его работ, которая изображала скульптуру Атланта, держащего на своих плечах Земной шар. Шар был сделан из серебра и на нем были нанесены

все географические названия, контуры и границы. Из под бороды Атланта ключом можно было завести его, и тогда он начинал суточные вращения, а маленький серебряный шар Луны вращался вокруг Земного шара. Весь этот механизм был помещен в деревянный корпус в виде раскрывающейся обсерватории. К сожалению из всех многочисленных работ моего прадеда – Геворка Гуюмджибашяна - у меня сохранился только серебряный кальян со стеклянным сосудом для фильтрации воды, на крышке которого сидел петушок, который кукарекал во время курения. Семья Гуюмджибашянов бежала от турецкой резни в далеком 1915 году из города Ван в тогдашний Тифлис. Мой отец родился и рос в Тифлисе, но вскоре осиротел и его воспитали сестра и трое братьев матери. После войны они перебрались жить в Ереван, а один из братьев уехал в Ростов. Тетя Эрмония, которая воспитала моего отца, была инженером, первой женщиной-электриком, которая проектировала гидро-электростанции в Армении. Она курила папиросы, чем собственно и врезалась в мою детскую память. Во время Великой Отечественной войны отца забрали в спец-войска, после чего он всю жизнь так и проработал в системе комитета госбезопасности Армении. Меня и моего старшего брата он воспитал в строгости и уважении к закону. При этом человеком он был доброго нрава, отзывчивый и помогал всем: от друзей и родственников до соседей и даже незнакомых людей. У нас дома всегда было много встреч с его тбилисскими товарищами и одноклассниками, которые тоже перебрались в Ереван.
С материнской стороны наши предки восходили к известному армянскому роду Абамелик-Лазеревых. Представителем этого рода был граф И.А.Лазерев, который построил знаменитый Лазеревский Институт иностранных языков (где сейчас располагается посольство Армении в Москве), а также обширное имение в Риме, которое впоследствии было передано им царскому двору, позже в нем раполагалось посольство СССР, а в наши дни - посольство РФ в Италии. Отцовская семья моей мамы бежала из Карса в

Александрополь (переименованный затем в Ленинакан, а ныне в Гюмри). Трое братьев Вартанянов позже разъехались кто куда - один во Францию, другой в американский Детройт, а мой дед Сет Григорьевич Вартанян, служивший со своим доблестнм братом Апетом в русской армии штабс-капитаном в первую мировую, а затем уже полковником отличившийся в боях с турками, в 1926 году был сослан в сибирь на высылку. В Ереване он появился только после оттепели в 57-ом году, после смерти моей бабушки - его жены. Наша любимая бабушка Арусяк его не признавала, потому что в Сибири у него образовалась другая семья.

Я помню деда хорошо, поскольку пару раз он меня, первоклашку, водил в школу за руку и все школьники с нескрываемой завистью смотрели на этого высокого, статного мужчину с седой окладистой бородой. Сибирская газета, если не ошибаюсь "Иркутская правда", как-то писала о нем, как о странном лагернике, который даже в лютую зиму обливался холодной водой. У Сета Григорьевича в Армении было четверо детей - двое сыновей и две дочери. Младшая Гаянэ вышла замуж за моего отца Арама Арамовича Погосяна. Старший сын Сократ получил образование в Тифлисе, а затем переехал в Ленинград, подальше от Еревана, где он числился сыном репрессированного. Он даже поменял фамилию, взяв литературный псевдоним Сократ Кара-Дэмур, который затем укоротил до Сократ Кара. Так он был известен в литературных кругах послеблокадного Ленинграда. По его сценариям сняты ленфильмовские киноленты "Большая семья", "Зимнее утро", "Степан Кольчугин"и др. Он также сотрудничал в ленинградском журнале "Нева". Ему, как участнику войны получившему контузию в блокаду, была выделена литфондовская дача в поселке Комарово недалеко от Финского залива. Наша семья несколько раз ездила летом к дяде на дачу. Он тогда уже был прикован к постели и не мог ходить. В разное время на даче у дяди можно было встретить знаменитых поэтов, писателей и художников того времени - Анну Ахматову, Александра Солженицына, Александра

Гитовича, Даниила Гранина и многих других. Мне еще совсем в юном возрасте довелось повстречаться с некоторыми из них, и на меня эти встречи оставили неизгладимое впечатление. Дядя Сократ сам был очень интересным расказчиком, необычайно мягким и внимательным собеседником. Его все очень любили и уважали за его человеческую стойкость, мужество, открытость и особое обаяние. Даже после его смерти мы продолжали поддерживать теплые родственные отношения с его детьми от двух разных браков.

Спасибо, Геворк, очень интересная у тебя, многокрасочная семья. Мне кажется, Геворк – частое армянское имя, у тебя оно в честь кого-либо из родных, близких? Пожалуйста, расскажи о своей дошкольной жизни: где она проходила? Кто прежде всего занимался твоим воспитанием в те годы?

Геворк, или Геворг, достаточно часто встречающееся среди армян имя, которое происходит от древнегреческого «Георгос», означающего «возделывающий землю», «земледелец». У русских или грузин оно звучит как Георгий. Мне его дали в честь прадеда моего отца – мастера золотых дел Геворка Гуюмджибашяна.

Моя дошкольная жизнь, как и жизнь многих моих сверстников в те годы, протекала в детском саду и во дворе нашего дома. Двор тогда являлся можно сказать основным после семьи местом "социализации" детей советского периода. Из всего моего детства, как дошкольного так и частично школьного, ярче всего мне запомнились разнообразные и увлекательные игры с ребятами нашего двора. Это то, чего почти полностью лишено сегодняшнее поколение городской детворы. Мы были тем поколением, которое уверенно могло сказать – мы родом из детского двора. Для людей моего возраста нет нужды объяснять, что дало нам общение со сверстниками во дворе, и чем он был для нас, для детей практически выросших во дворе. Если сейчас наши дети и внуки являются интернет-поколением «айфонов» и планшетов, то мы практически были «дворовым» поколением. Социологи будущего

наше поколение наверное могут назвать «дворнягами», «дворниками», а возможно и «при-дворными».

В семье нас с моим старшим братом воспитывала наша заботливая мама и любимая бабушка Арусяк. Невероятно добрая и всегда ласковая бабушка оставила глубокий теплый след в детской памяти. Это потом мы с братом узнали о той тяжелой женской доле, которая выпала ей в жизни. Одна, с четырьмя детьми на руках, жена ссыльного, это хрупкое и мягкое создание каким-то чудом смогло выжить, воспитать приличных детей и при этом сохранить в себе душевную доброту и кроткий нрав. Мне до сих пор трудно понять, почему в них не было никакой злобы, ненависти к стране, к строю, к тогдашнему политическому руководству. Всего того, чем полным полна наша сегодняшняя сытая и обутая действительность. Или они всё это умело скрывали-берегли от детских ушей и глаз. Но нет, все равно что-то да проскользнуло бы в их настроениях и тихих разговорах. Они действительно были ангелами во плоти, мамы и бабушки моего поколения. И сейчас они наши ангелы-хранители.

В каком-то смысле мы с братом получили, пожалуй, самое редкое воспитание: в семье безграничную любовь и доброту, и отцовскую строгость, а во дворе - озорные, веселые, полные всяких приключений и порой опасных рисков будни дворовой детворы.

Мне известна эта дворовость, согласен с тобой, была и рисковость, но была и защищенность, старшие ребята защищали тех, кто младше... Пришло время школы, ты помнишь свою первую школу или ты все годы учился в одной?

Когда отцу предоставили трехкомнатную квартиру в том же привокзальном районе города, и мы переехали в неё, то двор мне пришлось поменять, но здесь уже тех мальчишеских игр не было. То ли дети были другие, то ли я немного повзрослел. До сих пор вспоминаю какое огромное количество разнообразных игр мы в детстве играли во дворах – это и прятки, и ловитки, и "город-за-город" и множество других детских игр, названия которых на

русском мне, к сожалению, не известны. А наши дети и внуки сегодня давно уже в них не играют. Это уже навсегда утерянная дворовая игровая площадка. Детство современных малышей проходит иначе - в домах, игровых клубах, за компьютерами, смартфонами и игровыми автоматами. Но даже дома, я помню, что мы с друзьями постоянно что-то мастерили. Это были какие-то самодельные игрушки или различные детали и приспособления для игр, например юла, дощечки и деревянные причиндалы и даже самодельные самокаты с подшипниками вместо колес. Затем чуть повзрослев, мы уже возились с электромоторами для маленьких самодельных машин, собранных из деталей детского конструктора. Кончилось тем, что мы с товарищем собрали своими силами транзисторный радиоприемник по схеме из журнала то ли "Юный техник", то ли "Техника - Молодёжи". Тогда мы очень гордились тем, что с трудом достали ферритовый стержень для приёмной антенны. Весь приёмник мы собрали на транзисторах и диодах, и в нем была толька одна лампа накаливания старого образца. Долго возились с паяльником, крепя по схеме мелкие детали и соединения на плате, и когда наконец он ожил, зашипел и заработал, радости нашей не было конца.

В детстве у меня был друг, с которым мы ходили в один детский сад, потом учились в одной школе, в одном классе. Эту дружбу мы пронесли через всю жизнь и сохранили до наших дней, пока его преждевременная кончина не прервала её.

Все годы я учился в одной русской средней школе № 34 им. Степана Лисициана в Ереване. Это была хорошая школа с хорошими учителями. Мы очень полюбили и нашу первую учительницу - классрука Леру Гургеновну. Она как-то сумела найти подход к каждому из нас первоклашек. Мы потом её долго вспоминали. Были у нас и строгие учителя в старших классах, особенно по истории и по физике. Всегда с теплом вспоминали нашу учительницу по немецкому языку Ренату Гургеновну (в те годы в наших школах в качестве иностранного языка изучали как

правило немецкий. Это сейчас английский вытеснил все другие языки, в том числе даже русский). Очень любили учителя по географии Грача Мартиросовича, хотя постоянно подтрунивали над этим добрейшим человеком. В старших классах побаивались строгого учителя по физике Оганесяна и нашего классрука Стеллы Суреновны. Директор нашей школы Макич Баградович Даллакян был тоже очень строгим, но в общем добрым человеком. Он добился того, что наша школа стала полноценной средней школой, а не восьмилеткой, какой она была раньше. До меня мой старший брат Том тоже учился в нашей школе, но после восьмого класса он и его одноклассники вынуждены были перейти в другую школу - десятилетку. Но уже в 1968 году два наших 10-х класса стали первыми выпускниками этой школы. Впоследствии в этой же школе учились двое моих детей – сын и дочь.

В школьные годы было много озорства, но и дисциплины тоже. Я учился хорошо, даже попал на республиканскую олимпиаду по физике. Мой друг и одноклассник Ашот Каракян стал чемпионом мира по пятиборью среди юношей. Некоторые мальчики и девочки сразу после окончания школы уехали в Россию. В выпускном классе мне предложили по разнарядке поехать поступать в московский Университет дружбы народов, но родители не захотели отпускать меня одного на учебу в Москву, и думаю правильно сделали. Еще не известно, что бы из этого вышло. По успеваемости я был среди лучших учеников, но к самостоятельной жизни тогда точно не был готов. В результате я поступил на физфак Ереванского государственного университета.

Еще существовал комсомол, наверное, классе в седьмом и ты стал комсомольцем. Насколько активным ты был в общественных делах класса, школы?

До комсомола надо было дорасти. Сначала мы становились октябрятами, потом пионерами и только после этого могли вступить в комсомол. Все ступени я прошел в школе весьма успешно и был принят в комсомол тоже. Особой активностью не

отличался, хотя учеником был прилежным. Из всех школьных предметов больше всего нам с друзьями нравились уроки по физике и физкультуре. Все остальное тоже было интересно, но не настолько. Из школы, пожалуй, мы вынесли все главные навыки, которые потом пригодились нам в жизни. Из знаний унесли все, что смогли, а из практики – научились дружить со сверстниками и строить отношения с девочками из класса. Во всяком случае, школа запомнилась мне как светлая пора, полная живой, интересной и разнообразной активности.

2. ***Досоциологические годы: физфак, студенческая пора Итак, в 1968 году закончилась школьная пора. Ты поступил на физфак Ереванского университета сразу, с первой попытки?Как пошла учеба? Какие направления физики интересовали тебя в большей мере?***

Готовился сильно и поступил с первой попытки, хотя конкурс был огромный. Это была эпоха физиков-лириков, и молодым парням хотелось стать именно физиками. Из-за большого конкурса на русское отделение я не попал, пришлось согласиться на армянское отделение. А это значило, что все предметы, или их подавляющее большинство, преподавались на армянском языке. Выпускнику русской школы учиться на армянском отделении было, конечно, нелегко. Я был не один такой в группе, но от этого легче не было. Хоть и армянский был родным языком, однако вся терминология, все физические и математические понятия, законы и формулы в школе мы осваивали на русском. Поэтому простым переводом здесь обойтись не удавалось. Мы бегали слушать лекции в русскую группу, а проработки, лабораторные работы, зачёты и экзамены вынуждены были сдавать на армянском. В результате наш армянский углубился и обогатился, а с физикой был почти полный провал. Преподаватели наши были просто прекрасные, очень солидные и знающие. Декана факультета академика Гургена Серобовича Саакяна любили все, и студенты и преподаватели. С некоторыми из лекторов, кто был помоложе, мы гоняли в футбол и

потом вместе пили пиво. Но на результатах экзаменов это никак не сказывалось. На факультете царила совершенно другая, непринужденная атмосфера свободного общения между студентами и лекторами. В их поведении по отношению к студентам не было той напускной строгости и показной серьезности, которая ставит непреодолимую преграду перед студентами, и делает их "недосягаемыми", что характерно для слабых и неуверенных в себе лекторов. У нас можно было спорить, не соглашаться и задавать сложные вопросы, однако, при этом доказывать свои знания и умение решать задачи на экзаменах было совершенно строгим и неукоснительным правилом.

Студенческая жизнь кипела вовсю. Мы устраивали вечеринки, представления, театральные постановки, собрали команду КВН и стали соревноваться с командами политехнического и медицинского институтов. Ездили со студенческими отрядами на различные стройки в Казахстан и на север России. Затем стали организовывать каждый год "студенческую весну" и обменивались поездками со студентами из Эстонии и Литвы; побывали в Вильнюсе, Таллине, Тарту (там в Дерптском университете в 1830-1836гг. учился великий армянский поэт и основоположник современного армянского языка Хачатур Абовян; сохранилась аудитория, где он учился, теперь уже с бюстом поэта у входа в неё). Устраивали также походы по горам и ущельям родного края в Армении.

На нашем курсе учились очень способные ребята. Многие из них разъехались после окончания по различным аспирантурам и сейчас работают в Москве, Питере, Дубне, Черноголовке, в серьезных исследовательских центрах и университетах США, Канады, Германии, Голландии, Франции, Швейцарии, Греции, Тайваня и навереняка еще других стран, о которых я просто не знаю. А сегодня, 9-го апреля 2018 г., я только что вернулся с торжественной инаугурации четвертого президента независимой Республики Армения, нашего сокурсника, доктора, профессора

физ.-мат. наук Армена Саркисяна. Так что среди выпускников нашего факультета кроме профессоров, академиков, депутатов, журналистов, театралов, дипломатов, писателей, министров, банкиров, бизнесменов, директоров научных, в том числе академических институтов, появился также и президент страны. Вот такой был у нас выдающийся курс, как и все, наверное, предыдущие курсы физиков и математиков, и не только их. Конечно, студенческие годы были, пожалуй, самой интересной порой в моей жизни. Чем старше становится человек, тем чаще оглядывается назад, понимает и ценит больше то, что раньше ему казалось просто чем-то само собой разумеющимся.

... да, была кипучая жизнь, и все же физика оставалась... по какой проблематике ты делал дипломное исследование и в какую сторону пошел после завершения учебы?

Дипломную работу с другом мы писали на кафедре физики твердого тела. Выбор как кафедры, так и темы дипломной работы был можно сказать случайным. Однако руководители нашей дипломной работы молодые тогда преподаватели кафедры Карен Левонян и Давид Петросян потом нам сообщили, что оказывается наша работа получила какую-то грамоту на всесоюзном студенческом конкурсе дипломных работ по физике. Особенно нам нравился предмет "Кристаллография", может быть потому, что это был единственный предмет, который преподавался на русском языке. Лекторша нас постоянно хвалила, и мы преуспели настолько, что после окончания нас с другом вызвал к себе зав. кафедрой профессор П.А.Безирганян и торжественно предложил нам поехать поступать в аспирантуру в один из престижных институтов в Черноголовке. Каково же было его удивление, или, скорее даже, возмущение, когда мы сразу, не раздумывая дружно отказались. Дело в том, что у нас уже тогда сформировались совершенно другие планы на жизнь.

Поскольку «другие планы» оказались отличными от физики, пожалуйста поделись ими. И тем, как, почему они возникли? Ведь не на ровном месте...

Другие планы возникли достаточно давно, когда еще на 3-ем курсе мы стали участвовать в различных студенческих мероприятиях**,** создали команду КВН и многое другое. Конечно, это сильно уводило нас от физики, но зато больше приближало к реальной жизни. Несколько моих однокурсников после окончания вуза увлеклись совершенно другими делами: кто-то организовал молодежный театр, кто-то ушел в режиссуру, у кого-то появилися интерес к литературному творчеству и т.п. Я в это время уже сотрудничал с несколькими молодежными газетами, писал для них репортажи с места событий и даже небольшие авторские статьи. В мои планы не входило продолжать заниматься физикой, но и ничего конкретного тогда еще не намечалось. Это было время, когда многие советские люди сильно увлекались чтением современной художественной литературы, покупали, доставали и обменивались редкими изданиями современных зарубежных писателей (в переводе, конечно, на русский язык). У меня была колоссальная домашняя библиотека, которую собирали еще мои родители, а мы с моим старшим братом продолжали её серьезно пополнять. Брат, поскольку окончил музыкальную школу и хорошо играл на пианино, собирал также пластинки классической музыки, а также джаз и поп-музыку. У него тогда была огромная фонотека. Интерес к литературе и музыке у моего поколения был неподдельный, и мы читали и прослушивали все то новое, что удавалось достать. Мы обменивались книгами и пластинками, потом, когда появились первые магнитофоны, стали обмениваться "записями" тоже. Для многих представителей сегодняшней молодежи это может показаться странным и непонятным, но тогда это было самое то. Песни Высоцкого, Окуджавы, Кукина и многих других, чьи имена сегодня стерлись и остались в складках нашей непростой истории, впервые нам стали доступны именно в записях

на магнитофонной плёнке. Кассетные магнитофоны и плееры японского производства появились несколько позже. Перед таким захватывающим "потоком сознания", интервенцией художественной мысли и всполохами реальной жизни нетленные абстракции физической науки не выдерживали никакой конкуренции. Погибающая эпоха советского "реалити" заворожила нас полностью своей трагической судьбой. И это был далеко не античный театр с разнличыми его условностями, а совершенно реальная жизнь, данная моему поколению во всех его исторических и глубоко личностных ощущениях.

После недолгого шатания по разным газетным редакциям, меня определили на постоянную работу в республиканскую публичную библиотеку. Отец, видимо ориентируясь на мою склонность к литературе, решил наконец определить меня туда, где книг было больше, чем достаточно. Директор библиотеки, его близкий друг, прекрасный человек Арази Мартиросович Тирабян, предложил мне заняться непривычной и сложной для библиотекарей работой. Они в то время как раз завершили большое союзное социологическое обследование читательской аудитории сельских библиотек. Весь материал, собранный в Армении, предстояло обобщить, обсчитать, составить таблицы и потом проанализировать. В научно-исследовательском отделе библиотеки не было ни одного мужчины, тем более с математическим образованием. Им нужен был сотрудник, кто бы смог весь этот цифровой массив освоить и как-то справиться с ним. Одним словом, я им оказался как нельзя кстати. Смешно, но именно так, на случайных волнах истории меня прибило к скалистому берегу социологии. Только в отличие от несчастного Робинзона, попавшего на необитаемый остров, мой – был обитаемым, более чем. Среди нескольких сот молодых и не очень сотрудников библиотеки, только несколько сотрудников были мужского пола. Потом я узнал, что таков демографический пейзаж практически всех в мире библиотек.

3. ***Жизнь вмешивается в биографический разговор. «Бархатная революция»***

Геворк, очень даже понятен твой как бы случайный переход в социологию, и, естественно, мы об это поговорим... но ниже. У нас был более, чем 2-х месячный перерыв в общении, и причина – абсолютно естественная. Я не знаю, как вы в Армении называете происходившие мирные демонстрации, но в российской прессе они обозначены как «бархатная революция». Думаю, что и как гражданин, и как социолог ты не оставался в стороне. Пожалуйста, скажем так, «по горячим следам» опиши эти события и дай им свое толкование.

Западные информационные агентства, очень активно освещавшие апрельские события в Армении, окрестили случившееся "Velvet revolution". Они освещали каждый шаг, каждое собрание, каждое высказывание лидера протестного движения под громким названием "Сделай шаг, отвергни Сержа".

Конечно, время еще покажет, насколько это движение было бархатной или вельветовой революцией, и собственно революцией ли было или просто переворотом, приведшим к смене власти, а точнее, правящей верхушки в Армении. А пока мы можем довольствоваться научно-социологическим анализом лишь самых первых плодов этого переворота.

Особенность момента состоит в том, что социолог вынужден анализировать события в синхронном режиме. Для более полного и целостного восприятия и понимания какого-либо события или явления обычно требуется некоторая дистанция, историческая пауза или временной лаг после события. Так, чтобы оценить великолепие и грандиозность постройки, необходимо взглянуть на нее несколько издалека, охватить взором в целом всю конструкцию. Невольно вспоминаются гениальные есенинские строки - "лицом к лицу лица не увидать, большое видится на расстоянии".

Чтобы достаточно целостно оценить апрельские события тоже необходимо время, нужна другая оптика, несколько отдаленная от события, чтобы можно было избежать захватывающего воздействия контекста. Между тем, нелишне заметить, что как в естественных науках существуют методики и техники, приближающие или отдаляющие объект научного наблюдения, которые условно можно назвать "микроскопией" и "телескопией", так и в нашией гуманитарной сфере имеется некий методический арсенал, который также условно можно охарактеризовать как метод "ретро-спекции" и метод "про-спекции" или "реконструкции" и "прогнозирования". Исследователи очень часто для синхронного анализа какого-либо современного им, разворачивающегося в настоящем события (в английском есть хорошее определение - currently running), прибегают к методу исторической ретроспекции, или реконструкции, предшествовавших данному событию явлений, возможно явившихся причинами, или истоками последнего. Так вот, используя этот нехитрый приём, я хочу мысленно прокрутить историческую ленту событий лет на десять назад, когда этого еще не было, а точнее когда всё это только и начиналось. И в этом мне помогут мои статьи, ТВ выступления и пресс конференции, имевшие место много лет назад.

Задолго до апрельских событий 2018 года я многократно писал о возрастании радикальных настроений и тенденций в нашем обществе. Это были не только научные статьи, но и публицистика в массовой печати. Приведу лишь несколько из них, опубликованных только лишь в русскоязычной прессе: В статье "Мы живём под собою страны не чуя" в газете "Голос Армении" от 08.07.2008 года (десять лет назад) я, в частности, писал - "Власть должна отделиться от криминала и бизнеса, взять на себя ответственность за страну... если общество не доверяет правительству, то ... рано или поздно возникает недовольство,

неподчинение, произойдет революция".[1] Спустя четыре года, в большом интервью под названием "Барометр указывает на бури и потрясения" (в той же газете "Голос Армении" от 16 июля 2012) я писал - "В мировом масштабе антидемократические настроения параллельно с антиглобалаистским движением наращивают темп... Очевидно планета стоит на пороге крупных преобразований... в воздухе витает ожидание глобальных перемен, а барометр мирового настроения указывает на бури и потрясения."[2] Затем в статье "Протесты в Ереване. Общество трансформируется, а власти должны успевать за ним" ("Голос Армении" от 29 июля 2013) я, в частности, отмечал - "Активное участие молодежи в акциях протеста... свидетельствует о том что армянское общество трансформируется. Активизируется молодежь, которая не жила при советской власти, лишена многих комплексов и свободна. Она активно пользуется интернетом и возможностями социальных сетей для самоорганизации...готова бороться за свои права и добиться успеха...в обществе формируется прослойка, которая выражает свой протест конкретными действиями внутри страны, вместо того, чтобы паковать чемоданы и эмигрировать, как поступали многие представители старшего поколения."[3] Еще через год в интервью под гназванием "Армения сидит на мине замедленного действия, готовой взорваться в любой момент" ("Голос Армении" от 5-го марта 2014 года) я предупреждал - "Народ ни в коем случае нельзя доводить до отчаяния, ведь если чаша терпения граждан будет переполнена, то здесь уже ни наличие карабахского конфликта, ни остальные внешние урозы не смогут помешать этому бунту. Эта аргументация всегда служила сдерживающим фактором, но ситуация меняется. Наш народ

[1] Многие мои научные статьи и публицистика опубликованы в двухтомном сборнике. См., Геворк Погосян. "Социологический демоскоп. Армения в зеркале общественного мнения", Ереван, "Лимуш", 2016, Том II, с.157.
[2] Там же , с.455
[3] Там же , с.624

постепенно выходит из апатии, я как социолог, с уверенностью могу сказать, что Армения сидит на мине замедленного действия, готовой взорваться в любой момент. Общественное недовольство нарастает с каждым часом, оно достигло критической отметки, и власти должны понять всю опасность обстановки." [4] За пару лет до этого, в интервью "Реальные вызовы и угрозы" ("Голос Армении" от 26-го декабря 2012 года) я подчеркивал, что мы мало внимания обращаем на нашу подрастающую молодежь. "...мы должны обращать приоритетное внимание на то, чем живет наша молодежь, которая родилась и выросла в независимой Армении. Сегодня им 20 лет, и это единственная социальная прослойка в Армении, не видевшая советской школы, советского прошлого. И вот вопрос: какую молодежь мы воспитали, имея за плечами 20 лет независимости, какое оно - новое независимое армянское поколение?...поколение, родившееся в независимой Армении - это действительно другие люди по своей ментальности, ценностным ориентациям... Они в большинстве своем прагматики, заточенные на карьеру... четко ориентированные на отъезд из Армении... Мы двадцать лет строили нашу независимую Армению и, получается, что вырастили поколение, ориентированное вовне"[5], преимущественно на Запад.

В конце 2014 года в очередном обобщающем прошедший год интервью под названием "Зона турбулентности" ("Голос Армении" 20-го декабря 2014 года), я подчеркивал, что "Перед нами стоит очень серьезная демографическая проблема, с одной стороны, это депопуляция, с другой - старение населения... Мы входим в некий исторический период, который можно назвать зоной турбулентности... Думаю, что нам всем - и "экипажу" и "пассажирам" нашего государства, надо бы сплотить ряды, укрепить наше национальное единство, не поддаваться паническим

[4] Там же , с.657
[5] Там же , с.481

настроениям. Любые попытки раскола в такой ситуации чреваты необратимыми историческими потерями".[6]

Уже в следующем, 2015 году, в статье "Опасные сполохи" ("Голос Армении" от 21 февраля 2015 года) я отмечал: "Протестный электорат у нас немалый. К сожалению, правительству и руководству страны за последние 3 года удалось сильно настроить против себя население сомнительными реформами, включая пенсионную... У различных слоев населения накопилось много объективных претензий к властям....Если внутриполитическая ситуация в стране ухудшится, если будут акции гражданского неповиновения и властям придется применять силовые действия.... стоит осознать, кому действительно на руку раскачивание лодки... какие бы внутриполитические потрясения не ждали нас в ближайшее время, всё должно закончиться и успокоиться к началу апреля".[7]

Между тем, Армения в это время готовилась к общенародному референдуму 6 декабря 2015 г., по итогам которого страна должна была от полупрезидентской перейти к парламентской форме правления. Особого согласия у политической элиты, у оппозиции и в обществе по этому поводу не было. Обсуждения проекта проходили на фоне акций протеста оппозиции, которая считала, что власти таким образом попросту хотят обеспечить свое воспроизводство на следующий срок. Дело в том, что два президентских срока Сержа Саргсяна к тому времени заканчивались, а идти на третий срок избрания ему не позволяла действующая конституция. Что касается населения, то в интервью "Что ждет Армению после конституционного референдума", данного немецкой "Deutsche Welle" от 3-го декабря 2015 года, я отмечал: "...люди считают, что конституция, это документ, который нужен для государства, но не для жителей страны. Им без

[6] Там же , с.674
[7] Там же , с.704

разницы, что в конституции написано, если у них плохая и неустроенная жизнь... референдум тем не менее состоится, хотя явка не будет высокой... Это будет не столько конституционный референдум, сколько референдум вотума доверия к властям." Но вот наступило 17-ое июля 2016 года, и случилось непоправимое - вооруженная группа лиц захватила здание полка патрульно-постовой службы полиции в Ереване и удерживала заложников. Опасный инцидент продолжался несколько дней; погиб полицейский, были раненные. На фоне происходящего ситуация усугублялась столкновениями между гражданским населением и полицейскими за стенами захваченного здания. Комментируя это событие в интервью озаглавленном "Социальное ДТП" ("Голос Армении" от 22-го июля 2016 года) я, в частности, отмечал: "Я вижу разное отношение к тому, что происходит, у разных слоев населения. Одни называют это терроризмом, терактом, другие – всплеском возмущения со стороны определенной части общества, всплеском недовольства, которое накапливалось годами. Я неоднократно говорил в своих интервью "ГА", что при существующем положении дел следует ожидать **радикализации процесса**. Когда власть игнорирует потребности населения, в упор его не видит, в ход идут все более острые и неприемлемые формы обращения на себя внимания. Я лично могу охарактеризовать сложившуюся 17 июля ситуацию, как "социальное ДТП" или как "политическую аварию". Представьте, вы видите кадры чудовищной аварии, где есть все – покореженные машины, изувеченные люди, погибшие, раненные. И вам всех жалко – невиновных и даже виновных, потому что все стали жертвами аварии.

И здесь та же ситуация: те, кто ее начал, кто в нее случайно попал, кто не знает, что с ней делать, кто погиб, ранен, пострадал – все так или иначе жертвы этого "социального ДТП". Обратите внимание: фактически 5-й день длится захват полицейского участка, и власти не могут с этим справиться. Молчание власти в

данном контексте по меньшей мере выглядит странно... С одной стороны, мы видим проявление радикализации процессов внутри армянского общества, с другой – активизацию вируса ненависти, злости, агрессии, который "шагает" по всей планете и сродни вирусу холеры, чумы и т.п.... Другое дело, что много недовольных, но они возникли не сегодня, а еще "позавчера". И любая подобная вспышка при условии, что в обществе наличествует довольно серьезный сегмент, считающий, что надо заставить власть обратиться лицом к народу, его проблемам и заботам, любыми средствами, опасна до крайности. Мы, простые граждане этой страны, должны видеть реальные плоды, например, борьбы с коррупцией – не заседания антикоррупционных комиссий, не красивые выступления и громкие слова, а реальные плоды, благодаря которым можем констатировать: власть работает, старается. Я не сторонник того, чтобы всех пересажать, но когда за очевидные преступления нет наказуемых, это деморализует общество и порождает всплески агрессии, которых будет все больше и больше. Власть должна наконец перейти от слов к реальному решению давно назревших социальных проблем. Иначе будут захваты, "майданы", бунты, призывы к революции, свержению власти и т.п. И последует такой дисбаланс, такая раскачка, что мало не покажется...

Мы видим, как в результате подобных раскачек в других странах одна власть уходит, другая приходит... Чтобы избежать подобного негативного сценария, лучше власти отреагировать, выступить, поговорить с населением, объяснить ситуацию, возможно, представить дальнейшие шаги. А сегодня такое впечатление, будто люди в захваченном полицейском участке сидят себе изолированно, кто-то им носит воду, периодически возникают какие-то политические фигуры, журналисты. И это длится уже не один день... И каждый день эта картина на экране наших телевизоров... Я думаю, что этого нельзя допустить... вспышки ненависти, агрессии, попытки забрать у нас все наши победы, добытые с

таким трудом, за счет крупных потерь. Ведь все мы еще помним холодные и голодные годы становления, потери в Карабахской войне. И власть, и те, кто пошел на захват полицейского участка, должны все это осознавать. И, повторюсь, разруливать ситуацию следует быстро и активно, сама собой она не исчезнет, а только превратится в точку накопления и кипения".[8]

На следующий день, 23-го июля 2016 года в моём интеравью "Несбывшиеся ожидания от властей привели к радикализации общества в Армении", данном агентству REGNUM (https://regnum.ru/news/polit/ 2160232.html?t=1469257204), когда шел уже шестой день пока вооруженная группа удерживала заложников в захваченном здании полка патрульно-постовой службы полиции, я писал: "Процесс радикализации шел давно. Это связано с тем, что общество выдвигает определенные требования, имея некоторые ожидания, а власть реагирует либо медленно, либо с опозданием, либо вообще не реагирует. Как правило, в таких случаях находятся социальные группы, идущие на более резкие шаги.

Никто не может относиться с безразличием к данной ситуации... Мне хотелось бы видеть мирное разрешение данной ситуации. Интеллигенция должна выступать и выражать свое мнение...для меня, как для социолога, важно также, чтобы не молчали представители власти. Это весьма опасно и нежелательно. Когда власти молчат, общество воспринимает это как растерянность, либо думает, что власти ожидают пока ситуация уладится сама собой.

Чтобы остановить уличные акции в Ереване и успокоить армянское общество, необходимо, чтобы президент или премьер-министр Армении выступили с развернутым объяснением, что они намерены делать... А пока власти молчат, находятся люди, которые

[8] Там же , с.750-755

берут инициативу в свои руки. Мы не знаем, кто они, кого они представляют.

ИА REGNUM: Как вы считаете, вероятно ли, чтобы в сложившуюся ситуацию, воспользовавшись расколом в обществе вмешалась третья сторона?

Уверен, что они уже вмешались. За последние два дня я внимательно наблюдал за ситуацией, подходил лично к демонстрантам. Я заметил, что среди собравшихся можно было найти кого угодно, от людей искренне возмущенных до однозначных интриганов".[9]

Тогда общими усилиями ситуацию все-таки удалось разрулить. Все участники захвата ППС полиции сдались и были арестованы. Однако, события продолжали раскручиваться по возрастающей спирали. В марте 2017 года в Армении состоялись первые после принятия новой конституции парламентские выборы. Большинство мест в новом парламенте, как и ожидалось, получила правящая Республиканская партия. Кроме неё еще трем партиям удалось преодолеть 5-ти процентный барьер и избраться в парламент. В большом интервью под заголовком "Без тормозов" ("Голос Армении" от 7 марта 2018 года) я, в частности, отмечал: "Что же касается парламента, то он не отражает реальный расклад, существующий в обществе. И никогда не отражал. Для презентабельности формат обеспечен: партия власти и несколько партий, считающих себя то ли оппозицией, то ли альтернативой. Но все это абсолютно не дает представления о реальных настроениях в армянском обществе, социальных группах, чьи интересы должны лоббироваться в парламенте...У наших партий нет привязки к социальным группам, чьи интересы они должны представлять и защищать. Парламент идет своим путем, население - своим".[10]

[9] См там же, с. 756-758

[10] http://golosarmenii.am/article/63535/bez-tormozov

К тому времени, в полном соответствие с новой парламентской формой правления, наш парламент уже избрал президента Армении – Армена Саргсяна. В восприятии населения фигура нового президента в целом выглядела довольно положительно. Он ни в какой партии не состоял, был человеком "извне", во внутриполитических разборках, коррупции, скандальных инцидентах замечен не был. Правда, в прошлом на какое-то короткое время был назначен премьером страны, затем работал послом в Великобритании, но это, как говорится, "отдаленная" дипломатическая должность. Армен Саргсян состоялся за рубежом как личность, как ученый, как бизнесмен. Он был из тех, про кого говорят self-made man, что всегда вызывало уважение у армян.

Выражая общие настроения, я тогда отмечал: "Если же попробовать охарактеризовать социально-политический фон в армянском обществе на данный момент, то можно сказать: ждем перемен, не сильно верим, что они возможны, но отказываться от надежды не хочется."[11] Перемены наступили быстро, стремительно и в самых невообразимых масштабах и форме, которую окрестили как "бархатная революция".

Спусковым крючком или “триггером” послужили скандальные слушания в парламенте по поводу назначения нового премьер-министра страны. Правящая республиканская партия выдвинула вновь кандидатуру Сержа Саргсяна (к тому времени истекал срок его президентских полномочий). Все помнили его обещание не занимать высших государственных должностей президента или премьер-министра после принятия новой конституции. Он таким образом ответил тогда на обвинения оппозиции в том, что власти поменяли конституцию, с единственной целью продлить его пребывание у руля государства. Фактически опасения оппозиции полностью оправдались - парламент большинством голосов избрал Сержа Саргсяна на должность премьер министра. Вот отсюда-то и

[11] Там же. http://golosarmenii.am/article/63535/bez-tormozov

начались все протесты оппозиции, уличные акции гражданского неповиновения, многотысячные митинги. Оппозиционный парламентский блок "Елк" ("Выход") под руководством лидера партии "Гражданский договор" Никола Пашиняна запустил масштабную акцию протеста под громким названием "Сделай шаг - отвергни Сержа!". Акция стремительно стала набирать обороты, количество её сторонников с каждым днем росло как снежный ком. По поводу этих уличных демонстраций в моем интервью "Демонстрация недовольства" ("Голос Армении" от 23 апреля 2018 года)[12] говорилось (привожу почти полностью текст): "Любая провокация может отбросить Армению назад лет на десять", - заявил в интервью "ГА" директор Института философии, социологии и права НАН РА академик Геворк ПОГОСЯН.

Геворк Арамович, сегодня мы видим ситуацию, о которой неоднократно с вами говорили в прежних интервью: в Армении растут протестные настроения, идет радикализация общественного мнения и общественного сознания. И рано или поздно ситуация достигнет пика...

Социологи и тогда писали и предупреждали, что радикализация углубляется и дальше будет углубляться, если власть наконец не повернется лицом к народу. Потому что если есть серьезные нерешенные проблемы, социальные потребности, на которые власть не реагирует, население начинает прибегать к более острым формам протеста, чтобы обратить на себя внимание. Сегодня мы видим уже не просто митинги. Перекрыты дороги, закрыты входы в госучреждения...завтра пойдут дальше и начнется жесткое противостояние - чем дальше, тем больше ситуация будет усложняться. Сейчас подчеркивается, что это "бархатная революция", и протестующие не будут идти на обострение. Вообще надо сказать, что в череде известных цветных революций

[12] http://golosarmenii.am/article/65408/demonstraciya-nedovolstva

армяне выдвинули свою модель, так называемой "одноцветной революции", когда многотысячная толпа ежедневно выходит на демонстрацию и выдвигает только одно требование - отставка премьер-министра. Но нет никакой гарантии, что завтра те, кто идет за Пашиняном, те, кто помоложе и поактивнее, не будут прибегать к более жестким мерам... обратим внимание на структуру протестного движения.

Подавляющее большинство - молодежь...

Да, 90% - это молодежь, а молодежь - наше будущее. Когда будущее протестует против настоящего, это говорит о серьезной болезни, имеющей место в обществе. Если наше будущее до такой степени недовольно настоящим, это не может не беспокоить. И речь в основной массе идет не о маргиналах, но о молодых, грамотных ребятах, которые учатся, работают - это не просто голодный бунт обездоленных людей, а возмущение людей положением в стране. Я говорил в свое время о том, что 70% нашего населения - это протестный электорат, люди, недовольные уровнем жизни, зарплат, пенсий, недовольные отношением власти к населению и т.д. То, что мы видим сегодня, - острие недовольства. Конечно, это не весь народ. Но острие - это верхушка айсберга. А в принципе протестные настроения очень глубоки...

На данный момент мы видим выплеск возмущения. Это не предложение решений, не очерчивание пути, маршрута, а демонстрация недовольства. Есть ли какие-то разумные решения? На первый взгляд, острие возмущения направлено против личности Сержа Саргсяна, но на самом деле это проявление недовольства против тех порядков, которые сложились (и давно уже) в стране - коррупции, чиновничьего произвола, клановости, тем, что власть в основном защищает интересы крупного капитала, а не народа, и т.п. Надо решать накопившиеся вопросы. А чтобы решать, нужно иметь совершенно другой кадровый состав правительства.

Но он уже не другой...

- И это очень плохо. Далее: должен быть постоянный диалог с населением - то, чего у нас не было. Жизненно необходимо найти пути, возможности диалога. Этот шаг должна сделать власть. Ибо то, что мы видели вчера, ведет к разрушению. Это будут конфронтации, столкновения, ослабление страны и на границах, и внутри. Это тупик, туда идти нельзя.

Вы видите опасность внутреннего субэтнического раскола?

Он уже происходит. Сейчас много всякой разной информации, в том числе и фейковой, провокационной. Все будет выливаться в медиапространство, в прессу, как это обычно бывает. И это неизбежно будет усиливать раскол в стране, деление на своих - не своих, прозападных - прорусских, карабахских - местных. Любой раскол опасен и приведет к разрушению, а не к укреплению нации. Были благоразумные призывы к диалогу. Фактически власть пошла на этот шаг".

4. ***Первые итоги. 21 января 2019 года***

Возвращаясь к нашей прерванной беседе, сегодня, 10 месяцев спустя, могу сказать, что все уже произошло! И "бархатная революция" в апреле прошлого 2018 года, и неожиданная и добровольная отставка бывшего премьер-министра Сержа Саргсяна, и выборы (под давлением стотысячной толпы революционных масс) нового премьер-министра Никола Пашиняна, и даже прошедшие 9-го декабря 2018 года внеочередные выборы нового Парламента Армении, на которых партия "Мой шаг" нового премьера Никола Пашиняна одержала сокрушительную победу, получив около 71 процент голосов. Партия Сержа Саргсяна "Республиканская партия Армении" набрала только 4,7 процентов голосов избирателей и не прошла в новый парламент страны ("проходной балл" согласно нашей Конституции был 5 процентов для партий и 7 процентов для политических блоков).

Таким образом, апрельская революция в Армении пришла к своему логическому завершению, сформировав полностью новую исполнительную и законодательную ветви власти. В республике образовалась, как я писал в СМИ, новая политическая монополия - практически безраздельная власть одной силы, одной партии, а точнее, одного человека – Никола Пашиняна. Вся его многочисленная партия, парламентская фракция большинства и сформированное новое правительство почти полностью состоят из молодых людей, совершенно не обладающих опытом государственной работы. Хорошо это, или плохо - покажет самое ближайшее будущее. Во всяком случае, случилось именно то, о чем я предупреждал пару лет назад в моей газетной статье "Другая Армения". Я имел ввиду, что придет поколение новых молодых армян, которое родилось в независимой Армении. Это новое поколение, которое не училось в советских школах, не состояло в рядах пионерии или комсомола, плохо владеет русским, знания черпает в основном из интернета, потому знакомо с английским и считает, что Запад и Европа - это именно то, к чему нам надо стремиться и чему следут почти во всём подражать. Своего рода - digital generation армянского розлива.

Мы уже стали свидетелями арестов бывших чиновников высшего ранга, в том числе второго президента страны - Роберта Кочаряна, брата и племянника Сержа Саргсяна, отзыва из Москвы секретаря ОДКБ Юрия Хачатурова и могих других чиновников. Последовала серия громких судебных разбирательств над "бывшими".

Общество сегодня несколько озабочено "портящимися" отношениями с Россией. Так, далеко не пророссийская армянская газета "Грапарак" писала, что отношения между Арменией и Россией с каждым днем становятся все сложнее. Занимающий в течение 10 месяцев пост премьер-министра Никол Пашинян официально не приглашен в Россию. К целому узлу проблем с ОДКБ прибавилась также проблема цены на российский газ. Другая газета устами своего журналиста обращалась к премьеру с

просьбой-предупреждением: "вы более не журналист, не общественный заводила, не внесистемная оппозиция, не руководитель ничего не решающей партии в парламенте, не нелегитимный премьер-министр, как прошлые полгода. Вы – проживающий уже пятый десяток лет руководитель страны и общества с миллионами людей на этой земле и за ее пределами, с историей не в одну тысячу лет.... Вы должны принять решение в координатах суперпремьерской власти и прекратить тратить ресурсы общества и государства на распространение ненависти и начать формировать механизм преобразования энергии революции в конструктивном русле".

В нашем обществе уже стали доноситься голоса, призывающие новую власть серьезно оценить меру своей ответственности и перестать мыслить и поступать под воздействием эмоций. Время эмоций и протестов уже давно прошло - настало время принятия конкретных, хорошо продуманных и далеко просчитанных управленческих решений и видимых для общества позитивных шагов.

Да, Геворк, перерыв был немалый, постепенно вернемся к собственно твоему жизненному пути. А пока еще несколько вопросов о событиях прошедших месяцев. Была ли вероятность гражданской войны в Армении? Если была, как удалось ее избежать? Была ли опасность получения «дружеской помощи» от России? Какую роль во всех прошедших событиях играл фактор Карабаха?

Вероятность гражданской войны сейчас уже трудно сказать, была или нет. Но точно можно сказать, что власть тогда могла не уступить, не пойти на попятную, а проявить решимость и даже применить принятую в таких случаях силу. Как это часто бывает во многих странах, в том числе развитой европейской демократии. Но армянские власти в лице Сержа Саргсяна решили уступить и просто отойти в сторонку. Почему они поступили именно таким образом, никто не счёл необходимым объяснять народу, и это

осталось самой большой загадкой. Когда-нибудь, в будущем возможно мы узнаем, в чём был секрет подобной смиренной уступчивости властей.

Что касается возможности получения "дружеской помощи" от России или кого бы-то ни было ещё, то она была бы возможной в случае, если бы армянские власти проявили сопротивление давлению улицы. Но поскольку этого не произошло, то и помощь не была оказана. При этом не следует сбрасывать со счетов возможности получения "дружеской помощи" от кого-то также и демонстрантам, требующим отставки премьер министра. Ведь в то время главное требование восставших масс было оформлено лаконичной фразой: "Отвергни Сержа !".

Фактор Карабаха, или точнее карабахской проблемы, во всех прошедших событиях, да и во всех будущих событиях, играл и будет играть немаловажную роль. Но в том историческом контексте он был совершенно латентным, оставался для всех непроявленным. Возможно только непосредственные участники и их дистантные "покровители" имели его в виду. В ближайшем будущем скорее всего это станет и для нас более понятным.

5. ***Снова – биография. Уже не «физик», но еще не «лирик»***

Мне кажется, мы верно поступили: тормознули обсуждение траектории твоей личной жизни и рассматривали по горячим следам события, касавшиеся всей Армении и интересовавшие значительную часть мира. Теперь продолжим рассказ о том, что происходило у тебя, с тобой... Завершен университет, получена профессия физика, весьма престижная в те годы... но к моменту окончания учебы ты понял, что - «не физик, а лирик»... и вот, ты оказался в Республиканской научной библиотеке. Перед тобой – гора материалов об установках и поведении читателей Армении, тебе предстоит все это обработать и проанализировать. Сегодня мы оба понимаем, не простое это было дело, особенно, не имея опыта работы с социологической информацией. Как и что ты сделал, как

происходило твое вхождение в социологию, кто учил, кто помогал?

Вернемся к нашей археологии памяти. Прошлое обычно рисуется нами так, как нам представляется, или помнится, или хочется помнить сегодня. Иначе говоря, прошлое - это почти всегда произвольная реконструкция, проделываемая сегодня. Вот представь, если там у тебя в Калифорнии, где-нибудь в Пало Альто или Мелтон Вью, раскопали бы пару глиняных черепков и, конечно, археологи пришли бы к выводу, что тысячу лет назад здесь было развито гончарное искусство. Точно так мы сегодня с тобой проводим "раскопки" в нашей памяти и в соответствие с нашим уровнем воображения и фантазии рисуем картину давно отплывшего прошлого. Я всегда полагал, что история, особенно история прошлого - это как кубик-рубик, дает множество возможностей его "собрать". Но в отличие от кубика-рубика, где всегда получается одна и та же конечная конфигурация, у истории бывает намного больше вариантов - сколько историков, столько и вариантов.

Раскопки моей памяти сегодня мне подсказывают, что тогда, будучи сотрудником Республиканской научной библиотеки им. Ал.Мясникяна, я просмотрел огромное количество этих заполненных анкет, которые дали мне проанализировать, и первое, что пришло на ум, - это применить методы статистического анализа. Мы этот предмет проходили на физфаке. Но мою задачу чудесным образом облегчил человек, приехавший из Москвы в Армению. Он работал тогда в отделе социологии чтения (мне так помнится название отдела) Всесоюзной Библиотеки имени В.И.Ленина. Его командировали в Ереван как раз для консультации и оказания помощи по анализу результатов проведенного социологического исследования. Весь женский коллектив нашего отдела был страшно рад его приезду, и меня сразу передали в его распоряжение. Михаил Афанасьев, так звали нашего гостя и спасителя. (Михаил Дмитриевич Афанасьев -

известный советский и российский историк библиотечного дела и социолог, впоследствии директор Государственной публичной исторической библиотеки России, президент Российской библиотечной ассоциации). Умнейший и интеллигентнейший человек, он сразу ввёл меня в курс дела. Как мне представлялось тогда, социология – это очень даже легко и просто. Выяснилось, что нет никакой необходимости мне вручную подсчитывать цифры и проценты, а можно запустить все эти данные в специальную машинную программу ЭВМ, и она всё подсчитает. В то время еще только начинали использовать перфокарты, ленточные бобины для ЭВМ и метры бумаги с таблицами и цифрами, выдаваемые умной машиной. За пару дней он мне разъяснил всю эту нехитрую "цифродинамику" и предложил съездить в Москву, чтобы на месте лучше ознакомиться. Мы всё так и сделали, и через пару месяцев наша билиотека опубликовала работу "Книга и чтение в жизни армянского села" (на армянском языке), в которой анализировались результаты социологического исследования, проведенного в сельских библиотеках Армении. Это была моя первая публикация в социологии (1976 г.).

Однако, в археологических раскопках моей памяти сохранился небольшой, очень яркий эпизод, оставивший глубокий и совершенно неизгладимый след. Мы тогда, в пору приезда Михаила Афанасьева в Армению, совершили несколько поездок в отдаленные районы республики для посещения нескольких сельских библиотек. В одну из таких поездок, мы возвращались из Гориса, небольшого городка на юге нашей республики. А в то время, надо сказать, у нас еще функционировали местные авиалинии. Сейчас их и в помине нет, но тогда небольшие самолётики летали во многие районы республики. В народе их называли "кукурузниками" или "этажерками" из-за двухэтажной конструкции крыльев. Это были небольшие машины на 8-10 пассажиров, с одним винтом на носу. Так вот мы с Михаилом и летели на такой "этажерке" из Гориса в Ереван. Где-то на половине

полёта мотор "этажерки" стал барахлить и вдруг окончательно заглох. Самолёт в зловещей тишине заглохшего мотора стал сильно терять высоту. Грубо говоря мы падали... Неописуемая паника охватила всех пассажиров небольшого салона. Мы все сидели под стенками салона, в два ряда, друг против друга. Мужику напротив меня стало плохо, пожилая женщина рядом с ним стала вопить и громко причитать, кто-то стал молиться, а кого-то стошнило. Я сидел буквально рядом с кабиной пилотов. Они находились там за небольшой и не закрытой железной дверцей. Охваченный пока только чувством ответственности за московского гостя, я приоткрыл дверцу кабинки пилотов, чтобы строго спросить, что собственно у них там происходит. Но когда я увидел побледневшие и растерянные лица двух молоденьких пилотов-курсантов, вот тогда я понял, что нам "хана". Моё разочарование было действительно глубоким...

Как пишут в приключенческих романах: "Дорогой читатель, если вы сейчас читаете эти строки, значит мы остались живы". А говорят, чудес не бывает... Заглохший мотор так же неожиданно заработал, и мы совершили вынужденную посадку в небольшом промежуточном аэродроме городка Варденис. Через полчаса объявили посадку на другой самолёт в Ереван, но все перепуганные пассажиры злополучного рейса уже пересели в междугородний автобус. Казалось, что чудом всё пронесло, и мы отделались только испугом. Лишь спустя много месяцев, когда мне как-то снова довелось лететь на самолете в Москву, я с ужасом обнаружил, что какой-то неодолимый, совершенно животный страх поселился во мне. Долгих два последующих года я тяжело и с большим упорством, не без помощи армянского коньяка, в каждом полете выдавливал этот дикий страх из себя. Хорошо, тогда разрешали брать с собой напитки в салон! Этот зловещий эпизод нашей жизни мы с Михаилом никогда впоследствии не вспоминали, по молчаливому обоюдному согласию.

Однако, очевидно, это приключение не отбило твое желание заниматься социологией, возможно, даже усилило его. Это было в 1971 году, что за этим последовало?

Нет, ну конечно, не отбило. Оно никакого отношения к социологии не имело. В последующие месяцы я занимался чтением социологической литературы, чтобы поближе познакомиться с этой новой для меня (и как выяснилось, не только для меня) наукой. Благо в библиотеке было немало литературы. Но, пожалуй более серьезный интерес к социологии у меня возник, когда перешел работать в отдел социологии Института философии и права АН Арм.ССР.

Это был новый отдел, который открылся в Институте несколько месяцев назад, и заведующая Людмила Арутюнян предложила мне перейти работать к ним. Она часто бывала в библиотеке, и там мы с ней познакомились. Видела она также мою первую работу по социологии чтения. Формировался новый отдел в Институте и, конечно, мне было интереснее работать там, в академической среде. Тогда я даже предположить не мог, что судьба меня свяжет с этим институтом навсегда.

6. ***Рубеж, подготовка и защита кандидатской диссертации***

Похоже, да, ты оказался в нужном месте и в нужное время, но это – часть дела. И ты оказался нужным человеком... и как началась твоя работа в предназначенном тебе судьбой месте?

Должен заметить, что в Институте философии и права занимались социологическими исследованиями и даже публиковали сборники статей и книги по теоретической социологии и по методологии социологических исследований еще задолго до создания самостоятельного отдела социологии. Но в свое время дирекция Института направила в московскую аспирантуру по социологии 5-6 молодых сотрудников, которые успешно проучились в аспирантуре Института конкретных социологических исследований (ИКСИ) АН СССР. После их возвращения в Ереван, и именно на этой кадровой основе был создан Отдел

социологических исследований. В него вошли тогда, окончившие московскую аспирантуру сотрудники - А.Тадевосян, Э.Кюрегян, И.Аракелян, Л.Меликян, К.Акопджанян, С.Давтян, В.Шиканян, М.Пилоян. Как минимум пятеро из них защитили свои кандидатские диссертации в том же московском институте. Правда также, что социологические исследования в Армении проводились задолго до создания этого отдела. Хорошо были известны конкретные исследования в области социологии армянской семьи Г.Айряна, по истории социологии и социальной мысли в Армении Г.Хрлопяна, Г.Мхитаряна и других. В академическом Институте археологии и этнографии уже существовал отдел этносоциологии под руководством Э.Карапетян. В системе ряда министерств и комитетов периодически проводились социальные и социологические исследования по различной ведомственной тематике.

Когда я пришел во вновь созданный отдел социологии в нём уже трудились вернувшиеся из московской аспирантуры сотрудники А.Тадевосян, Э.Кюрегян, И.Аракелян, Л.Меликян и К.Акопджанян. Отдел в то время проводил прикладные социологические исследования на различных заводах и фабриках республики, изучая социальные проблемы трудовых коллектив, отношение к труду работников и все такое. Я, конечно, тоже в качестве анкетера, а потом и супервайзера проводил эти опросы в трудовых коллективах. Через короткое время стала актуальной и популярной тема образа жизни и ценностных ориентаций советских людей. В отделе начали работы по подготовке программы и инструментария большого прикладного (как тогда говорили) социологического исследования в Армении по образу жизни. Очень многое делалось на теоретической и методологической основе знаменитых, теперь уже ставших классическими, работ В.А.Ядова "Человек и его работа" (*Здравомыслов А. Г., Ядов В. А., Рожин В.П.* Человек и его работа (социологическое исследование) - М.,

«Мысль», 1967 г.) и книги по регуляции социального поведения личности (*Ядов В. А., Магун В. С., Борзикова П.В., Водзинская В.В., Каюрова В.Н., Саганенко Г.И., Узунова В.Н., Семенов А.А. "*Саморегуляция и прогнозирование социального поведения личности". Под. ред. В.А. Ядова. Л.: Наука, 1979 г.), и нескольких других работ. В ходе наших долгих обсуждений и на основе уже приобретенного кое-какого опыта мне в голову пришла мысль попытаться измерить степень воздействия интервьюера на ответы опрашиваемых им респондентов, в особенности в той части исследования, в которой речь шла о жизненных ценностях. Идея эта понравилась руководству, и мне разрешили поэкспериментировать. Я разработал специальную анкету с вопросом о ценностях для интервьюеров, которую они должны были заполнять до начала полевого этапа. После завершения опроса и обобщения результатов, я сравнивал шкалу ценностей самого интервьюера с теми результатами, которые были получены в анкетах, проведенных/заполненных именно этим же интервьюером. В результате оказалось много интересного, в особенности в зависимости от пола и возраста конкретного интервьюера и конкретного респондента. Свой анализ первоначально я в шутку назвал "интервьюер и его респонденты". Тогда я и не думал, что всё это выльется в мою кандидатскую диссертацию, а затем в монографию "Метод интервью и достоверность социологической информации" (Ереван, Изд. АН Армении, 1985 г.).

Да, Геворк, я помню эту твою работу, она была – оригинальной, свежей. Мне кажется, ты с задумкой или уже результатами приезжал в Ленинград, в сектор В.А.Ядова. И тогда наш, к сожалению, покойный друг Леонид Кесельман познакомил нас... более тридцати лет назад... Где ты защищал свою работу, кто оппонировал тебе?

В Ленинград меня командировали из нашего Института с целью ознакомиться с методами машинной обработки данных

социологических опросов в Вычислительном Центре. Я привез с собой перфокарты проведенного у нас соц. опроса и была договоренность, что их введут там в ЭВМ и проведут первичную обработку, иначе говоря выдадут таблицы одномерных распределений. Тогда они печатались на десятках метров широкополосной бумаги. Если мне память не изменяет, это был вычислительный центр при ИСЭП в Ленинграде. По крайней мере он имел к нему какое-то отношение, потому что именно оттуда я познакомился с социологами из ИСЭП. Тогда там работали Олег Божков, Татьяна Протасенко, Леонид Кесельман, Галина Саганенко, Валерий Голофаст, Борис Докторов и, конечно, Владимир Александрович Ядов. Это был весь цвет так называемой "Ленинградской школы социологии". Мне в этом смысле очень повезло, потому что судьба свела меня с людьми, которых отличало прежде всего умение креативно мыслить, избегать всякого рода шаблонов и штампов, и главное строить отношения даже с "зелёными" новичками на какой-то особой, присущей наверное только питерским, интеллигентно-уважительной тональности. Там у них царила редкая человеческая атмосфера, с которой я в последствие не часто сталкивался. Сейчас, по прошествии четырех десятков лет, я думаю, что именно питерская школа привила мне вкус к социологии и окончательно убедила в ней остаться. За что я, конечно, ей безгранично благодарен.

В 2016 году, когда меня настигла весть о безвременной кончине глубоко уважаемого В.А.Ядова, я написал небольшую статью в международный журнал "Global Dialoge" (number 6, issue 1), издаваемый Международной социологической ассоциацией (ISA). Статья была издана в переводе на 17 языков. Вот её русский текст:

Владимир Ядов. Икона советской и постсоветской социологии"

Есть ученые, с именами которых связано становление научной школы или даже целой научной дисциплины. Владимир Александрович Ядов был одним из тех пионеров советской эпохи, научными трудами и усилиями которых формировалась советская

социология. Начиная с 60-х годов прошлого века несколько поколений армянских, да и советских социологов, выросло на научных трудах В.А. Ядова. Его знаменитые три книги: "Человек и его работа" (1967г., в соавторстве с А. Г. Здравомысловым и В.П.Рожиным), "Социологическое исследование: методология, программа, методы" (1972г.) и "Саморегуляция и прогнозирование социального поведения личности" (1979г. в соавторстве) стали, можно сказать, настольными книгами советских социологов. Для многих молодых людей его "красная книга" (Социологическое исследование: методология, программа, методы) впервые открыла врата в социологическую науку.

Благодаря своим фундаментальным научным трудам философ В.А.Ядов фактически стал живым классиком советской социологии. Те из нас, немногие армянские социологи, кому посчастливилось иметь возможность общаться с ним непосредственно, слушать его лекции и выступления или даже дискутировать и обсуждать различные научные проблемы, надолго, если не навсегда, заразились его особым отношениям к своей работе, социологической науке. Он был всегда открыт для общения со всеми, невзирая на возраст, научные звания и степени, национальность или идеологические взгляды собеседника. Он всегда стремился проявить уважение к взглядам собеседника без стремления непременно прийти к общему мнению. Мне глубоко врезались в память его слова о том, что "главное удовольствие приходит от того, что удается понять что-то новое самому и потом уже сообщать об этом другим". Еще в пору работы в Ленинградском Институте социально-экономических проблем Ядову удалось собрать и сплотить вокруг себя творческую группу талантливых социологов. Там у них царила совершенно иная - критическая и свободная атмосфера, сильно отличавшаяся от привычной тогда в научных коллективах гуманитарного профиля идеологически зашоренной советской. Все, кто попадали в эту особую атмосферу, невольно проникались ее духом свободного

научного поиска и творческой мысли. По крайней мере здесь в Армении мы чутко улавливали ветер перемен и дуновение свежих идей, исходящих из этой научной лаборатории. Возможно сам того не подозревая, Ядов инициировал создание и сам стал центром огромного и незримого научного колледжа, виртуального сообщества или даже своего рода "духовного братства" близких по мировосприятию и жизненным ориентациям людей.

Особенно в последние годы своей жизни, он считал, что социологи должны по возможности влиять на "движение социальных планет", как он выразился в одном из своих последних интервью Борису Докторову. Ученый, книги которого, заложили начало формированию и развитию целой научной отрасли, считал своим долгом утверждать: "Если мы социологи будем писать только книги, мы не исполним своего гражданского долга". И это можно считать своего рода научным завещанием Ядова.

Строгий и требовательный в работе, он обладал особым человеческим обаянием, из-за чего к нему тянулась научная молодежь со всех республик бывшего Союза. Человек искренне и без остатка преданный науке, он высоко ценил в молодых социологах творческий порыв, свежесть мысли, эвристический взгляд на ставшие привычным научные подходы.

Нам, армянским социологам, будет его сильно не хватать. Как грустно заметил мой московский друг, близко знавший его, Михаил Косолапов: "фактически с Ядовым уходит целая эпоха...."

Мне кажется, эта эпоха уходит не сразу, а медленно и величаво, по частичке, вместе с каждым из тех, кто в ней рос и формировался как социолог, кто помнит и еще держит в себе неизгладимый вкус того поистине свободного духовного братства.

Вообще Ленинград, Санкт-Петербург и питерская интеллигенция, сыграли и продолжают играть в моей жизни огромную ценностно-ориентационную роль. Сегодня там живут мои родственники, друзья и родной брат Том со своей большой семьей. Они с женой переехали туда к детям сравнительно недавно, после нулевых, как

сейчас говорят. Мой старший брат Товма Арамович Погосян, хороший врач-терапевт с большим стажем работы, кандидат медицинских наук, и к тому же композитор, который сейчас пишет прекрасные фортепьянные пьесы для детских музыкальных школ Петербурга.

Начиналась перестройка... Наверное, тебе пришлось законсервировать свои планы по методическим исследованиям и включиться в разработку актуальной социально-политической проблематики?

Законсервировать, действительно пришлось, но я успел защитить кандидатскую диссертацию по методике в Москве, в Институте конкретных социологических исследований в 1983 году. Я был оформлен заочным аспирантом в отдел к Г.В.Осипову. К нему тогда попасть было не просто и за меня официальным письмом попросил директор нашего Института, прекрасный человек и строгий руководитель Товмасян Степан Суренович.

Первоначально я собирался просить Владимира Эммануиловича Шляпентоха стать моим научным руководителем. До меня он руководил диссертацией одного из наших социологов - Мелса Пилояна, и тот рекомендовал мне обратиться именно к нему (автору известной "зеленой" книжки). По моей просьбе Владимир Эммануилович назначил нашу встречу странным образом в метро, на одной из станций, недалеко от Института. И там честно поведал мне, ничего не подозревавшему аспиранту, что он уже оформил дела на выезд из страны, и в силу известных обстоятельств, не стоит подвергать себя риску иметь такого научного руководителя. Много лет спустя, в 1995 году, будучи в США в качестве приглашенного профессора в Делаверский университет, я узнал от моего научного куратора, известного профессора Энрике Карантелли, что он хорошо знаком с Владимиром Шляпентохом. Тот преподавал тогда, если не ошибаюсь, в Мичиганском университете. Энрике позвонил Шляпентоху и после нескольких слов передал трубку телефона мне. Мы с ним немало посмеялись,

припомнив нашу почти детективную встречу в метро. Сейчас мне невольно вспомнилась его статья 2008 года под символическим названием "Страх и дружба в нашем тоталитарном прошлом". В ней он в частности писал: "Как ни было ужасно тоталитарное общество, как ни преследовали нас страхи, мы жили, получали образование, насыщались мировой культурой, часто занимались интересной профессиональной деятельностью". И это была чистая правда. Многие и сейчас порой ностальгируют по поводу этого утерянного навсегда прошлого.

Профессор Осипов действительно в те годы был очень занятым и весьма уважаемым, авторитетным ученым, как в академических, так и во властных партийных кругах большого советского государства. Мне не часто удавалось встречаться с ним во время моих редких и довольно коротких командировок в Москву. Зато сейчас я с большой теплотой вспоминаю те годы моей учебы, когда одного его короткого слова было достаточно для моего дальнейшего продвижения на нелегком пути к защите диссертации. И в наши дни, при каждой нашей очной или заочной встрече, я всегда с благодарностью напоминаю Геннадию Васильевичу о той огромной роли, которую он сыграл в моем профессинальном становлении. Мне тогда бескорыстно помогли практически все сотрудники его большого отдела, да и всего Института. Самую действенную и неоценимую помощь мне оказали советы и замечания уважаемой Ольги Михайловны Масловой и Ирины Журавлевой. А Геннадий Семенович Батыгин, тот прямо с ручкой в руках прошелся по всему тексту моей диссертации, делая необходимые правки и профессионально редактируя текст. И Жан Терентьевич Тощенко, и Валерий Андреевич Мансуров, и Юрий Николаевич Давыдов, и Андрей Григорьевич Здравомыслов, и Фридрих Рафаилович Филиппов, и Игорь Васильевич Бестужев-Лада, и Игорь Семенович Кон, и Овсей Ирмович Шкаратан (который приезжал в Ереван на открытие Армянского отделения ССА), и Владимир Георгиевич

Адреенков, и Зинаида Тихоновна Голенкова, и Михаил Мацковский, и Альберт Кравченко, и Ирина Сосунова, и Михаил Косолапов, и Лариса Козлова, и Галина Заикина, и Валентин Попов и Карине Щадилова (из редакции журнала "Социс") и многие другие. Да, пожалуй, мне не хватит даже страницы, чтобы только перечислить имена всех тех московских коллег и друзей социологов, которые оказали мне тогда огромную помощь.

Безусловно, Геворк, ты поварился в крепком, профессиональном бульоне. Теперь, пусть кратко, напиши, какое блюдо ты приготовил?

Дело в том, что тогда я еще не совсем отошел от своего базового образования - физики, и ко многим проблемам социологии присматривался и подходил с точки зрения и по меркам естестственных наук (это как сейчас я понимаю, тогда наверное не задумывался). А в них точность и возможность повторения эксперимента является базовым требованием для обеспечения объективности полученных результатов. В социологии же, и вообще в общественных науках точное повторение эксперимента по определению просто невозможно, и к тому же исследователь и само исследование оказывают воздействие на поведение исследуемого объекта. В физическом мире поведение наблюдаемого или исследуемого объекта не меняется и не зависит от того, наблюдают за ним или нет. Орбитальное движение планет не зависит от наблюдающего за ними астронома, а траектория бильярдного шара не меняется от самого факта наблюдения за его движением. В социологии все не так. Здесь сам факт исследовательского наблюдения уже оказывает воздействие на исследуемый объект. Социальный прогноз оказывает корректирующее воздействие на ход социальных процессов. Социолог своей разработанной анкетой, характером и порядком вопросов в ней уже формирует и определяет некое пространство возможных ответов. Интервьюер в свою очередь, уже тем как задает вопрос анкеты, с какой интонацией его зачитывает, как себя

ведет, как выглядит, является мужчиной или женщиной, вольно или невольно оказывает воздействие на ответы респондентов. Вы получите различные результаты опроса одного и того же респондента, в зависимости от того, кто проводил интервью - мужчина или женщина, молодой или взрослый интервьюер и пр. Это давно изучено и существует огромная научная литература за рубежом относительно того, как себя должен вести интервьюер, чтобы по возможности свести к минимуму фактор его субъективного воздействия. Моя задача заключалась в том, чтобы изучить не только внешние характеристики интервьюера, могущие оказать воздействие на ответы респондентов, но и такие его "внутренние" характеристики, как например, его личные ценностные ориентации и представления. Как показал проведенный мной масштабный эксперимент, действительно личные установки, ценностные ориентации и представления интервьюеров оказывают значительное воздействие на характер ответов опрошенных им респондентов. Таким образом, возникает серьезный вопрос к степени достоверности полученной подобным методом социологической информации.

Вообще, безотносительно к этому, я уверен, что точность данных, полученных в результате социологического исследования или опроса, недостаточно велика для того, чтобы подвергать эти данные строгому математическому и статистическому анализу, что очень часто делается (индексация, шкалирование, корреляционный, регрессионный, факторный и др. анализы). Мне кажется, что социальные и психологические исследования должны проводиться не в традиционной механической логике макромира, а скорее в логике микромира, пространства элементарных частиц, в логике квантовой теории, с её фундаментальным принципом неопределенности. Но это, видимо, дело будущего.

Какие выводы своих наблюдений ты вынес на защиту?

Собственно я о них и говорил абзацем выше. А именно на защиту моей кандидатской диссертации в Специализированном совете по

защите ИКСИ в Москве я вынес положение о том, что на ответы респондентов во время интервью воздействие могут оказывать и оказывают не только неоднократно изученные в научной литературе такие "внешние" характеристики интервьюера, как его пол, возраст, манера задавать вопросы и т.п., но также его "внутренние" характеристики, как например, его личные ценностные ориентации и представления. Результаты проведенного мною эксперимента на материалах репрезентативного полевого исследования, проведенного в Армении, показали, что ценностные ориентации конкретных интервьюеров оказывают значительное (и замеренное мною) воздействие на ответы проинтервьюированных им респондентов об их ценностных представлениях. Перед началом полевого исследования я провел опрос интервьюеров на предмет выявления их ценностных ориентаций по шкале ранжированных ценностей-целей. Точно такой же вопрос задавался в анкете исследования всем респондентам. После окончания опроса я провел анализ на основе расчета коэффициента ранговых корреляций Спирмена между ранжированной шкалой ценностей каждого интервьюера с усредненной шкалой ценностей именно тех респондентов (25-35 человек), которых проинтервьюировал данный интервьюер. Анализ показал большое значение величины коэффициентов ранговых корреляций между ними. Прямо или косвенно это свидетельствовало о том, что личные ценностные ориентации интервьюера оказывают ощутимое воздействие на ответы респондентов, в частности на его ценностные представления. Грубо говоря, интервьюер во время опроса невольно "навязывал" свои ценностные представления тем респондентам, которых он опрашивал. Вот приблизительно и вкратце то основное, что я вынес тогда на мою защиту в Институте. Защита длилась достаточно долго, более двух часов. Выступили многие члены Совета, задавали мне много вопросов, ну и в конце концов единогласно проголосовали "за". Много месяцев спустя Гена

Батыгин мне как-то сказал, что моя книга "Метод интервью и достоверность социологической информации" (1985г.) была внесена в список обязательной литературы для сдачи кандидатского минимума аспирантам ИКСИ.

7. ***Началась Перестройка***

Итак, это событие произошло в 1983 году, и вскоре, как ты заметил выше, события в Армении, в СССР заставили тебе отойти от собственно методолого-методической проблематики к изучению социальных процессов, проходивших в республике. Началась перестройка, как восприняло население республики первые слова, первые начинания М.С. Горбачева? Какая тематика привлекла твое внимание?

Началась Перестройка. Карабах

От методологических и методических проблем социологии я собственно недалеко отошел, поскольку они постоянно возникают в ходе исследований и даже сегодня. Но другое дело, что социальная реальность требует от социолога профессионального реагирования на постоянные перемены, на актуальные проблемы; возникает необходимость их научного изучения и осмысления. В этом смысле горбачевская перестройка в тот период полностью захватила все внимание советского общества и, конечно, экспертное сообщество не могло оставаться в стороне. После долгой поры брежневского застоя было совершенно неожиданно услышать из уст партийного руководства страны призывы к гласности и перестройке. Это была настоящая революция в сознании людей. Сейчас, спустя более тридцати лет, многие оценивают роль Горбачёва весьма и весьма отрицательно. Однако в то время, я хорошо помню с каким воодушевлением люди воспринимали его речи, это была настоящая волна социального подъёма, эйфории. Люди восторженно отзывались о нём, как о новом реформаторе, приход которого наше общество очень давно ожидало. Во всяком случае наши опросы общественного мнения показывали, что население Армении полностью поддерживает

новый курс Горбачёва. Было такое впечатление, что люди наконец получили глоток свежего воздуха. Я вместе с молодыми коллегами из нашего Института воспринял перестройку как призыв к активной вовлеченности в социальные процессы. На вооружение были взяты знаменитые слова Маркса о том, что философы должны не только объяснять, но и изменять мир, окружающую нас действительность. Взрослое поколение относилось ко всему этому с некоторой опаской и предубеждением. Сказывалась многолетняя партийная выучка, приверженность традициям и идеологическая бдительность. Можно сказать, в сообществе интеллектуалов, в особенности среди профессионалов «идеологического фронта», наметился некий раскол между старшим и молодым поколениями. Молодежь, как всегда, безудержно рвалась вперед, навстречу большим переменам. Социологи может быть больше всех ощутили тогда этот ветер перемен. Самым сильным ощущением тех лет, пожалуй, было ощущение некоей свободы, свободы от надоевших клише и многочисленных необоснованных запретов.

Тогда социологи во многих республиках и городах решили испытать себя в политике: вступали в различные партии и движения, помогали им в создании программ, участвовали в городских, республиканских и всесоюзных выборах. Ты не пробовал идти в политику?

Да, тогда и задолго до того многие социологи и не только они пытали свои силы в политике. У меня как-то никогда не возникало такого желания. Еще в студенческие годы меня с моими товарищами пытались привлечь к работе в райкоме комсомола, а затем, годы спустя, и в ЦК партии. Мы были очень активными студентами; играли в КВН, устраивали различные вечеринки, ездили в стройотряды и поездки во время «студенческой весны». Одним словом, как и все наверное студенты-физики, были наиболее шумным и заметным племенем в университете. Студентами мы носили длинные волосы и бороды, что никак не соответствовало облику классического комсомольского активиста.

Позже, когда началась в стране перестройка, некоторые мои коллеги из Института действительно активно включились в политику. Кое-кто стал позже депутатом, кто-то даже министрами в новой власти и в других государственных структурах. Меня, конечно, тоже и тогда, и впоследствии, приглашали в различные политические партии и даже на высокие госдолжности. Однако я считал, и сейчас считаю, следуя позиции В.А.Ядова, что роль социолога в обществе не менее важна, чем роль политика и управленца. И для эффективного и по возможности научно-обьективного исполнения этой роли, социолог не должен быть партийным. Он должен быть всегда в центре событий, но всегда должен быть где-то «над схваткой», а не внутри, тем более одной из сторон. Это, конечно, не просто и не всегда получается. Проблема взаимоотношения социолога и власти – огромна и не нова, но всегда актуальна. Каждый из нас решает ее по своему.

Отвечая на твой вопрос, могу сказать – я всегда имел и продолжаю иметь весьма активное отношение к политике, но никогда в ней не был.

Поскольку мы вернулись в годы начала перестройки, не могу не спросить о Карабахском конфликте. Я помню, в Институт социально-экономических проблем АН СССР приезжали армянские социологи, рассказывали... я помню, на высоком форуме Советской социологической ассоциации Галина Старовойтова с горечью рассказаывала о всем происходыщем... новые поколения россиян всего этого уже не знают, пожалуйста, расскажи кратко, расскажи об исследованиях конфликта, наверное, они были? каково сегодня общественное мнение населения Армении о Карабахе...?

Да, мне тоже приходилось не раз выступать на различных встречах и конференциях, в том числе и в Институте социологии, и на центральном телевидении, и в печати. Галина Старовойтова много раз приезжала к нам в Ереван и бывала в Карабахе, она знала проблему во всех деталях. Армянский народ всегда будет помнить

ее с большой благодарностью за ее научную объективность и личное мужество. Многие известные представители российской интеллигенции в те дни встали рядом с борющимся народом Карабаха. Рассказать кратко историю карабахского конфликта, которая уходит корнями далеко в прошлое, боюсь не получится. Но вот то, что новые поколения россиян всего этого не знают, пожалуй не самое страшное. Гораздо опаснее то, что новые поколения плохо знают свою собственную историю, или не очень хотят её знать.

В Карабахе я бываю периодически, несколько раз в году, читаю краткие лекции для студентов университета. Много раз водил туда моих зарубежных гостей, и каждый раз они возвращались влюбленными в этот чудный край и в этот мужественный народ. Война практически ни на минуту не прекращалась, сейчас она носит характер ежедневных пограничных перестрелок и обстрелов из орудий разного калибра, а время от времени вылазок диверсионных групп азербайджанских вооруженных сил. Там на границе каждый раз от снайперских пуль погибают наши солдаты, новобранцы, призывники срочной службы. Война стала обыденным явлением для жителей Карабаха, да и для Армении тоже. В апреле 2016 года азербайджанские вооруженные силы неожиданно предприняли широкомасштабную военную операцию практически по всей линии фронта. В течение 4-х дней шли ожесточенные бои на армянских позициях. Попытка развязать большую войну, конечно не удалась, войска противника были отброшены обратно. Ценою жизни молодых ребят удалось отстоять главные пограничные позиции. Но к великому сожалению, было очень много жертв и раненных с обеих сторон. Тогда в Армению и в Карабах приехали многие наши соотечественники, ранее мигрировавшие или уехавшие за границу на заработки. Народ по этому поводу шутил, что в других странах во время войны многие уезжают из страны, а армяне, наоборот, приезжают обратно на родину. Я помню, например, как двое армян

- отец и сын из Красноярска прилетели воевать с оружием в руках на карабахской границе. Люди постепенно привыкают ко всему. Так что и война порою становится кусочком нашей обыденной жизни. Она вплетается в нашу социальную ткань и становится неотъемлемой частью повседневности. Вплоть до того, что люди перестают замечать героев среди нас, а героизм воспринимается как естественное проявление мужества.

Мира нет на нашей земле, и боюсь еще долго не будет.

8. ***Наступает XX век. Подведем итоги сделанного...***

Доктор наук Геворк, в 1983 году ты завершил работу над кандидатской и защитил её. Как сложилась твоя собственно исследовательская жизнь до конца XX века? В каком направлении или в каких направлениях ты двигался, что ты сегодня считаешь главным из сделанного в те полтора десятилетия?

После катастрофического Спитакского землетрясения 7-го декабря 1988 года, унесшего жизни более 25 тысяч жителей северных районов Армении, я решил вплотную заняться новым для нас научным направлением – социологией катастроф (Sociology of Disaster), которым в Международной социологической ассоциации занимается исследовательский комитет **RC-39**. Огромная часть территории нашей республики является сейсмоопасной зоной. Проблема в том, что спастись от землетрясений и прочих природных катаклизмов (например от цунами или метеоритов) человечество не может, или по крайней мере, пока не может. Но вот подготовиться к ним, найти возможные способы предупреждения и какой-то защиты населения от них, вполне возможно. Мировой опыт свидетельствует, что работа с населением, обучение и подготовка к возможному землетрясению может уберечь до 25-ти процентов жизней. Имеются и разрабатываются специальные методики оповещения, предупреждения и обучения населения на случай возможной

катастрофы. Этим занимаются специальные службы и социология катастроф, в том числе. Наша группа изучила мировой опыт и провела целый ряд исследований с местным населением, опубликовала множество научных статей, книг и монографий, выступила с докладами на конгрессах и международных конференциях и, что немаловажно, опубликовала целую серию статей в массовой печати и на ТВ. Большую известность у нас получила серия статей под общим названием «Человек в зоне бедствия» (на армянском, русском и английском языках) и монография «Десять лет одиночества», которая была приурочена к десятилетию со дня землетрясения. Кроме научного, практическим результатом всей нашей (и не только нашей) деятельности явилось то, что в МЧС Армении был создан специальный отдел по работе с населением. Он уже на профессиональном уровне должен был заниматься программами по обучению, подготовке и защите населения в случае землетрясений.

После распада Советского Союза перед нашей социологической наукой во весь рост стала проблема «переходного периода», а точнее трансформации армянского общества. Меня и моих сотрудников отдела социологии полностью поглотили основные проблемы социальной трансформации нашего общества. Практически все наши исследования начала 90-х годов были посвящены изучению проблемы трансформации. Это прежде всего проблемы приватизации госсобственности, перехода на рыночную экономику, развитие мелкой и крупной частной собственности, возникновение торгового капитала, резкое падение доли промышленности, потеря союзных рынков сбыта и партнеров, деиндустриализация страны и многое другое. В результате чего возникли серьезные социальные и демографические последствия, такие как безработица, новая бедность, резкое имущественное расслоение населения, отток квалифицированной рабочей силы, «утечка умов», масштабная миграция населения, падение рождаемости, старение населения и первые признаки депопуляции.

Каждой из этих проблем были посвящены десятки наших исследований, опубликованы множество научных статей и монографий, организованы научно-практические конференции, выступления в массовой печати и на ТВ. По проблеме миграции населения мы добились специальных слушаний в Армянском парламенте в 1997 году. Власть тогда, да и сейчас тоже, упорно не желала видеть ничего из перечисленных социальных последствий, которые на наш взгляд носили зачастую необратимый и разрушительный характер. На наших глазах неудержимо менялся весь социально-политический, экономический и морально-психологический облик современного армянского общества. На лицо происходила полнейшая деморализация общественного сознания. Социум с трудом расставался с прежними ценностями и стремительно приобретал новые, присущие периоду так называемого «дикового капитализма» - нацеленность на личный успех, богатство, карьеру и социальное продвижение любой ценой. Процессы эти идут и в наше время, хотя и несколько стабилизировались.

Еще одним важным направлением научной деятельности и социальной активности явилось объединение действующих в Армении неправительственных организаций, занимающихся проблемами беженцев, в специальный Ресурсный центр при Армянской социологической ассоциации. При поддержке Армянского офиса УВКБ ООН (Управления высшего комиссара по делам беженцев ООН), МОМ (Международной организации миграции) и Норвежского совета по делам беженцев нам удалось создать на Кавказе международное объединение НПО под названием «Единое миграционное пространство». В эту сеть входили профильные НПО из Армении, Азербайджана, Грузии, Абхазии, Карабаха и Южной Осетии. Мы проводили периодические встречи и конференции во всех этих республиках и непризнанных государствах, и стали издавать ежемесячный информационный бюллетень «Единое миграционное

пространство» на русском и английском языках. Очень скоро к нашей сети присоединились коллеги из Украины, России и Казахстана. На протяжении нескольких лет это наше большое объединение НПО регулярно участвовало в годичных заседаниях УВКБ ООН в Женеве. Параллельно с правительственными делегациями из наших стран мы презентовали доклады о ситуации и положении дел с беженцами и внутренне переселенными лицами (IDP - Internaly displaced person). В результате нашей обширной деятельности и при поддержке международных организаций нам удалось серьезно привлечь внимание наших правительств к социальным проблемам беженцев и переселенных лиц. В наших странах были созданы или расширены уже существовавшие правительственные органы, профессионально занимающиеся проблемами этих особых групп населения.

В этом же ряду следует упомянуть наши исследования по проблеме трафикинга, которые были первыми в постсоветской Армении. Целый ряд социологических исследований и публикации результатов этих исследований привели в конце концов к тому, что правительство пошло на создание специальной Межведомственной комиссии по трафикингу.

Важным вкладом считаю то, что во многом благодаря моим усилиям удалось создать и развить в Армении научное направление по изучению общественного мнения. Первые шаги в этом направлении мы предприняли на заре широкого общенационального движения за независимость Нагорного Карабаха. Тогда в Ереване почти каждый день шли митинги протеста, шествия по улицам и забастовки различных предприятий и организаций. Мы попытались изучить мнения людей в толпе митингующих и среди бастующих. В результате этого появилась статья в «Литературной газете», в которой я делился опытом социолога оказавшегося в центре «тайфуна» или среди забастовщиков. Эта статья тогда, еще в советское время, вызвала довольно большой общественный резонанс. В дальнейшем мы

продолжили изучения общественного мнения, но главным образом это происходило на фоне и на базе изучения предвыборного поведения электората. Мне удалось привлечь к сотрудничеству известные и авторитетные западные социологические фирмы, такие как английская POPULUS и американский GALLUP институт, в лице BalticSurvey/Gallup Organization. Мы провели с ними множество опросов общественного мнения и первыми в нашей стране организовали и провели несколько весьма успешных опросов на выходе - Exit poll.

Нам удалось внедрить в политическую культуру необходимость изучения и ориентации на существующее общественное мнение. Элизабет Ноэль-Нойман считала, что общественное мнение – это кожа общества. Но к сожалению люди часто с недоверием относятся к результатам опросов социологов. Переломить это недоверие, преодолеть его – очень важно и требует упорного труда и огромных усилий со стороны социологов. Мне кажется, что моей команде удалось многого добиться в этом деле. По крайней мере, сегодня серьезный политический дискурс уже не обходится без опоры на результаты изучения общественного мнения.

Ты знаешь, Геворк, читал с удивлением и радостью. Удивление – я и не мог подумать, что ты развернул столь бурную профессиональную деятельность, всецело ориентированную на интересы Армении и населения страны. С радостью, поскольку наша беседа, надеюсь, поможет и внутри твоей страны, и социологам России, постсоветского пространства лучше узнать, что такое социология и как она служит обществу. Я пишу это в день 90-летия нашего учителя и друга Владимира Александровича Ядова... вечная ему память. Давно, в 2005 году, я провел с ним первое интервью, оно называется «...Надо по возможности влиять на движение социальных планет...» http://www.socioprognoz.ru/files/File/history/ Yadov_V.pdf. Процитирую начало нашей беседы, Владимир Александрович писал: «Великий Вебер отстаивал принцип “ценностной

непредвзятости". Современные теоретики-активисты, напротив, утверждают позицию гражданственности социолога. Петр Штомпка в предисловии к русскому изданию своей книги о социальных изменениях пишет, что успехи астрономии никак не влияют на траектории планет, а социальные теории способны изменить "мировращение". человечества. Он совершенно прав. Сейчас я думаю, что, если мы, социологи, будем лишь писать книги, мы не исполним своего гражданского долга. Надо по возможности влиять на движение социальных планет».

Второе интервью (2013-2014 гг.) озаглавлено «Все зависит от нас» http://socioprognoz-ru.1gb.ru/files/File/2014/yadov2.pdf, это тоже слова Ядова.

Думаю, если бы Владимир Александрович прочел твой рассказ об исследованиях в сфере Sociology of Disaster, он был бы очень рад, он всегда приветствовал такую гражданскую социологию. Помню, что где-то в начале 2000-х ты все же смог подготовить и успешно защитить докторскую диссертацию по социологии. Она была обобщением тех исследований, о которых ты рассказал выше? Где состоялась защита? Наверное, многие выступали?

Полностью согласен и тоже приветствую "гражданскую социологию", точнее сказать гражданскую позицию и гражданскую компоненту в деятельности социолога. Но к великому сожалению не «все зависит от нас». Не все рекомендации социологов учитываются в должной степени, а иногда и вообще не учитываются. Многое зависит также от власти и конъюнктуры в данный момент. Помню как мы готовились к Всемирному конгрессу социологов в Монреале (Канада) в 1998 году. Я подготовил научный доклад по социологии катастроф, суть которого сводилась к тому, чтобы внедрить в социальную практику применение в городах специального знака сейсмической безопасности. На случай землетрясения жители особенно больших

городов смогли бы легко и быстро ориентироваться, в какую сторону им безопаснее бежать. Этот знак (мы даже разработали его цветной дизайн) мог вывешиваться на здания, строения и\или помещаться в тех местах жилых кварталов города, которые являются наиболее безопасными с сейсмической точки зрения. Опыт нашего землетрясения показал, что люди выскакивая из своих жилищ, даже не представляли куда бежать, чтобы надежно укрыться. Этот знак мог бы служить своего рода аналогом "бомбоубежища" для горожан на случай землетрясения. Но к сожалению ни наши власти, ни международное социологическое сообщество практически никак не отреагировали на это наше предложение. Очевидно помешали соображения резкого роста или падения рыночной стоимости тех построек и зданий, которые сейсмологи должны были оценить и внести в реестр сейсмоустойчивых и безопасных или, ноборот, небезопасных в данной городской инфраструктуре. Могли быть и соображения другого рода. Например, соображения тревожности и психологического дискомфорта у лиц, проживающих в домах, на которых не будет вывешен такой знак сейсмической безопасности. Одним словом, не все так просто, как нам хотелось бы.

Мою докторскую диссертацию я защищал уже в Ереване, в 2003 году, и это была первая докторская защита по социологии в Армении. Официальными оппонентами на защиту были приглашены известные профессора из Москвы – Жан Терентьевич Тощенко и Альберт Иванович Кравченко. Защита проходила в большом актовом зале Ереванского государственного университета, который был полностью заполнен преподавателями, лекторами, студентами, а также учеными из нашего института и Академии Наук. Тема докторской была весьма актуальной – особенности трансформации современного армянского общества. Я, конечно, основывался на результатах более чем сотни социологических исследований, которые мне удалось организовать и провести за минувшие десять с лишним лет после распада

Советского Союза. Для большинства участников защиты тезисы и выводы, которые я озвучил на защите, были давно и хорошо известны из множества моих публикаций в научной и в массовой печати, на ТВ и радио. Фактически диссертацией я как бы подводил некий итог моей многолетней исследовательской деятельности.

Не хочу здесь проводить подробное описание содержания моей диссертационной работы, отмечу только, что заглавия многих её разделов начинались с приставки «де» - деиндустриализация, дезинтеграция, депопуляция, деморализаци и тп. Позитивным было то, что наши люди, наконец, получили свободу слова, свободу передвижений, свободу частного предпринимательства, возможность выбирать из различных партий и ни в одной из них при этом не состоять и др. В заключительной части работы я приводил некий прогноз на ближайшее будущее, который, как мне сейчас видится, реализуется в Армении с настораживающей последовательностью.

...а вот здесь, как говорят, по-подробнее... Пожалуйста, приведи несколько примеров реализующихся прогнозов. И интересно то, как ты строил прогнозы... это были интерполяционные модели? качественный анализ трендов? компаративистика, т.е. аналогии того, что наблюдали социологи в других странах...

Во первых, это был прогноз миграционной ситуации в стране, согласно которому население Армении за пару десятков лет могло резко сократиться, должно было пойти старение населения и падение рождаемости. Иначе говоря вся эта демографическая встряска или, если хотите, демографический кризис. За годы советской власти население АрмССР увеличилось согласно данным переписей почти в четыре раза. А за четверть века независимости оно уменьшилось на треть. Не только Армения, все три республики Кавказа потеряли ощутимую часть своего населения из-за массовой трудовой миграции. Произошла также,

как я и предполагал, моноэтнизация или этническая гомогенизация населения наших республик. Так, например, из Грузии выехали русские, армяне, евреи, азербайджане, абхазы, осетины и др. Азербайджан покинули в огромном количестве армяне, а также русские, евреи, украинцы, таты и др. Из Армении уехали азербайджане, русские, ассирийцы, грузины и др. Представители многих национальных меньшинств уезжали из-за дискомфорта и давления, которое они стали испытывать на себе со стороны корренных жителей (как говорили тогда, членов "табельной нации") после распада Советского Союза. Семья братских народов вдруг оказалась не такой уж и «братской». После ухода «Большого брата», маленькие братья быстро переругались и перессорились, вплоть до территориальных кофликтов, пограничных стычек, взаимной агрессии и войны. Долго и тщательно скрываемая взаимная ненависть и агрессия сразу выплеснулись наружу. Вспомнились все старые обиды и исторические потери. На этой почве к власти в наших странах путем выборов пришли национальные элиты, которые стали открыто проводить весьма националистически ориентированную политику.

Экономика практически полностью деградировала, индустриальный сектор производства был потерян почти навсегда, в стране произошла архаизация и рост аграрного, примитвного почти ручного сельского хозяйства.

Я писал о том, что ваучерная приватизация госсобственности приведет к резкой поляризации населения по уровню доходов. В руках у небольшой кучки людей окажется львиная доля национального богатства, что собственно и произошло в течение нескольких лет. На наших глазах у нас появился класс богачей, а затем и олигархов, а основная масса населения сильно обнищала. В Армении не было нищих, а сегодня у нас есть 25 процентов нищего населения, есть люмпенизированные рабочие и работники, и есть масса разного рода маргиналов всех мастей. Возросла преступность, расцвела коррупция, проституция стала обыденным

явлением, а наркомания пытается пробить себе нишу в легальных сферах. Одним словом, весь блеск и нищета капитализма прямо по Марксу.

Всё это несложно было предсказать, пользуясь результатами опросов населения и социологических исследований (которые были у меня в огромном количестве), применяя метод экстраполяции и сравнительных исследований. Статистического и социологического материала накопилось так много, что хватило бы на несколько томов, а не на одну только диссертацию. Что собственно я и сделал, опубликовав по сегодняшний день 64 книги и монографии и порядка двух сотен научных статей. Конечно, всегда остается вопрос, который наверное не дает покоя многим исследователям: «А для чего собственно все это нужно было?»

Действительно, Геворк, неужели даже в такой небольшой стране, как Армения, нет сил (воли, интереса, умений...) использовать в целях развития общества, его гуманизации, демократизации результаты научных исследований (не только социологов) и сценарные прогнозы? В чем дело? В характере политической культуры, в отсутствии опыта взаимодействия различных социальных институтов? Почему при «Большом брате» - явно не лучшей форме существования – получалось что-то из того, что сейчас не получается?

Серьезный вопрос... требует серьезного ответа. Ну, во-первых уверен, что это касается не только Армении. После распада Союза повсюду многое пришло в упадок. Точнее старый порядок разрушился, а новый еще не установился. Прежние властвующие элиты на местах привыкли, что все решения опускались сверху, из Кремля, и самим особенно напрягаться не было смысла. А теперь все надо было решать и претворять в жизнь самим. Понятно, что некоторая растерянность и неопытность новых национальных элит могла иметь место. К тому же, всё надо было решать «с колёс», а в случае Армении, - в ситуации войны и блокады железных и транспортных дорог, закрытых границ со стороны Турции и

Азербайджана, энергетического кризиса, разрухи в экономике из-за потери прежних связей и рынков, а также миграции квалифицированных кадров и становления и развития компрадорского капитала. Многое из госимущества разворовали и продали в соседний Иран, огромные капиталы вывезли в офшоры и заграницу, сформировалось правительство, полностью обслуживающее интересы крупного бизнеса. Отток населения ослабил социум, поскольку выехали способные кадры, экономически активная часть населения, люди, которые по идее должны были составить так называемый "средний класс" нового капиталлистического общества. В результате армянский социум понёс как экономические, так и демографические и политические потери. Он до сих пор как следует еще не пришел в себя...

Да, конечно, с точки зрения истории прошло очень мало времени, как Армения стала независимой страной, и многое еще требует серьезного анализа и оценки. С другой стороны, как известно, жизнь у человека одна, и он не может ждать, когда ученые и элиты все придумают и скажут ему, куда и как идти. И все же, с твоей точки зрения, уже намечены перспективы, сценарии развития страны? Какой ей быть? Куда больше смотреть? С кем дружить?

Перспективы, конечно, намечены и геополитические ориентаци Армении тоже давно определены. Армения – член СНГ и уже пять лет состоит в ЕАЭС вместе с Россией, Казахстаном, Беларусью и Кыргызстаном. Как раз пару дней назад в Казахстане, в городе Нурсултан, главы наших государств праздновали пятилетие образования Евразийского экономического союза. Армения в этом году председательствует в ЕАЭС. Наряду с этим в ноябре 2017 года Армения подписала договор о всеобъемлющем и расширенном партнерстве с Европейским Союзом. Договор вступил в силу в июле 2018 года. Таким образом Армения стала первой и пока единственной страной, которая состоит в ЕАЭС и одновременно является партнером по программе Восточного

партнерства с Европейским Союзом. Эта комплиментарная внешняя политика Армении, которой она придерживается уже много лет, предполагает открытое и полномасштабное сотрудничество с Западом и Востоком, с Россией и с США, с Европой и Китаем, с Ираном и с Грузией, как пограничными странами. Армения в своем историческом прошлом также служила своего рода перекрестком между цивилизованной Европой и развивающейся Азией. Она обеспечивала торговые пути и являлась мостом между Индией и Китаем, и западными странами. Еще в средние века армянские купцы славились знанием многих языков и умением вести торговлю даже в самых отдаленных и труднодоступных уголках планеты. В этом смысле Армения и сейчас со своей огромной, превышающей в три раза население республики и разбросанной по всему свету армянской диаспорой, пытается налаживать контакты и укреплять связи между разными народами и государствами. Сейчас в нашей части света намечается Большой поворот на Восток и Армения как никогда раньше может оказаться полезной в этом деле. Как говорит наш президент - Армен Саркисян: Армения маленькая страна, но мировая нация. Для нас новый наступающий век – век информации, интернета, информационных технологий, искусственного интеллекта и вообще век знаний и науки, может стать настоящим спасением и трамплином для мощного развития. У маленькой Армении нету моря, нету нефти и газа, нет просторов земли, пахотных полей и лесов. С Востока и Запада она зажата в блокадные тиски вечных соседей, или как у нас говорят, "заклятых друзей". Поэтому вся надежда на человеческий ресурс. На способную и талантливую молодежь, которая уже вступает на историческую авансцену, и которая должна обеспечить наше процветание в этом новом наступающем мире интеллекта и творческой мысли. Звучит пафосно, но ничего не поделаешь - другого пути у нас вроде бы и нет.

9. ***Новая Армения. Проблемы развития. Место и роль социологии***

Очень верно: «надежда на человеческий ресурс». Но несколько выше ты говорил об «утечке умов», масштабной миграция населения, наверное, прежде всего – молодежи, даже о первых признаках депопуляции. Существует ли система государственных мер по поддержке молодёжи? По развитию современных моделей образования? И т.д? Безусловно, ни по человеческим ресурсам, ни по ВВП невозможно сравнивать Армению и Китай. Но за те четверть века, что я живу в Силиконовой Долине, я вижу, резкое увеличение числа китайских студентов и молодых специалистов в этой части Америки. Возможно ли нечто подобное для Армении?

В Силиконовой Долине есть и армяне тоже. Они там работают. Не много, но есть. А вот с учебой за рубежом у нас, конечно, не просто. Имеется программа ЕС по подготовке армянских студентов в Европейских университетах. Кроме того в нашей республике давно уже работает фонд поддержки студентов "Луйс" (Свет). Он оплачивает обучение наших студентов за рубежом, только если они поступают в очень престижные иностранные вузы. Ну и есть возможность обучения в российских вузах по межгосударственной программе обмена студентами. Они выделяют ежегодные квоты для студентов из Армении.

Все это вместе составляет, конечно, небольшое число студентов, обучающихся за рубежом - 100-150 ежегодно. Специальной государственной программы к сожалению нет, хотя об этом много писали и раньше, и сейчас. Уверен, наши вузы тоже еле собирают каждый год необходимое количество студентов. Идет прямо-таки межвузовская конкуренция за рекрут абитуриентов. С тех пор как обучение стало платным, оно превратилось в бизнес. Образовательный бизнес защищает свои узкие интересы как может. К тому же всегда имеется предубеждение, что направленные на учебу за рубеж армянские студенты, после

окончания университета не вернутся на родину и останутся работать там же, в их фирмах и корпорациях. Останутся, конечно, не все. Но все-таки – это потеря человеческого ресурса. Получается, что мы сознательно и целенаправленно будем стимулировать отток способных и талантливых молодых людей из республики. Для Китая, Индии или России – это может и небольшая потеря. А для Армении, где и так согласно социологическим опросам 40 процентов молодежи нацелены на выезд за рубеж для учебы или работы, это серьезная демографическая проблема. У нас теперь каждый человек – на счету. Так что здесь нужна весьма продуманная и тонкая образовательная политика, нацеленная на будущее нашей страны. Но именно её-то и не хватает.

Геворк, а если подняться выше, на уровень страны. Около года назад Армения переживала сложные, бурные события, насколько я понимаю, к власти пришли новые политические силы. Год – не столь уж большой срок для серьезных изменений в политической и социально-экономической жизни государства и народа, и все же... не мог бы ты «по горячим следам» рассказать о произошедших изменениях и оценить происходящее?

Более года прошло после кардинальной смены власти в Армении, и сегодня исполнительная ветвь власти полностью под новыми силами, равно как и законодательная. Во все органы власти пришли совершенно молодые кадры, без управленческого опыта и образования, но зато "свои". Третья ветвь власти - судебная - находится пока в переходном состоянии. Власть обсуждает процедуру веттинга, переходного правосудия, но реальных путей к эффективному реформированию судебной системы пока не видно. Веттинг и переходное правосудие - очень тяжелые инструменты, они применялись в крайне редких случаях, в редких странах, где шла гражданская война или вообще война. Причем успех их применения был более чем сомнительным. Не думаю, что у нас

они приведут к успеху. Это и в самом деле очень тяжелый механизм в смысле последствий и социального резонанса. Есть, конечно, более мягкие методы, но здесь все зависит от того, насколько решительно настроена власть. Понятно, судебная власть нуждается в реформировании - мы говорили об этом еще 10-15 лет назад. Но не топорными и крайне стрессовыми методами, которые ничего, кроме отторжения у общественности вызвать не могут. Не думаю, что методами, предлагаемыми властью, можно создать новую судебную власть, способную вызвать доверие у населения. Ведь это доверие строится на основе того, что правосудие осуществляется только по закону. Дело в том, что есть две чрезвычайно чувствительные сферы - экономика и правосудие, где нельзя работать топором, потому что, таким образом, можно отпугнуть всех инвесторов и потерять доверие граждан к судебной и правовой системе вообще. Если действовать по логике "выбросить всех старых" независимо от того, хороши они или нехороши, годятся или не годятся, объявив всех априори коррумпированными, то дальше что? Откуда набрать новых. Прибор, что ли, есть такой, который определяет, будет тот или иной товарищ работать как коррумпированный судья или нет? Рентгеном определять или делать МРТ?

Представители власти сделали заявление, дескать Армения (не США, не Европа, а именно Армения) - единственный бастион свободы и демократии в мире. Но, если США и Европа 250 лет эту демократию у себя строили, но в итоге не стали "бастионом", то непонятно, зачем Армении претендовать на эту роль? Я понимаю, мы привыкли старые автомобили из Европы перевозить к себе. Но неужели отжившие политические методы тоже должны перенимать? Между тем многие эксперты говорят, что мы, напротив, семимильными шагами идем к авторитаризму. И это, к сожалению, судьба постреволюционных стран - они рано или поздно скатываются к диктатуре и к авторитаризму. В этом смысле пример Армении показателен. Мы начали с того, что власть

принадлежит народу по Конституции. Как народ решит, так и будет. В результате же выясняется, что очень многие вопросы, если не все, решаются одним человеком из одного места, с одного адреса. И что это, если не авторитаризм? Элементарная ситуация: если у тебя практически все кадры не имеют никакого жизненного и\или профессионального опыта, то что они могут делать? Естественно, смотреть на то, что скажет "шеф" или их лидер. Вся логика построения подобной системы ведет к тому, что, повторюсь, из одного места, от одного человека будут исходить все директивы, вплоть до указаний судьям и прокурорам. Это конечно опасная тенденция. Во-первых, потому, что авторитарное управление опасно само по себе, во-вторых, оно приводит к тяжелым последствиям, когда растет коррупция, когда своим - можно, другим - нельзя и т.п. Хоть мы и стремились отойти от личностного фактора, пытались сделать так, чтобы работал закон, работали институты и все не зависело от воли одного человека, от того, как скажет Серж Саргсян или Никол Пашинян, однако пока все идет по старой накатанной тропинке. Складывается впечатление, что власть занимается больше всего судебными делами, потому и люди об этом больше всего говорят. С другой стороны, это, конечно, отвлекает от труднорешаемых социальных проблем, касающихся зарплат, пенсий, создания новых рабочих мест и прочего. Поймать человека, посадить, потом долго вести судебный процесс проще, чем открыть, скажем, 20 тысяч новых рабочих мест. Вот сейчас обсуждается вопрос выравнивания налогообложения. Если подобный подход заработает, это приведет к весьма негативным последствиям. Выравнивая налоговую прямую, власти тем самым окажут хорошую услугу тем, кто получает очень много, и никак не помогут тем, кто получает очень мало. Фактически получается, что те, кто получает мало, меньше 150 тысяч драмов в месяц, а их - подавляющее большинство, и те, кто зарабатывает 2 миллиона, будут на одной налоговой планке в 23%. Это чудовищная

несправедливость. Даже в капиталистических странах с такой мощной социальной ориентацией, как, например, Швеция, Дания или Норвегия, шкала налогов возрастает с ростом уровня зарплаты. Миллионер, получающий 3 миллиона, платит 90% налога, и кроме того, есть нижний предел зарплаты, которая налогом вовсе не облагается. Это развитые, богатые страны, они когда-то это сделали, и во многом именно поэтому они и богатые. Система продумана до мелочей и работает уже много лет. Мы же идем по какому-то своему пути выравнивания налоговой шкалы, что приведет не только к еще большему социальному расслоению общества, но и к уменьшению доходов государства.

Непонятно, чья это "блестящая идея". Многие экономические формулы принимаются без обсуждения социальных последствий, и это очень опасно. Потому что, как известно, социальные последствия бывают взрывоопасными. Мы это видели, и думаю, еще не раз увидим. Кстати, после "бархатной революции" в какой-то момент произошло смягчение миграционного движения, а теперь мы вновь наблюдаем активизацию миграционного оттока из Армении, включая вывоз капитала. Разочарование наступило и начинает углубляться, рейтинг власти падает. Люди ждут реальных шагов к улучшению, но пока их не видят…

Спасибо, Геворк, теперь продолжим рисовать твой профессиональный портрет. Ты – действительный член Армянской Академии Наук, директор академического Института социологии. Когда ты был избран в академики, когда заступил на должность руководителя института? Понятно, все это очень почетно, но и весьма хлопотно. Пожалуйста, обозначь свои обязанности в Академии Наук и расскажи об основных направлениях исследований, проводимых институтом.

В должности директора Института я, можно сказать, оказался совершенно неожиданно для себя. Хотя проработал в родном институте с 1978 года целых 17 лет. Моей целью было

основать в Академии Наук центр социологических исследований, который затем я намеревался превратить в Институт социологии. Первая часть задуманного мною проекта осуществилась в 1992 году. Центр социологических исследований был открыт, со всеми атрибутами научного учреждения в системе АН, со своей аспиранторуй. Он располагался на третьем этаже здания нашего Института философии и права. Но после того, как он довольно успешно проработал пять лет, руководство Академии в 1995 году решило объединить Центр с Институтом и назначить меня директором этого объединенного учреждения. Я долго отказывался, мне это тогда не было по душе, да и сейчас я уверен, что в системе нашей академии наряду с Институтом философии необходимо открыть еще как минимум три новых института: Институт социологии, Институт государства и права, Институт политических исследований. Этого требует логика развития каждой из этих наук. Особенно это важно и необходимо сейчас для Армении, которая в силу развала СССР в 1991 году, фактически восстановила свою исторически утерянную государственность и начала строительство независимого государства. Но к сожалению пока еще все эти четыре научные дисциплины развиваются в достаточно узких рамках одного института. Единственное чего мне удалось добиться, так это решения правительства в 2003 году о включении в название Института философии и права слова «социология». С тех самых пор наш институт стал называться Институтом философии, социологии и права. Это, конечно, слабое утешение, но как говорится - еще не вечер.

Институт наш - многопрофильное научное учреждение, кстати в ноябре этого года (2019) он будет отмечать свое 50-летие. Поскольку был основан в 1969 году на базе сектора философии в составе Института истории АН Арм.ССР. Академия наша была основана в далёком 1943 году. Интересно, что в самый разгар Второй мировой войны руководство страны направило известного историка, академика Иосифа Орбели в Армению открывать

академию наук. Сегодня почти каждое новое правительство независимой Армении начинает свою работу с предложения закрыть АН по примеру некоторых бывших советских республик и на манер Запада, где наука развивается в основном в университетах. Уже 28 лет, как эти разговоры о закрытии или оптимизации АН идут, но всё пока остается на своем месте. И хорошо, что остается, потому что ничего путного, как обычно, из этого не получится: академию закроют, а науки в университетах не прибавится.

Конечно работа на посту директора института отнимает массу времени. Огромное количество усилий я вынужден тратить на всякого рода административные, финансовые, кадровые, хозяйственные и прочие дела. Времени на научные исследования и научную работу остается совсем немного, приходится выкручиваться за счет свободного времени и времени на отдых и семью. Во всяком случае, наш Институт на довольно хорошем счету в Академии, он в числе что называется передовых. Наверное не случайно в 2006 году меня избрали в члены-корреспонденты, а в 2013 году в действительные члены Армянской Академии Наук. В 2011 году я был избран в состав Президиума НАН РА. В мои обязанности в составе Президиума Академии входит развитие научных связей с зарубежными научными центрами, укрепление научных связей в СНГ, и внутри страны - контакты с прессой и общественностью. Что собственно я и стараюсь делать в меру своих возможностей. Было время когда я практически каждый месяц, а иногда и по два раза в месяц, выезжал заграницу на конференции, конгрессы, круглые столы т.п. По приблизительным подсчетам я принял участие в 130 научных конференциях и встречах в общей сложности в 51 стране мира. Порою меня в течение дня можно было видеть одновременно на нескольких каналах телевидения. Недавно я издал два толстенных тома моих многочисленных статей в местной и зарубежной прессе. И это только научная публицистика. Не вся, а только то, что удалось

собрать. В каком-то смысле социолог - это всё-таки публичная фигура. Он должен быть на виду общества и должен держать руку, что называется, на пульсе социальной жизни. Как у метеоролога или врача, задача социолога заключается в постоянном мониторинге за социальным самочувствием и социальным здоровьем общества. Он просто обязан быть в курсе событий, социальных настроений и общественных движений. Он должен также уметь предвидеть развитие этих событий и предупреждать общественность и власти об ожидаемых и возможных результатах.

Геворк, мы начинали наш разговор в 1 марта 2018 года, сейчас – начало осени 2019 года. По историческим меркам – совсем немного, но в жизни Армении, а значит, и в твоей жизни, произошли серьезные общественно-политические изменения. Как ты думаешь, в какую сторону пойдет развитие страны, каким образом это может повлиять на ситуацию в социологии?

Здесь я немножко повторюсь, чтобы кратко обрисовать предисторию событий. В Армении в результате событий майя-апреля 2018 произошла смена власти, которую западные СМИ окрестили "бархатной революцией". Бархатной её назвали потому, что смена властных элит произошла без единого выстрела, без жестоких столкновений с полицией и без жертв. Под давлением 100-150 тысяч митингующих, собравшихся на центральной площади столицы, прежняя власть отказалась от должностей и оставила занимаемые посты в правительстве. Конечно, этому предшествовали длительные акции протеста, митинги в Ереване и в других городах республики, под общим лозунгом "Отвергни Сержа". Протестный электорат, который всегда был достаточно большим в Армении, и особенно вырос в годы президентства Сержа Саргсяна, резко выступил против продления срока правления отставного президента С.Саргсяна фактически на третий срок, но уже в должности премьер-министра страны. Дело в том, что задолго до окончания второго президентского срока

С.Саргсяна, в 2017 году власти провели изменение Конституции, согласно которой Армения из полу-президентского правления перешла на Парламентское правление, при котором фактическим руководителем государства становится избранный парламентом (а не народом) премьер-министр. Политическая оппозиция уже тогда угадала тайные намерения действующего президента продлить свое пребывание у руля власти в другом качестве, и резко протестовала против изменения Конституции. Чтобы как-то успокоить страсти, тогда Серж Саргсян клятвенно обещал, что не намерен продолжать управлять страной ни в качестве премьер-министра, ни в качестве президента (которого тоже согласно новой Конституции должен был избирать новый парламент). Люди ему поверили, Конституцию поменяли, новый Парламент избрали в 2018 году, который в свою очередь избрал нового президента Армена Саргсяна (однофамилец С.Саргсяна). Но как только дело дошло до избрания фактического руководителя страны - премьер-министра, Серж Саргсян вновь оказался единственным претендентом на эту должность и незамедлительно был избран парламентским большинством, а именно Армянской республиканской партией, бессменным руководителем которой он являлся. Этот трюк властей возмутил народ и поднял волну недовольства, которую и подхватила ушлая оппозиция в лице депутата Н.Пашиняна. Молодежь пошла за ним, начались многочасовые и многодневные митинги и марши протеста, блокирование магистралей и городских проспектов, угрозы и шантаж в адрес провластных депутатов. Дальше все покатилось по хорошо разработанным и испытанным в Грузии и Украине сценариям "цветных" революций. Серж Саргсян очевидно понял, что игра проиграна и решил не применять силовых методов противодействия демонстрантам, чтобы не доводить дело до гражданской войны. В условиях Армении, где существует постоянная угроза возобновления военных действий с Азербайджаном по поводу Нагорного Карабаха, внутренняя

дестабилизация и вооруженные разборки могли бы привести к весьма опасным результатам на границе. Саргсян публично отказался от должности премьер-министра, а многотысячная толпа собравшихся на площади демонстрантов с ликованием назначила на этот пост своего лидера Никола Пашиняна. После этого Парламенту оставалось лишь повторить этот выбор, что собственно и было сделано. Такова сверхкраткая история армянской "бархатной революции". Народ давно ожидал и жаждал перемен, хотел увидеть новые лица во власти, услышать новые идеи, свежие предложения по развитию нашей страны. Он их наконец получил. В новый состав правительства и в досрочно избранный новый Парламент пришли совершенно новые молодые люди, которых ранее никто не знал, и которые практически не обладали никаким опытом управления. Но зато это представители нового некоррумпированного поколения, людей выросших и получивших свое образование в несоветских школах независимой Армении. Это первое поколение армянской молодежи постсоветского периода. Они совершенно не похожи на нас, они другие. Не лучше и не хуже, просто другие. И будут строить другую Армению. Я их называю детьми интернета и фейсбука, которые свое основное воспитание получают и черпают информацию из сети. Их детство кардинальным образом отличается от того шумного и озорного дворового детства, в котором мы выросли и сформировались.

Армения сегодня - это сгусток надежд и ожиданий. Народ всецело приветствовал новую власть, радостно простился с прошлой, опостылевшей и жаждет добрых перемен. По всем моим опросам, население спустя 1,5 года после смены власти, не теряет надежды увидеть позитивные подвижки. При этом правда, рейтинг самого Пашиняна неуклонно падает. Неопытная команда его часто подводит. Как известно, быть в жесткой оппозиции, критиковать власть - это одно, а быть во власти и осуществлять управлени - это совершенно другое. Поэтому зачастую революции сменяются

реставрацией, контрреволюцией или еще более радикальной революцией и диктатурой. Мы недавно книгу опубликовал о радикальных тенденциях и рисках в современном армянском обществе.

Сегодня 19-го сентября 2019 года правительство объявило об отставке двух силовых министров - шефа национальной службы безопасности и шефа полиции республики. Не сомневаюсь, что в последующие несколько дней или недель еще несколько вновь назначенных министров правительства подадут в отставку. Дело в том, что у премьер-министра Пашиняна собралась молодая, но очень неопытная команда. Они начали много разных дел, но за полтора года работы практически ни одно из них так и не смогли довести до завершения. Население в целом довольно премьером, но его командой - нет. В результате падает рейтинг доверия к нему. Непонятно, кем он будет замещать образующиеся вакансии в правительстве. Кадровый ресурс у новых политических сил совсем небольшой. Из старых кадров они не хотят никого привлекать. Конфликт поколений налицо. Но профессионалов в республике не так много. Армения маленькая страна с населением менее 3-х миллионов. К тому же очень многие профессионалы давным давно уехали за границу. Прогноз на будущее вырисовывается пока неутешительный - страна всё больше начинает походить на "банановую республику".

Возвращаясь к твоему вопросу о ситуации в социологии в нашей стране. Вопрос, конечно, очень ёмкий, многогранный и непростой. Двумя фразами не ограничишься. Мне кажется, что мировая социология сегодня переживает некий кризис, находится в поиске общей теории. К тому же исследовательский методический арсенал прикладной социологии нуждается в серьезной модернизации. Технический инструментарий опросов обновляется и развивается в ногу со временем. Уже стали привычными Exit Poll, on-line surveys, mistery shopping, desk surveys, B2B, планшетные опросы, телефонники и многое другое. Но все это -

лишь технические новшества, которые не касаются, не затрагивают самой сути метода. А суть простая - социологи утверждают, что изучают общество, но фактически они изучают лишь "видимую", доступную им часть общества. И не факт, что самую главную или влиятельную часть. Очень многое остается "за кадром". Ученые давно придумали микроскопы и телескопы для исследования микромира и космического пространства. В физике и в астрофизических исследованиях давно пользуются специально разработанным инструментарием, который позволяет рассматривать мир не только в видимом для человеческого глаза спектре, но также в инфракрасном и ультрафиолетовом спектрах. В последние годы разработали космическую аппаратуру, позволяющую исследовать далекий космос посредством гравитационных волн, потоков элементарных частиц и т.п. Даже в медицине для изучения организма человека используют ультразвуковые технологии, компьютерную томографию и даже нанотехнологии. Одним словом, во многих науках произошло очень серьезное углубление и расширение исследовательских возможностей за счет освоения новых технических средств. Только в социологии, несмотря на новые компьютерные технологии, мы продолжаем изучать лишь "видимую" часть социальной вселенной. Исследователям по-прежнему остаются недоступными "чёрные дыры" и "белые карлики" в нашем социуме. Какие бы опросные методы мы не применяли, включая репрезентативные, определенная часть или даже фрагменты общества остаются недоступными для нашего инструментария. В любом обществе есть такие социальные слои, которые никогда не попадают ни в какие репрезентативные исследования и опросы. Есть просто недоступные сферы общества со своими недоступными обитателями. И это не только разного рода социальные маргиналы, отшельники, бомжи и отщепенцы, но также целые социальные слои, например, весьма богатых людей, или высокопоставленных

чиновников, военных деятелей, которых всегда трудно охватить соц.опросом, но от мнений и решений которых зависит судьба целых народов. Социологии видимо еще предстоит разработать свою "инфракрасную" и "ультрафиолетовую" технологии научного исследования реальности. Или какие-то специальные "наносоциологические" технологии исследований, которые возможно позволят схватить уплывающую в виртуальный мир социальность.

И.Берлинска,
М.Буравой,
Г.Погосян.
Тайпей,
Конгрес МСА,
2009.

К.Исаев,
П.Штомпка,
Г.Погосян.
Гетенборг, 2010.

Юрген Хабермас, Г.Погосян. 2005.

О.И.Шкаратан, Г.Погосян.
Москва, 2008.

Эдвард Тириакян, Г.Погосян.
Армения, 2009.

Д.Рассел, Г.Погосян.
Ньюарк, Делавер, США,
1995.

В.Мансуров, Г.Погосян.
Тайпей, 2009.

Ж.Тощенко, Г.Погосян.
Армения, 2019.

Т.Саркисян, К.Чекалович,
А.Дарбинян, В.Осканян,
Г.Погосян. Доклад в UNDP,
Армения, 1997.

Ю.Шукурян, В.Бархударян, Г.Погосян, Р.Мартиросян на заседании Президиума АН Армении, 2010.

Мои родители, 1973.

Я с женой, детьми и внуками. Амберд, Армения, 2019.

Глава 2. Очевидно, каждый летописец писал свою историю, так и я напишу квинтэссенцию моей

(Интервью Бориса Докторова с Арвидасом Матулионисом)

Арвидас, спасибо за отклик на мое предложение повспоминать и рассказать о жизни, о работе, встречах, раздумьях... Начнем сначала. Мы относимся к поколению (одному из поколений) социологов, которые пришли в науку без специального, социологического образования, его в СССР долго не было. Как ты пришел в социологию? Может быть в юности, ранней молодости попались книги, подтолкнувшие тебя к выбору гуманитарного образования? Возможно, учителя, родители, друзья? Пожалуйста, расскажи о школьных годах и своем профессиональном выборе...

Дорогой Борис, сперва несколько оговорок насчет моих воспоминаний. Во-первых, конечно понимаешь, что говорить по-русски приходится редко, тем более писать. Поэтому извини: ошибки будут, но делать правку не очень могу. Дело в том, что несмотря на то, что уже несколько лет я эмеритус и от интенсивной научной работы отошел, но времени не хватает. Уже лет 15 назад я определил для себя, что для своей души еще надо сделать себе подарок: написать три книги о своем собственном мире. Фактически уже есть книга «Автографы людей моего мира» (собираю уже несколько десятилетий), но теперь ищу возможности издания. Это занимает время. Интенсивно пишу книгу «Человеческая социология» (по Бауману – все мы только товар), в которой популярно объясняю, что такое социология и иллюстрирую сравнением ситуации трех поколений: моих родителей (родились в 1911 году – начало XX века), моего (1946 - середина), моего внука (2000 – конец XX - начало XXI). Третья книга, которую тоже начал готовить - «Люди моего мира». Это книга моих фотографий и мой рассказ о них (я член общества

фотохудожников Литвы). Я – действительный член Академии Наук Литвы, поэтому еще есть довольно много работы по экспертизе работ. Но самое важное – я дед 4 внуков (2 внука + 2 внучки), которые живут в одном доме со мной. Так-что для пространных ответов времени не очень и будет. Теперь мой ответ на Твой первый вопрос.

В школе я учился хорошо, но гуманитарные предметы были близки моему сердцу. Прилично писал литературные сочинения. Писал заметки и для печати. О социологии не имел никакого представления, но, когда я готовил заметки, нередко поспрашивал тех, о ком писал. Например, готовя статью о моей школе (первой, после отмена запрета литовской письменности, гимназии на литовском языке в Вильнюсе, основанной в 1915 году), фактически провел интервью с одним из первых директоров. Активно участвовал в фотокружке, поэтому желал стать фотожурналистом. Но родители отговорили: «Выбери серьезную профессию, а после диплома занимайся чем хочешь». Кроме того, надо было думать и об избежании службы в армии. Поступил в Вильнюсский филиал Каунасского политехнического института (там была военная кафедра). Промучился, но получил диплом радиоинженера. По направлению более года проработал мастером, потом инженером технологом на Вильнюсском заводе электросчетчиков. Но не сказал бы, что это были потерянные годы. Полтора года работы рабочим на заводе (это входило в программу подготовки инженеров), почти столько же работы инженером и, в особенности, мастером, стали мне опорой исследования рабочего класса, когда я уже стал социологом. Первым, кто меня начал агитировать заняться социологией, был мой знакомый академик Антанас Бурачас. Он экономист, но интенсивно ознакамливаясь с зарубежной научной литературой, почувствовал вкус к социологии. Правда, проиграв выборы на пост руководителя сектора социологии в Отделе философии, права и социологии при Институте истории Академии наук Литвы, он так не

переквалифицировался в социологи. Руководителем сектора стал также экономист Ромуальдас Григас, который в будущем и стал первым из литовцев защитившим докторскую диссертацию по социологии. Я же «навел справки» о секторе социологии, переговорив с сотрудниками. Добро на возрождение социологии в тогдашнем СССР было дано во времена хрущевской оттепели. Так около 1964 года первые лаборатории социологических исследований начали создаваться в Вильнюсском университете, в Каунасском политехническом институте. Первые социологи появились и в Институте экономики Академии наук Литовской ССР. Мой интерес к социологии совпал с созданием упомянутого отдела и перехода социологов в другой институт. Реорганизация сопровождалась расширением сектора. Был объявлен конкурс на должности младших научных сотрудников. Так 1 декабря 1969 года ими стали Сергей Раппопорт, Станисловас Шимкунас и я. Два филолога и один инженер. Такого было мое начало как социолога...

Ps! Когда пишу, нередко включаю музыкальный фон. Прослушал «Пошел Вон Вавилон» Бориса Гребенщикова, потом переключился на «Реквием» Моцарта: 29 лет назад в ночь с 12 на 13 января 1991 года в Вильнюсе разрывные пули погубили 13 парней, а гусеницы танка раздавили 23-х летнюю Лорету Асанавичюте. В ту ночь мне удалось дозвониться до моих московских друзей. Москвичи вышли на улицы... Кровь пролилась и в Риге, а эстонцы, позвав в Таллин Ельцина, сумели избежать жертв. А в общем, вся история человечества – это история войн и убийств. Только «Реквием» и слушать...

Арвидас, непременно коснемся трагических событий в Вильнюсе, но сейчас попрошу продолжить рассказ о себе. В предложенной мною лестнице поколений в советской социологии, третья когорта включает тех, кто родился в интервале 1935-1946 гг., так что ты относишься к младшей страте III поколения. В нашем поколении, я тоже – отношусь

к нему, немало математиков, физиков, инженеров. Одни начинали с помощи социологам в обработке информации и потом, заинтересовавшись социологией, оставались здесь работать, другие – чаще всего через комсомол и погружение в социум - шли в аспирантуру и постепенно осваивали социологию. Каким путем ты пришел в социологию?

Напомню, что свой профессиональный путь социолога я начал 1 декабря 1969 года. Начал практически с нуля, так как о социологии имел очень смутное представление. Был конец года и обсуждались результаты научной работы в секторе социологии. Меня сразу «окунули в прорубь»: дали рецензировать отчет Вацлава Севрука. Вацлав меня успокоил: «Ты все равно ничего не понимаешь, дай добро и хватит». Пришлось согласиться, я впрямь не мог полноценно оценивать. Вацлав вообще был интересной личностью. Он был знаком с Андреем Сахаровым, Валентином Чалидзе, Владимиром Буковским, Петром Якиром, Юлием Кимом, Виктором Красиным, Олегом Гусаровым, Сергеем Ковалевым, Александром Солженицыным, Вадимом Делоне, Сергеем Писаревым, семьей Григорьевых и другими, т.е. со всем цветом виднейших диссидентов тогдашнего Советского Союза. В 1968 г. он вместе со Стасисом Якасом привез в Литву копию договора пакта Молотова – Риббентропа. Конечно, в то время я всего этого не знал: он был лишь старшим коллегой. Неожиданность была позже, когда он позвал нескольких сотрудников (в том числе и меня) на свой день рождения и объявил, что будет бороться с советским фашизмом. Конечно, «стены ресторана имели уши», и его скоро задержали, а через некоторое время выслали из Советского Союза. На встрече был и Сережа Раппопорт.

Летом 1970 года наш сектор обсуждал рукопись его диссертации о советском кино. Работа была интересная, но неожиданно ее запороли. Неординарный человек, автор нестандартных статей и публикаций, среди которых была яркая студия о вильнюсских снобах, так и не защитил диссертацию и до старости остался

младшим научным сотрудником. После многих лет он мне подарил копию его слежки КГБ с автографом, зная, что я готовлю книгу автографов. Так что мне повезло и в этом плане: социологией начали заниматься настоящие личности.

В 1970 году с приходом нового руководителя сектора социологии экономиста Ромуальдаса Григаса мы начали новую тематику: изучения производственных коллективов. Так как я уже имел представление о том, что такое завод и кто такие его рабочие и работники, то я попросил определить мне тематику социальной адаптации молодых рабочих. Поскольку финансов на сами исследования выделяли не ахти сколько, то все мы сами включились в анкетирование. Конечно, знание заводской жизни мне серьезно помогло. Тогда я и услышал, что в Ленинграде есть такой социолог Андрей Алексеев, которой познает заводскую жизнь изнутри. Я понимал, чтобы начать усваивать социологию мне нужен наставник. Искали научных руководителей и мои коллеги: англист Гражина Матулене, филолог Регина Тамошюнене и другие. Антанас Бальсис начал интересоваться формированием мировоззрения личности, Лайма Кастанаускайте поступила в аспирантуру для изучения культуры, Зигмантас Моркунас сосредоточил внимание на методологии социологических исследований. Упоминаю их, так как они были моими первыми коллегами и их стремления отражали общую ситуацию возрождения социологии в Литве.

Если в 1918-1940 годах в независимой Литовской Республике социология уже имела первые всходы: исследования, переводные и оригинальные учебники и т.п., то во времена хрущовской оттепели были сделаны лишь первые шаги по возрождению ранее заклейменной «буржуазной псевдонауки». В Литве социологией начали заниматься политэкономы Альгимантас Митрикас, Матас Дамидавичюс, Галина Люльченко, философы Николай Соловьев, Юозас Леонавичюс, психолог Антанас Гоштаутас и некоторые другие. Но и сами они были в поиске, и не все они повернули

только в социологию. Поэтому и мы искали наставников в уже сложившихся центрах Москвы, Ленинграда, Новосибирска... Мне удалось. Один вильнюсский переводчик, знакомый Микка Титмы из Эстонии, искал в Литве человека, который занялся бы опросом школьников для сравнительного исследования ценностных ориентаций. Самого его это не заинтересовало, поэтому он мне охотно передал адрес Титмы. Для меня это стало большой удачей, с этого реально и началась моя научная работа.

В то время тридцатилетний Микк Титма уже был довольно известным социологом, защитившим кандидатскую диссертацию по проблемам молодежи. Самое важное то, что в отличии от многих других он имел социологическое образование: хорошего студента юридического факультета отправили постигать социологическую науку в США. Там он получил отличную теоретическую и методологическую подготовку. Вернувшись в Тартуский университет, он начал формировать свою команду. Пауль Кенкманн, Юри Саарнийт, Яак Ууекюла, Эллу Саар, Рейн Веерманн и другие стали его гвардией. Вообще Тартуский университет был и теперь остается флагманом новаторских исследований. В то время кто не знал семиотика Юрия Лотмана, всходила звезда социологов и будущих политических деятелей Марью Лауристин и Юло Вооглайда. Я созвонился с Титмой и договорился о встрече. Через некоторое время я уже был в Тарту. Первая встреча не была успешной: Микк скоро убедился, что я пока ничего не смыслю и, наверное, сделал вывод, что от меня вряд-ли будет какая-нибудь польза. Конечно, он указал на некоторую литературу, дал программу исследования и анкету.

Я засучил рукава и принялся штудировать книги, готовиться к опросу. Той же весной я сделал выборку и опросил около 650 выпускников вильнюсских средних школ. Правда, все чуть не сорвалось в самом начале. В то время все анкеты проходили цензуру. Отправил анкету в ГЛАВЛИТ и получаю срочный вызов: зовет сам начальник. Тот открыл анкету и тычет пальцем на

первый вопрос «Имеете ли Вы цель в жизни?» и грозно спрашивает: «Что это за вопрос?». Я не понимаю, что ему не ясно и объясняю: «Это вводный вопрос: я хочу узнать есть ли у молодого человека стремление достичь чего-нибудь – хорошей работы, благополучной семьи и т.п.». Начальник меня прерывает: «Наша цель коммунизм!». Я совсем опешил: «Я спрашиваю о личных целях...». Начальник набирает номер и звонит в ЦК: «Тут у меня какой-то недоумок...». Я вижу, что дело совсем плохо и начинаю оправдываться: «Я только начинающий научный сотрудник, все исправлю, вопрос уберу...». Начальник махнул рукой и потом «исправленную» анкету пропустил. Правда перед тем вызвал к себе руководителя моего сектора и строго обругал. Так мне стало ясно, что с коммунизмом надо обращаться уважительно. Правда, насчет коммунизма я имел замечания еще в студенческие годы. Тогда я предпочитал ездить городским транспортом без билета. Когда контроллер начинал требовать билет, я ему пробовал доказывать, что мы уже живем на первой фазе коммунизма и проезд должен быть бесплатным. К сожалению мои познания о преимуществах коммунизма влияния на контролеров не имели: «Ты нам зубы не заговаривай!» и приходилось платить штраф. Уроки надо учитывать и с номенклатурой не шутить. Хотя думаю, что до утверждения начальника ГЛАВЛИТА не додумался бы даже сам Микк Титма.

Когда я сообщил Микку о проведенном исследовании, его отношение к моим возможностям изменилось, и он всерьез занялся моим социологическим образованием. Я благодарен своим непосредственным руководителям – руководителю отдела Философии, права и социологии при Институте истории АН Литовской ССР членкору АН Литвы Ионасу Мацявичюсу и заведующему сектором социологии Ромуальдасу Григасу, которые отправили меня на целый месяц в Тарту. Микк Титма начал меня в буквальном смысле слова обучать как азам социологии, так и научной работе. В будущем я акцентировал уже своим студентам:

перед тем как начать писать какую-либо работу – реферат, статью, дипломную работу – возьмите чистый лист бумаги. Разверните его в горизонтальное положение и линиями разделите на три части. Вверху напишите название, в первом столбце – как можно более подробную структуру работы и возможные объемы каждого деления; во втором столбце – основной смысл (содержание) каждого структурного элемента; в третьем столбце – точные сноски цитат, на которые вы опираетесь для раскрытия этого смысла, или материала исследований, который и составляет это содержание. Естественно, все предусмотреть невозможно, но сразу видно (причем горизонтальный лист этому и способствует, так как все столбцы рядом, а не на следующей странице), чего не хватает, на что надо обратить внимание. Вроде все очень элементарно, но польза от такой элементарности для меня была большущая.

Для социолога непосредственное общение – огромная радость: титмовская команда стала моими друзьями. В то время в Тарту была известная баскетбольная команда «Калев». Ее игроки Прийт Томсон, Алексей Таммисте, Анатолий Крикун даже были игроками Советского Союза. Для литовцев баскетбол – вторая религия. Поэтому, когда в Тарту на турнир приехала вильнюсская «Статиба», у меня получился двойной праздник: и возможность интенсивного ликбеза, и победа «Статибы» над «Калевом». Конечно познакомился и с игроками моей команды: Римасом Гирскисом, Римантасом Ендриайтисом, Едуардасом Кайрисом, Юрасом Казюнасом и другими. Прошло полвека, но, когда я их иногда встречаю, всегда вспоминается тот исторический для меня месяц в Тарту.

Недалеко от города Тартуский университет имел прекрасную спортивную базу в Кяэрику, это место было притягательным и для социологов. Еще Юло Вооглайд организовал там свои известные методологические семинары по исследованию средств массовой коммуникации. Конечно, у меня есть и потертая книжка «47 пятниц». Но когда власти «прикрыли» Юло, социологи Кяэрику не

забыли: Микк Титма начал проводить социологические встречи именно там. Работа с утра до вечера, а по вечерам испепеляющая финская баня, прекрасное для тех времен эстонское пиво и прохлада озера.

Конечно, я много читал как работы титмовской команды, так и книги по социологии молодежи, вопросам формирования социальной структуры, методологии и методам социологических исследований Владимира Николаевича Шубкина, Фридриха Рафаиловича Филиппова, Владимира Александровича Ядова, Андрея Георгиевича Здравомыслова, Льва Наумовича Когана, Светланы Николаевны Иконниковой, Наримана Абдрахмановича Аитова и других. Всех не перечислишь...

Текст диссертации понемногу рос. Сдал и кандидатские экзамены. Просчеты с коммунизмом были забыты. Отдел получил место по разнарядке приема в партию. Предложили именно мне. «Могу подумать», - ответил я. «Подумай до завтра, время не терпит!», - предупредили. Как быть? 1971 год – в коммунизм я уже давно не верю, тем более после лета 1968 года, когда я писал дипломную работу и слушал ВВС о том, как советские танки давят моих чешских друзей (осенью я собирался ехать к ним в Злату Прагу). Обратился за советом к отцу: как поступить? «Куда тебе деться в социологии без партбилета, поступай», - ответил. Когда через некоторое время предложили вступить в КПСС моей жене, молодому врачу, мой отец посоветовал: «Не поступай, ты должна заботиться о семье».

Несколько слов о моем отце. Более тридцати лет он был министром лесного хозяйства и промышленности Литовской ССР. С первого взгляда – типичный представитель номенклатуры. Но даже в энциклопедии, изданной уже в независимой Литовской Республике, отмечено как он много сделал для сохранения лесов в Литве. Сам ушел на пенсию. Хотел писать: поделиться профессиональным и жизненным опытом. Но не успел и в 1980 году умер. За год до смерти в одной из бесед он удивил меня

предсказанием крушения советской империи. «Такая страна не может существовать: Литве запланировали определенное количество лесовозов, но их перехватил Кунаев, а нам всучили в армии добитые кразы», - с горечью и возмущением сетовал он. Конечно, тогда я такому предсказанию не поверил: хотя полный идиотизм решений, но такая военная мощь.

Тогда с этой «мощью» мне пришлось столкнуться очень скоро: пришла повестка служить в армии. Дело в том, что в то время, после кровавого столкновения на полуострове Даманском, было большое противостояние с Китаем. После инженерного вуза мы получили звания младших лейтенантов, и всех парней забрили в армию. Часть их служила на Дальнем Востоке, часть – за полярным кругом. Для меня вообще все рушилось: родилась первая дочка (если была бы двойня, то не призвали бы), стопорилась работа над диссертацией. Что делать? Лег на неделю в госпиталь «лунатиком». Не вышло... Но к лучшему: другу вышло, но потом возникали большие проблемы даже с получением прав на вождение, тем более с выездом за границу. Но случилось чудо. Иду понурый по улице и встречаю знакомого. «Что случилось, что голову повесил?», - спрашивает. «Да вот в армию берут, пошлют к черту на кулички, а у меня только что дочь родилась», - отвечаю. «Ну это проще простого: куда хочешь – Калининград, Шяуляй или Рига». – предлагает. Дело в том, что он прослужил более 20 лет в штабе Прибалтийского военного округа. Дослужился до подполковника. Все сослуживцы, как не помогут. Так и прослужил два года почти дома – Шяуляй, четвертый по величине город в Литве, около 200 километров от столицы Вильнюса.

Конечно, о своей службе с 1972 по 1974 год в советской армии могу рассказать много, но ограничусь несколькими наиболее яркими штрихами. Служил я в радиолокации, в авиационных войсках. Назначили меня начальником смены определения вторичной обстановки. Мы не вели прямого сопровождения самолетов, а лишь наблюдали общую обстановку. Степень

ответственности была намного меньше. Кроме того, я уже четыре года не имел ничего общего с радиотехникой, тем более с радиолокацией, поэтому почти ничего не смыслил. Хорошо еще, что все блоки станции дублировались и, если что-нибудь выходило из строя, то просто менял блок. А неполадки были. Дело в том, что по инструкции чистить блоки надо спиртом. А где его получишь? Может мой непосредственный командир – капитан – еще его и получал, но и в этом сомневаюсь. Было же вышестоящее начальство. Поэтому чистили керосином: самое «подходящее» средство для вывода аппаратуры из строя. Но это «еще семечки», ведь спирт сливали и с боевых самолетов.

Начав службу, я попробовал поинтересоваться солдатами, надеясь, что смогу узнать много интересного об их жизни и использовать эту информацию в своих исследованиях жизненных планов молодежи. Но очень скоро меня засекли и приказали все закончить. «В армии это не положено!», – мне было указано. Как не положено еще многое. До армии я носил бороду. Начал еще тогда, когда писал дипломную работу. Перед самой службой я бороду сбрил, но оставил довольно пышные усы. Командиром штаба у нас был полковник Серый (это его настоящая фамилия). В первые дни моей службы он меня остановил и сделал три замечания: «В советской армии таких усов не носят, сбрейте. В советской армии форма должна быть по уставу: белые шерстяные носки не положены. В советской армии с авоськой не ходят!». Сразу понял, что в советской армии выделяться нельзя: будь таким, как все.

Самое главное, что произошло за время службы в армии было то, что я закончил писать диссертацию. Думаю, что в Советском Союзе это вообще уникальный случай. Армия для меня была вместо аспирантуры. Также не думаю, что такие случаи могли быть и в других странах. Конечно, если диссертация по военному делу, то такой вариант возможен. Но моя диссертация с военным делом не связана: «Социальная детерминация профессионального

самоопределения учащейся молодежи». Как же мне удалось завершить диссертацию служа в армии, как это было возможно? Во-первых, исследование было проведено, теоретический материал был собран, начало текста также было. Оставалось заканчивать. Во-вторых, по счастливой случайности я остался в Литве. Если послали бы к черту на кулички, например, в Заполярье, то скорее ел бы лебединое мясо, но не было бы картошки (поздно спохватились и не было бы возможности подвести) и поэтому потерял бы множество зубов от цинги, хотя и спасался как мог неразведенным спиртом (так случилось с моим другом). Вряд ли я бы смог что-нибудь написать и на китайской границе, где служба была бы намного сложнее. В-третьих, первый год службы я имел эмоциональный комфорт: вместе была вся семья: жена Аудра и дочь Казимера. За 43 рубля в жилом квартале (жители его окрестили Ташкентом) я снимал трехкомнатную квартиру, а как лейтенант получал около 200 рублей. Для сравнения скажу, что, будучи младшим научным сотрудником, моя зарплата была лишь 83 рубля. Как начальник смены я дежурил сутки, а потом обычно имел два полностью свободных дня. Так что рабочий ритм был четкий: во время дежурства я отдыхаю (кайф, когда нелетная погода – отсыпаюсь, а в Литве такое бывало частенько), а дома вкалываю, с перерывом на колыбельную маленькой дочке. Второй год я отслужил один, так как материнский отпуск тогда был только год. Рабочий темп для диссертации еще более ускорился.

К концу службы диссертация была готова, замечания Микка учтены и на повестке дня стал вопрос, где защищать. Советов по защите социологических диссертаций было мало, поэтому очереди были большие. От Шяуляя до Риги даже ближе чем до Вильнюса, и я отправился в Латвийский государственный университет. Встретился с социологами Майей Ашмане и Азием Ивановым. Правда, Совет был только по научному коммунизму, но коллеги, прочтя дассертацию решили, что работа по тематике пройдет и по научному коммунизму. 1 сентября 1974 года я закончил службу в

Советской Армии, о «мощи» которой я на своем опыте сумел убедиться. Осенью я представил свою диссертацию на заседании кафедры, на которой были утверждены официальные оппоненты: доктор философских наук Фридрих Рафаилович Филиппов, который только что перебрался в Москву из Нижнего Тагила, и доктор педагогических наук Ляонас Иовайша из Вильнюсского университета. Так что моими оппонентами были два доктора наук, хотя обычно вторым оппонентам «хватало» кандидата наук. Ведущей кафедрой определили кафедру научного коммунизма Каунасского политехнического института, там заведующим кафедрой был социолог Юозас Леонавичюс.

Социологическая направленность диссертации была довольно явная. Но это чуть не сыграло со мной злую шутку. Необходимый тираж автореферата уже был напечатан, но для положенной рассылки по научным учреждениям и библиотекам разрешение должна была дать ведущая организация. Время уже начало поджимать, а тут звонок Леонавичюса из Каунаса: «Арвидас срочно приезжай: у одного нашего коллеги возникли замечания методологического порядка». Ну думаю, крышка... Еду в Каунас, захожу на кафедру, жду. Открывается дверь и входит полковник. Потом я выяснил, что это бывший начальник военной кафедры, которого после демобилизации перевели на кафедру научного коммунизма. Не успеваю опомниться, а он мне сразу задает вопрос в лоб: «По какому предмету вы защищаете диссертацию?». Я бодро отвечаю: «По научному коммунизму!». Полковник пристально смотрит на меня и спрашивает: «А где у Вас в диссертации научный коммунизм?». Во введении упомянут Карл Маркс, Владимир Ильич Ленин, указания XXП съезда КПСС о том, что надо исследовать советскую молодежь. Есть и научный коммунизм, но маловато: только гриф диссертации. Я пробую объяснять, что по сути моя диссертация социологическая, а Советов по защите работ по социологии мало и очереди там длинные... Полковник меня прерывает: « Я вас еще раз спрашиваю,

где у вас в диссертации научный коммунизм?». Я только что из армии и прекрасно представляю, что такое советский полковник: «Товарищ полковник, я Вас понял: будет в диссертации научный коммунизм!». Легко сказать, но сделать нелегко. Сам текст «исправить» еще не так страшно: расшил экземпляры диссертации, перепечатал некоторые страницы диссертации, вставляю где можно научный коммунизм, но как быть с уже напечатанными авторефератами? В 1974 году компьютеров и в помине не было, а автореферат был напечатан на пишущей машинке со специальным шрифтом, с которого и печатали тираж. Еще одна проблема: социология одно слово, а научный коммунизм два. Кое как в автореферате нашел места, где можно заклеить социологию научным коммунизмом. Повторяя много раз напечатал два слова – научный коммунизм. Но время в обрез: везу диссертацию и автореферат в Москву оппоненту Фридриху Рафаиловичу Филиппову, а сразу после возвращения должен разослать «исправленные» авторефераты. В купе сразу занялся делом: заклеивать социологию научным коммунизмом. Другие пассажиры сперва недоумевали, чем это я занят, но, когда я разъяснил в чем дело, дружно ринулись мне помогать. Наконец все законно: защищаю «настоящую» диссертацию по научному коммунизму. Теперь об этом я вспоминаю с юмором, но тогда мне было не до смеха. Сама защита прошла успешно: оппоненты больно не щипали. Совет проголосовал единогласно, латышские коллеги по-братски меня поздравили. Правда в ВАКе диссертацию утвердили примерно через год, но уже во времена перестройки, когда я сам стал членом ВАКа, я убедился, что это было довольно обычное время рутинной процедуры. После нашей независимости все диссертации прошли нострификацию. Как оценят мою «настоящую» диссертацию по научному коммунизму? Но все обошлось без проблем: руководителем нострификационного Совета был мой бывший оппонент Ляонас Иовайша. Он то знал какой у меня был «научный коммунизм». В конце 1975 года я стал

кандидатом философских наук. Так закончился начальный этап моего пути в науку.

Арвидас, ты почитай написанное... это уже история, не только наша, но социологии... ты написал о ДРУГОМ времени, ДРУГИХ людях, многих и я знаю, ДРУГИХ отношениях... спасибо тебе. Поехали дальше... итак, ты прошел «школу молодого бойца» в социологии, защитил кандидатскую диссертацию... но не остановился. Какая тематика тебя привлекала? Насколько ты был свободен в выборе исследовательской проблематики? Были ли возможности для публикации? С кем из российских социологов ты в большей степени сотрудничал?

Борис, наконец закончился период моей «засухи»: несколько дней назад получил из ремонта свой компьютер. Какой-то вирус съел твердый диск, но все данные сохранились, и я могу продолжить наше сотрудничество. Надеюсь, что коронавирус нас не съест, а карантин, который объявлен и Литве, наоборот, повысит степень моей усидчивости и возможностей для работы.

Возвращение из армии с защищенной диссертацией во многом предопределило мое место в литовской социологии. В середине восьмого десятилетия прошлого столетия в союзе начался бум социального планирования. С «достижением первой фазы коммунизма» по крайней мере надо было продемонстрировать внимание к каждодневной жизни советского человека. В нашем отделе помимо сектора социологии было решено организовать лабораторию социологических исследований. Руководителем лаборатории назначили меня, а тематикой исследований стало именно социальное планирование. Надо было набираться опыта, и конечно в первую очередь мы обратили свои взоры на Ленинград. Ведь в Ленинграде работали Владимир Ядов, Андрей Здравомыслов, Овсей Шкаратан, Борис Фирсов и многие другие. Все мы были знакомы с известнейшим в то время проектом «Человек и его работа». Но создание нашей лаборатории совпало

со значительными организационными изменениями в Ленинграде и проблематика социального планирования начала формироваться в ИСЭПе - Институте социально-экономических проблем. В то время директором стал экономист Гелий Николаевич Черкасов, а ведущими специалистами по социальному планированию были Марат Николаевич Межевич и Владимир Романович Полозов. Вот с ними мы и установили теснейшие научные связи. Опыт перенимали как в Вильнюсе, так и в Ленинграде. В Вильнюсе постановлением Совета Министров Литовской ССР был создан совет по социальному планированию, который курировал работу на всех уровнях: районов, городов и предприятий. Как бы не оценивать советские времена, но социальное планирование в то время реально продвинуло решение социальных и культурных вопросов. Мы не только публиковали методические материалы, но и непосредственно помогали в создании планов социального развития на различных уровнях и участвовали в контроле их реализации. Конечно, бывало всякого, но в условиях тогдашней организации общества это было прогрессом в реальном решении жизненных проблем населения и работников. Вместе с Межевичем, Полозовым мы опубликовали не одно издание. Для меня самое важное то, что сохранились самые светлые воспоминания о названных старших товарищах.

Конечно руководство лабораторией социального планирования у меня отнимало много времени, но ни в коей мере не умерило мой интерес к исследованию жизненных планов молодежи. Тем более, что руководимое Микком Титмой лонгитюдное исследование все расширялось и охватывало новые регионы. Помимо Эстонии и Литвы в исследование включилась Латвия, Белоруссия, Россия, Украина, Молдавия, Таджикистан... Проведение встреч организовывали все в новых местах. Конечно, сперва в Кяерику, но потом в Таллине, Юрмале, Красноярске, Барнауле, Москве...

Изменилось и мое положение. В 1977 году отдел перерос в Институт философии, социологии и права. Инициатор

реорганизации членкор АН Литвы Ионас Мацявичюс как назло серьезно заболел, и у всех «потекли слюнки»: появилось желание стать директором. У меня и в мыслях такого не было: мне был всего 31 год, и я был занят своими исследованиями. Но все повернулось иначе: Мацявичюс выздоровел, стал директором и предложил мне пост его заместителя. «Закаленный боями боец» (во время войны он был комсоргом 16-ой литовской дивизии, потом первым секретарем комсомола Литовской ССР и сумел вовремя перейти на научную работу, в буквальном смысле не «потеряв голову» из-за критики усиления националистических настроений молодежи Литвы) хорошо понимал, что конкуренты ему не нужны. Я согласился лишь с тем условием, что смогу создать сектор социологии молодежи. Конечно, все бывшие «замы» хорошо знают, что это такое: директор руководит, а заместитель и ученый секретарь работают, а организаторская «кухня» отнимает кучу времени, тем более в советское время, когда надо было «пробивать» все. Хорошо еще, что мы имели надежного ученого секретаря Пальмиру Катинайте, а Мацявичюс понимал значимость исследований проблем молодежи.

Таким образом я начал формировать сектор молодежи. Мейлуте Тальюнайте, Эгле Лаумянскайте, Евгения Крукаускене, Иния Тринкунене, Вида Каспаравичене, Гражина Манюкайте, Регина Бурачене, Юрас Эйдукас, Арунас Курас стали ядром сектора и включились в лонгитюдное исследование. По-разному сложились их научные судьбы. Наиболее успешно – у Мейлуте Тальюнайте. Под руководством Микка она защитила кандидатскую диссертацию, в 1986 году вместе с Микком Титмой, Паулем Кенкманном, Эллу Саар, Рейном Веерманом, Яаком Ууекюла и мною она получила национальную премию по науке Эстонской ССР. Уже во времена независимой Литвы она была директором Литовского центра социальных исследований (это бывший Институт философии, социологии и права). В Москве защитила диссертацию и Эгле Лаумянскайте. Из-за длинных очередей

Гражина Манюкайте защитила кандидатскую по педагогике в Вильнюсе. Чтобы «усилить» педагогическую направленность формирования жизненных ориентаций мы добавили «коммунистическое воспитание». И в независимой Литве при нострификацией ее диссертации возникли вопросы из-за этого «воспитания», но все обошлось: работа фактически была социологическая. Еще раз напоминаю такие детали, чтобы поточнее характеризовать прошедшее время. Конечно, понимаю, что не все мои коллеги достигли больших научных высот, но без команды лонгитюдные исследования не проведешь. И я не забываю их. Не укажу имени только одного бывшего коллеги. Он – татарин и писал статьи на русском. Мы издавали книги и на русском: русский был языком научного общения как теперь английский. А книг совместно с коллегами по лонгитюдному исследования молодежи мы издали немало. Но Академия наук Литовской ССР была литовской: большинство изданий были на литовском языке. Поэтому моим коллегам приходилось переводить его опусы. Когда я сделал ему замечание, он возмутился: «Вы оскорбляете мою нациальную гордость!» Типично советскому человеку: татарин, а самосознание русского. Советским он остался и в независимой Литве...

Пора вернуться к исследованию молодежи. Как я упоминал, мы обсуждали проблемы часто и в различных местах. Мне наиболее запомнились три: встреча в Красноярске и работа на судне, плывущем по Енисею; работа в Паилгисе в Литве; обсуждение на туристической базе в Таджикистане. Поездка в Красноярск запомнилась яркими местами и событиями. В первую очередь экскурсия к Красноярским столбам. Был сам разгар весны, отличный сезон для клещей и, естественно, боязнь их энцефалитных укусов. Погода была отличная и столбы предстали во всей красе. Наш проводник, доцент университета, предложил чуть подняться, чтобы еще лучше увидеть окрестности. Залезли, посмотрел вниз, вижу, что обратно спуститься слишком трудно.

Надо продвигаться вперед, вернее ввысь. А это примерно сто метров выше! А я в сандалиях, не то, что проводник: калоши. Но что поделаешь: карабкаюсь. Но самой вершины так и не достиг: надо было перепрыгнуть примерно метр с одной площадки на другую. Проводник порет черный юмор: «Недавно одной коллеге не удалось: сорвалась. Когда спустились, еще была жива». Слава богу (хоть и не верю), что уже была возможность свернуть. Стою наверху, ноги трясутся и думаю «Какого черта меня сюда понесло», тем более, что спуск был по пологому склону. Конечно, хозяин, член нашего исследования Валентин Геннадьевич Немировский таких испытаний нам не подстроил.

Огромное впечатление мне оставило посещение Красноярской ГЭС, купание в холодном Енисее и сам рейс по Енисею. Как уже говорил, мой отец был лесоводом, а тут страшное зрелище: все берега покрыты стволами деревьев: когда построили плотину и перекрыли воды великой реки, то «забыли» вырубить леса. В памяти запечатлелись и очень светлые воспоминания о нашей работе в Барнауле на Алтае. Как и люди, в особенности наш коллега Святослав Иванович Григорьев, так и прекрасная природа, в особенности белеющие березовые рощи. До сих пор храню авторефераты докторских диссертаций Немировского и Григорьева, так как они оба защищались в Вильнюсе. Давно с ними не виделся, а теперь, заглянув в интернет, с грустью смотрю, что со Святославом уже вообще не смогу встретиться: умер в прошлом году…

Паилгис – маленькое местечко недалеко от Вильнюса. Там была хорошая для тех времен туристическая база. Договорились с хозяевами задолго, но перед самой встречей не проверили. Наша команда съехалась, а домики не подготовлены. Была осень и неожиданно похолодало, а отопления нет. Пришлось разместить всех в одном большом помещении. Но и там холодно: гости спят на матах укрывшись матами. До сих пор в глазах стоит видение: член нашей команды с Урала профессор Людмила Яковлевна

Рубина вылезает из-под матов. Стыд и срам… Но зато вся команда надолго запомнила эту встречу.

Нам с Людмилой Яковлевной Рубиной навсегда запомнилась и другая встреча нашей исследовательской команды. Тогда мы работали на туристической базе в Таджикистане. Напомню, что в советские времена представляла из-себя туристическая база в Средней Азии. В первую очередь это обильная пища: куски мяса плавают буквально в жиру. Зубы чистим в горной речке: вода чистая – течет прямо с гор. Правда, только позже узнал, что от нас вверх было не одно поселение, где чистили не только зубы. После всего этого перед сном обязательно нужно было пойти в «самое важное место». В один вечер мне случилось непредвиденное испытание: когда я был именно в нем, произошло небольшое землетрясение. Комфорт минимален: две доски и те затряслись. А вокруг темнота: в Средней Азии темнеет мгновенно. «Прекрасный» и музыкальный фон: птички, которых мы обозначили «людоедками», «защебетали» зловеще. Ну, думаю, конец, да еще в таком «благоухающем» месте… В другой вечер решил обойтись без очищения, а на следующий день у меня начались жуткие боли. Еле дотянул до Вильнюса. Оказалось, что это был страшный приступ холецистита и панкреатита. Так свое сорокалетие я встретил на больничной койке после операции. После этого узнал, что после пребывания в туристической базе в больнице очутилась и Людмила Яковлевна Рубина. Борис извини, что потянуло на такие «лирические» воспоминания, но, по-моему, это тоже предмет социологических исследований, а с возрастом меня все более тянет к черному юмору….

Заканчивая воспоминания о титмовской команде не могу не вспомнить о москвичках Люде Коклагиной (Людмила Александровна) и Вике Семеновой (Виктория Владимировна). Контакт с ними помог нам найти выход на всесоюзные издательства. Так что результаты нашего лонгитюдного исследования жизненного самоопределения печатались не только в

Тарту, Таллине, Вильнюсе, Риге, Минске, но и в Москве. С Людой я сотрудничал и после развала советской империи. Люда «выскочила» замуж за англичанина, нарожала детей, живет в Оксфорде и продолжает заниматься исследованиями. Вместе с ней я изучал музыкальные наклонности людей трех поколений: учеников четвертого класса, их родителей и бабушек (дедушек). До сих помню, как в Вильнюсе в школе с русским языком обучения бабушка распевала «Выходила на берег Катюша», а внучка – на английском попсу…

Все же с российскими социологами я в основном познакомился благодаря участию в работе Советской социологической ассоциации (ССА). Инициатором по созданию Прибалтийского отделения ССА, конечно же, был Микк Титма. Для «весомости» первым председателем отделения стал член-корреспондент АН Литвы, директор моего института Ионас Мацявичюс. Микк был вторым, а я третьим. Смеюсь, что на одних выборах в совет ССА я стал социологом № 1, так как получил наибольшее число голосов «за». Но если серьезно, то общение с ведущими социологами страны мне дало очень много. Могу перечислять и перечислять самые известные фамилии, но не хочу, чтобы создалось впечатление, что хочу «примазаться» к этому кругу. Свою роль в развитии социологии в Литве я определяю, как организаторскую: «рожал» новые социологические подразделения, участвовал в подготовке кадров, способствовал развитию научных контактов и до развала советской империи. В основном это были ведущие российские социологи. Поэтому отмечу лишь некоторых.

Начну с Владимира Александровича Ядова. В уже далеком 1977 году мы – Прибалтийское отделение ССА – организовали конференцию в Паланге, на которой свои доклады представило множество социологов Литвы, Латвии и Эстонии. Украшением пленарного заседания стал доклад Володи. Для нас, прибалтов, он был своим: не даром он имел свой дом на хуторе в Эстонии.

Навсегда мне в память врезался образ Галины Васильевны Старовойтовой. ССА организовала конференцию в Золотом кольце России: в Суздале. В то время наиболее актуальной была ситуация в Карабахе. В конференции участвовали как армяне, так и азербайджанцы, а Галина сама не раз бывала в Карабахе и могла наглядно разъяснить причины национального противостояния. С мнением Галины согласились и коллеги: в большей степени армяне, но и азербайджанцы. Но Старовойтова стремилась не только исследовать, но и действовать, что и привело ее в политику. Я давно убедился, что часто политика – дело грязное, а политические игры – без правил. Знал, что социологов могут преследовать, но, чтобы убивали…

Крестным отцом моей первой – кандидатской диссертации был Фридрих Рафаилович Филиппов. Я защищал ее в 1974 году, а он тогда только что перебрался из Нижнего Тагила в Москву. Контакт по общему научному интересу – исследованию молодежи и социальной структуры – перерос в настоящую дружбу. В последний раз мы встретились в 1990 году в Мадриде на социологическом конгрессе. Была страшная жарища, и он жаловался на здоровье. Потом из Москвы пришло известие, что его не стало…

В 1985 году Николай Михайлович Блинов был оппонентом моей второй – докторской диссертации. В 1988 году он был консультантом отдела пропаганды ЦК КПСС. На встрече в ССА он мне говорит: «Принято решение организовать в вузах пять новых факультетов социологии». Я говорю: «Николай, один должен быть в Вильнюсском университете». Через некоторое время в Литву приходит постановление ЦК КПСС: организовать факультет в Вильнюсском университете. Так что Николай Блинов в определенной мере стал крестным отцом этого факультета. Правда, факультет назвали философским. В Литве тогда полным ходом все шло к воссозданию государственности. Ректор старейшего в тогдашнем Советском Союзе университета академик Ионас

Кубилюс разозлился: «Нам Москва уже не может указывать». Но деваться некуда: еще советская власть. Но решение было мудрое: под это решение воссоздать факультет философии, который был закрыт еще в середине Х1Х века вместе с университетом после одного из неудавшихся восстаний против царской империи. Тем более, что основа была: были сильные кафедры истории философии, психологии, педагогики. Но не было кафедр политологии и социологии. Ионас Кубилюс решил просто: кафедру научного коммунизма упразднил и создал кафедру политологии, а мне поручил организовать кафедру социологии вместо кафедры научного атеизма. Первые мои слова на первом заседании новой-старой кафедры были революционными: «Моя первейшая задача – ликвидировать вас как класс!». Ведь я уже собрал хорошую, социологическую команду, а зачем же нам атеистический балласт. Довольно быстро все решилось: настоящих атеистов были единицы, и они отправились на пенсию, а другие перешли к философам и занялись религоведением.

Не могу не вспомнить и Жана Терентьевича Тощенко. Это он пригласил меня стать членом международной редколлегии «Социологических исследований». Мы подготовили и подборку статей литовских социологов. Наше сотрудничество продолжилось и в новые времена. Наш польский коллега Кристоф Островский пригласил нас обоих участвовать в проекте Совете Европы. Не раз мы встречались в Страсбурге. Как сейчас помню: сидим в оригинальном здании Совета (в детстве хотел стать архитектором, поэтому хорошая архитектура до сих пор меня впечатляет), распиваем бутылочку прекрасного эльзасского вина и рассуждаем о стремительно меняющемся мире.

В конце прошлого года я неожиданно получил звонок из Москвы. «Умер Сева…»., - прерывая плачь сказала Неля, жена Овсея Ирмовича Шкаратана. Конечно, когда тебе за семьдесят такие новости получаешь все чаще, но со смертью друзей свыкнуться не можешь. С Овсеем я был знаком с середины восьмого десятилетия

прошлого столетия, когда он читал доклад по проблемам города на конференции в нашем курорте Бирштонаса. Настоящая дружба у нас началась с совместной поездки в США в 1988 году. В период перестройки Академия наук СССР в научные группы для контактов с зарубежьем стала включать не только москвичей, но представителей республик. Для меня была большая честь быть приглашенным в такую группу. В США ехали Владимир Александрович Ядов, Борис Андреевич Грушин, Владимир Николаевич Шубкин, Овсей Ирмович Шкаратан, а также эстонец Микк Титма, украинцы Валерий Евгентьевич Хмелько, Владимир Ильич Паниотто и я – литовец. Встреча была организована в уединенном поместье, так что все внимание было сфокусировано на совместную работу с ведущими социологами Америки, возглавляемыми тогдашним президентом социологической ассоциации США Мелвином Коном. А по вечерам с хорошим бурбоном по телевидению смотрели выборы президента США. Нам это было в новинку. Результат был налицо: почти весь экран окрасился в красный цвет – цвет республиканца Джорджа Буша, который победил демократа Михаэля Дукакиса.

Но вернусь к Овсею. В аэропорту он потерял из вида свой чемодан, а я его нашел. Так с этой оказии и началось наше общение, скоро переросшее в дружбу. Мы многократно встречались как в Москве, так и у нас в Литве, в особенности в Паланге. Пока позволяло здоровье все отпуска он проводил вместе с Нелей в этом прекрасном курорте. Подолгу разговаривали о жизни. Овсей много рассказывал о своей семье, тяжелые годы войны и послевоенное время в Ленинградской области. С юмором хвалился, что был первым парнем на селе: первым, потому что вообще был единственным мужчиной среди девушек и женщин. А ему тогда было всего ничего – четырнадцать лет. Подробно узнал и о его путях в науку, необходимость отстаивать свое мнение, причины переселения из Ленинграда в Москву. Переживал, когда начались нападки на Высшую школу экономики Государственный

университет. Сетовал, что редеют ряды его учеников, так как самые одаренные покинули Россию. Радовался, что выпестованный им журнал «Мир России» имеет хорошую марку как в самой России, так и за рубежом. Мне приятно, что с его подачи я стал членом редакционного совета этого журнала. Овсей пригласил меня на неделю прочесть краткий курс о социальных изменениях в Литве, Латвии и Эстонии. Было необычайно интересно и ответственно, но печально, что новое поколение россиян почти ничего не знает о жизни наших стран. Кстати, мало они знали и о новейшей истории самой России… Овсей отметился и в нашей научной жизни: в журнале «Философия. Социология» было напечатано несколько его статей, а президиум Академии наук Литвы включил Овсея Ирмовича Шкаратана в редколлегию этого журнала. Но его фамилия уже целый год окаймлена черной рамкой…

Последний раз в Москве я был уже давненько – в 2008 году. Приехал на празднование 50-летия ССА и 40-летия создания первого института социологии. Жил у Овсея, поэтому на празднества поехали вместе, Шкаратан был приглашен в президиум юбилейной сессии ССА, и он повел меня с собою. Сижу в президиуме вместе со всем цветом российской социологии - Владимир Александрович Ядов, Андрей Григорьевич Здравомыслов, Николай Иванович Лапин, Геннадий Васильевич Осипов…Потом мои давнишние коллеги Евгений Михайлович Бабосов и Геворк Арамович Погосян «завидовали»: «Ну ты даешь!» Кстати, Борис, ведь мы там и встретились после долгого перерыва. Сделал и фотографию трех богатырей: Бориса, Геворка и Арвидаса. На следующий день мы с Нелей еще сходили в Большой театр, где слушали «Кармен» Ж. Бизе. Так что настроение отличное, но на конференции меня переспросили: «А вы зарегистрировались?», «Да, вчера на пленарном», - отвечаю. «Не на конференции, а в гостинице», - пояснили мне.

Конференция была завершена, и мы с Овсеем едем в гостиницу, где я должен был зарегистрироваться. Там на меня накинулись: надо было регистрироваться в первый же день по приезду. Откуда мне знать: я вообще уже отвык от виз. Надо платить штраф, но они не принимают. Промыкались чуть не весь день. Закончилось тем, что смиловался молодой чиновник в домоуправлении по месту жительства Шкаратана. Последний день пребывания в Москве я пролежал с температурой, а Овсей после моего отъезда загремел в больницу с воспалением легких. Так что для себя я твердо решил: с меня хватит, в Россию я больше не поеду. С Шкаратаном мы продолжали встречаться летом в Паланге и в Вильнюсе, пока позволяло его здоровье. Потом остался скайп и телефон, а теперь только время от времени созваниваюсь с Нелей и теплым словом вспоминаем Севу…

Ну а совсем уже заканчивая воспоминания о моих встречах с российскими социологами я хочу похвастаться, что тепло этих встреч мне напоминает множество автографов. У многих есть различные хобби, мое же – собирание автографов. Собираю автографы уже много лет: их у меня десятки тысяч. В конце прошлого года я подарил нашей национальной библиотеке им. Мартинаса Мажвидаса около тысячи двухсот книг, буклетов, программок с автографами. В одной из книг библиотекарь сосчитал сто шестьдесят автографов. Помимо уже указанных ранее российских социологов в моей коллекции есть автографы Наримана Абдрахмановича Аитова, Игоря Васльевича Бестужева-Лады, Леонида Абрамовича Гордона, Леокадии Михайловны Дробижевой, Игоря Семеновича Кона (помню, как мы ему пели литовские народные песни у меня на даче), Юрия Александровича Левады, Вилена Николаевича Иванова, Самуила Ароновича Кугеля, Валерия Андреевича Мансурова (мы с ним все встречались на мировых социологических конгрессах). Владимира Григорьевича Мордковича (был оппонентом на защите его аспирантки), Ренальда Хикаровича Симоняна (он много лет

изучает страны Балтии, и мы неоднократно встречаемся) и многих других.

Спасибо, Арвидас, за обстоятельный рассказ. Ты тепло отозвался о Шкаратане, но за последние годы – после Конгресса, на котором мы встретились – ушли многие наши учителя, наставники, старшие коллеги. Боюсь, многое из опыта тех лет пропадет навсегда, интереса к советской социологии у молодых нет, отчасти это понятно, фундаментальная тематика, в том числе – история науки, социологии не востребована. Скажи, а в литовских учебниках по социологии отражены разработки того времени? Или новая реальность – политическая, социальная, экономическая, – если не перечеркнула наработанное, в том числе и литовскими социологами, начисто, то просто отвергает тот опыт. Сохранились ли ваши связи с латышскими и эстонскими коллегами, ведь, думаю, проблемы, которые решаются вами и ими, во многом сходны... И здесь же, проводятся ли в Литве многоцелевые мониторинги социальной реальности? Кто вообще выступает заказчиком академической, университетской социологии?

Память штука сложная. Человек предпочитает вспоминать то, что непосредственно связано с ним. Спасибо Борис, что способствовал вернуться к воспоминаниям о моей собственной жизни. А что такое жизнь: прежде всего это те человеческие отношения с людьми, которые окружали и продолжают окружать тебя… Сегодня в Литве из-за коронавируса объявили полный карантин. Солнце светит, как и 32 года назад после Чернобыля, а сфера моего общения ограничена забором моего двора. Хорошо, что двор большой, могу ходить вперед-назад, а рядом все семейство: две дочери, два внука, две внучки, два зятя, три собаки и кот Финдус. Была коммунальная квартира, а за семьдесят лет в доме в центре Вильнюса осталась только моя семья. Капиталист…

Почему это я пишу? Дело в том, что ровно тридцать лет назад мы восстановили свое независимое государство, и ранее чисто символические границы между республиками стали границами с шлагбаумами и пограничниками. У меня не возникает ни малейшего сомнения, что был сделан единственно верный шаг в самосохранении народа. Нужны и барьеры, потому что великодержавные идеи живучи. Но грустно, что для многих память также была разделена границей: все что было – это оккупация, а все новое – это демократия.

Попробуй сказать, что в потребительском обществе демократия одного рода с демагогией, и тебя сразу обзовут советским человеком. Но я имею свое мнение и как социолог просто не могу бездумно хвалить все перемены и охаивать все прошлое. Я прошел, как говорят «огонь и воду» и никогда не чувствовал себя таким свободным человеком, как сейчас. Свободным от догмы я себя чувствовал и в те времена. Разве порядочный социолог – такой, как Владимир Ядов или Юрий Левада мог быть другим? Конечно и я писал, что «XXIV съезд КПСС обязал социологов исследовать проблемы включения молодежи в социальную структуру общества», но никогда не развивал перспективы становления советского народа. Поэтому вспоминать сотрудничество с российскими социологами для меня не ностальгия по советским временам, а радость общения в период нашего самого удивительного времени – молодости и кусочка начала зрелости: в 1990 году мне было 44 года: как в песне: «Как молоды мы были!».

Что теперь можно сказать об этих трех десятилетиях. Как уже писал, основа подготовка социологов была заложена еще в 1989 году, Первый набор был не только в Вильнюсском университете, но и в воссозданном университете Витаутаса Великого в Каунасе. Я преподавал не только в Вильнюсе, но и в Каунасе, где было приглашено много преподавателей с Запада. Так что мы интенсивно осваивали мировой опыт. Напомню, что во времена

хрущевской оттепели так происходило и в СССР. Владимир Ядов, Микк Титма и другие стажировались или были по обмену студентами за рубежом. Во время перестройки социологам хорошо знакомый Теодор Шанин (кстати, он родился в Вильнюсе, а я с сожалением узнал, что он около месяца назад умер) организовал курсы для молодежи в Великобритании. Я сам был в комиссии отбора, а наша Раса Алишаускене отлично использовала эту возможность и установила связь с одной из ветвей организации Гэллапа и до сих пор сотрудничает в проведении исследований общественного мнения, создав бюро «Baltijos tyrimai» (Балтийские исследования). В 1989 г. в нашем институте я также создал центр изучения общественного мнения. Хочу похвалиться, в январе 1990 года мы за неделю провели репрезентативное исследование жителей Литвы о стремлении к независимости, напечатали брошюру и вручили Михаилу Сергеевичу Горбачеву и его команде, когда он приезжал в Вильнюс, пробуя уговорить нас остаться в Союзе. Кстати этот центр до сих пор проводит исследования общественного мнения, так что собран уникальный материал динамики демократизации общества.

Конечно мы не утратили внимания к исследованию важнейших социальных процессов и явлений: стратификации общества, социально-демографических процессов, миграции, самосознания, национальных проблем и других. Продолжается европейский мониторинг изучения ценностей. Но основной бедою для проведения полноценных мониторинговых исследований является упор на финансирование отдельных проектов, а не на долговременные программы. Ведь именно установление динамики социальных процессов и позволяет определить основные тенденции и факторы развития общества. Но самое печальное то, что результаты наших исследований и на их основе подготовленные предложения ничтожно мало становятся обоснованием принятия решений при разработке социальной политики. Внимание большинства наших политиков направленно

лишь на динамику их персональных рейтингов и рейтингов их партий. Кратковременные проекты становятся лишь освоением финансовых ресурсов, а результаты исследований в лучшем случае публикуются в журналах и сборниках. Без них нельзя отчитаться за научную деятельность. Причем в отчетности доминируют количественные показатели: сколько статей написано, сколько обсуждений проведено, «сколько кофе выпито», но само содержание отчета и его результаты мало кого интересуют.

Но возвращаюсь к нашим изменениям. В конце XX и начале XX1 века освоению мирового опыта способствовал фонд Джорджа Сороса: издавалось довольно много переводной социологической литературы. Было издано и несколько наших оригинальных учебников. В 2002 году я сам написал учебник «Социология». Все стремились снять идеологические наслойки псевдосоциалистического прошлого (пишу псевдосоциалистического, потому что даже настоящего социализма, не то что коммунизма бывшая советская империя так и достигла). В Литве советская социология канула в лету. Сработал стереотип: все прошлое было обозначено советской идеологией.

Конечно мое поколение знает, кто был кем в советские времена, но молодежь об этом имеет смутное представление. Большинство хорошо знают английский, а русский – мало кто. Правда в диссертационных работах работы россиян еще упоминаются, но все реже. Вообще забываются и наши разработки: молодежь все более чувствует себя первопроходцами. Все объяснимо: стремительный бег истории и кардинально другая ситуация глобального мира. Хотя все же мы более – менее сумели отразить тенденции уникального времени – трансформации псевдосоциалистического общества в хаос свободного капиталистического мира. Конечно хаос в основном также удалось преодолеть: мы уже живем в качественно новой стране. Самое важное, что уже выросло новое поколение, которое с бывшим строем связано лишь через родителей.

Как я уже писал раньше это не значит, что мы вообще оборвали все связи с бывшими коллегами. Так, например, в редколлегии нашего академического журнала, который включен в престижные информационные базы, «Философия. Социология» есть ученые России и Латвии, а также печатались статьи россиян, украинцев, белорусов, латышей, казахов…Несколько лет назад наш Литовский центр социальных исследований подписал договор научного сотрудничества с Балтийским государственным университетом им Иммануила Канта в Калининграде и с Белорусским государственным университетом в Минске. Правда, со сотрудничеством с российскими коллегами получилась оказия. В Калининграде сменился заведующий кафедрой, с которой мы начали сотрудничать, а контактным лицом стал сотрудник ФСБ России (это установила наша служба безопасности). Видишь какая нам честь: литовской социологией интересуются и спецслужбы России. Конечно, на этом все и закончилось.

В 1990 году в Мадриде на Всемирном социологическом конгрессе мы с Паулем Кенманном «пробили» признание самостоятельных литовской и эстонской социологических сообществ. Но к сожалению стремление к самостоятельности расстроило наши общие организационные связи. Конечно на индивидуальном уровне научные контакты продолжились. Встречались мы и на социологических конгрессах и конференциях, так как интерес, особенно в последнее десятилетие XX века, сразу после восстановления государственности, к нам - Литве, Латвии и Эстонии - был велик. Но мне не терпелось установить более тесные связи. На некоторое время мне это удалось: В 2002 году в Биржайском замке мы провели первые «Балтийские чтения». Социологи Литвы, Латвии и Эстонии всего на этих чтениях участвовали еще пять раз в Риге (2 раза), Таллине, Каунасе и Вильнюсе. Нас, старшее поколение, сменившая молодежь опять предпочла национальные конференции… Нам же опять остались

личные контакты. Так, например, я уже много лет являюсь членом профессорского совета в Даугавпилсском университете в Латвии.

Мне кажется несколько странным, что молодые социологии Литвы предпочитают национальные конференции, а не «Балтийские чтения». Возможно, в их понимании состав такого форума узок? Они хотели бы здесь видеть коллег из Польши и Германии, из скандинавских стран. Допускаю, что и из России?

Ты сформировал вопрос надеясь, что он может вывести на размашистые размышления. Ты попал в точку. Сама сегодняшняя ситуация подталкивает на это. Вчера (21 марта) в Литве зафиксирована первая потеря от коронавируса: умерла бабушка 83 лет. Напомню, что мне теперь 73. Я моложе, но возраст созвучный. А инфицированных уже более сотни. Конечно, в сравнении с китайцами и итальянцами это ничтожные цифры. Но недаром говорят, что личная потеря – это трагедия, а сотни смертей – это статистика. Но солнце светит; мой хозяин – кот Финдус лежит за экраном компьютера, а в наушниках звучит кошачий дуэт Джоакино Россини; и поэтому я не могу быть только пессимистом. Вообще, по-моему, социолог является гибридом пессимиста – оптимиста или оптимиста – пессимиста. Пессимист - так как полученные результаты отражают ситуацию несовершенного мира, а оптимист – так как может быть и наивно надеется, что его исследования для кого-нибуть могут быть полезны. Так и я надеюсь, что мои некоторые рассуждения могут быть для кого-нибудь интересны.

Сперва о моих молодых коллегах. Чтобы получить ответ я, как почетный президент Литовской социологического общества (есть повод и мне похвалиться), обратился к представительнице молодого (правда, уже довольно зрелого – более сорока) поколения – теперешней президентше Милде Алишаускене. Ответ и для меня был несколько неожиданный: желаем хоть раз в году всем нашим социологам собраться вместе. Чтобы не забыть свой родной

литовский язык, доклады читать на литовском. Главное и себя показать, и услышать, что другие делают. Да и темы выбрать, и материалы представить более живо. А то теперь сама организация исследований нас не объединяет, а разделяет: все являются конкурентами в получении финансирования отдельных проектов. Активность участия в международных конференция большущая. Именно они дают большие баллы при оценке научной работы. Баллы приносят и тематические конференции. Кстати, на таких конференциях охотно участвуют и зарубежные коллеги. Специально приглашаем и сами: так у нас побывали несколько президентов всемирной социологической ассоциации? Так, например, в конце 2019 года у нас выступал Майкл Буравой. А национальная конференции – это больше для встреч, для эмоции…

Насколько я понимаю предубеждения для участия на конференциях в Литве у эстонцев и латышей нет. И дело тут не в узости формата бывших Балтийских чтений, а в изменившейся геополитической ситуации. В советские времена само наше положение, да и сама наша история сплачивала Литву, Латвию и Эстонию в одно целое – Прибалтику. Не без основания многие россияне нам завидовали и определяли нас как «советскую заграницу». Многие ехали отдыхать в Юрмалу в Латвии, Палангу в Литве, парились в жарких эстонских банях… Но теперь «советская заграница» распалась: вирус крайнего либерализма определил курс на конкуренцию. Конечно, это не означает, что мы стали чужими. Даже организационно время от времени встречаются наши президенты, премьеры, депутаты парламентов, но мнения не всегда совпадают. Исторически латыши имеют связи и со Швецией, а эстонцы – с Финляндией. Это сказалось и на взаимоотношениях литовских, латышских и эстонских ученых: сотрудничество продолжается на личностном уровне через проекты.

Как уже писал, мои связи как с эстонцами, так и с латышами были очень тесные. Теперь контакты с коллегами к моему сожалению значительно уменьшились, особенно с эстонцами. С Микком они

оборвались фактически с развалом советской империи. В Таллине я также был давно. Марью Лауристин к нам приезжала на празднества сорокалетия нашего института, но и это было еще в 2016 году. Тогда она еще была членом Европарламента. Теперь, насколько я знаю, свои усилия она направила на укрепление социологической школы в Тартуском университете. Именно школы, поэтому в Тарту выросло уже новое поколение высококвалифицированных социологов. Но стремления поддерживать научные связи с литовскими коллегами пока не проглядывается. Еще созваниваюсь с Эллу Саар, но и то эпизодически. В Латвии я бываю чаще. Но активную деятельность из моих давних друзей продолжают лишь единицы. Наиболее активен из них один из ведущих социологов Латвии Талис Тисенкопфс. Продолжает трудиться и мой ровесник профессор Даугавпилсского университета Владимир Меньшиков. Но и он обеспокоен, так как перспектива его университета туманна. В прошлом году в Риге я встречался и с Айваром Табунсом. Он полностью отошел от дел, как и Бригитта Зепа. Возраст делает свое. О новом поколении латышской социологии я знаю мало, но, по мнению Меньшикова, ярких личностей пока не проглядывается…

Как я уже писал контакты с россиянами происходят на личностном уровне. Приведу еще один наглядный пример. На сегодняшний день наиболее яркой фигурой, социологом № 1 в Литве безусловно является действительный член академии наук Литвы, профессор Зенонас Норкус. Коротко о нем: родился в 1958 году в маленьком местечке. Мать – учительница физики и математики, отец – тракторист. В 1976 -1981 - 1984 годах был студентом, а затем аспирантом в Философском факультете Ленинградского университета. В 1984 там же защитил кандидатскую (Философия логики Эдмунда Гуссерля), а в 2002 году – докторскую диссертацию (Макс Вебер и рациональный выбор) в Институте социальных исследований в Литве. С 1988 года Норкус работает в

Вильнюсском университете, с 2002 года профессор, а с 2004 года – продекан философского факультета, с 2018 года – заведующий кафедрой социологии. Его монография о Вебере сперва была издана в Германии и признана одной из лучших работ об этом классике социологии. С 1993 года много раз стажировался в Швейцарии, Германии, Великобритании и США. Основная тематика исследований – сравнительная историческая социология империй, посткоммунистическая социальная трансформация. Его научные труды издаются за рубежом. Зенонас Норкус награжден национальной премией по науке, правительственной наградой – орденом.

Когда я позвонил Зенонасу и спросил о его контактах с россиянами, то он сразу назвал фамилию Резаева – сокурсника по университету и аспирантуре. Интернет помог мне ознакомится и его биографией. Андрей Владимирович Резаев родился в 1959 году в городе Резина Молдавской ССР. С 1976 по 1984 год был студентом, а затем аспирантом философского факультета Ленинградского университета. В 1984 году он защитил диссертацию «Социальное общение и его историческая типология». В 1992 г. Андрей Владимирович поступил в докторантуру Санкт-Петербургского государственного университета, а через год защитил докторскую диссертацию «Социальное общение как объект философской рефлексии». В 1994-1995 годах Резаев проходил стажировку в Бостонском университете. В 2004-2005 учебном году он преподавал в США по программе Фулбрайт. С 1997 года Андрей Владимирович работает профессором факультета социологии СПбГУ. Он является Директором международного Центра сравнительных и институциональных исследований факультета социологии СПбГУ. Научные исследования Андрея Владимировича ориентированы на анализ проблем развития современного капитализма, на изучение проблем философии общения и социологии коммуникации,

философии и социологии образования, философии и социологии политики.

Для чего я все это пишу? Некоторые акценты их биографий для меня являются отправной точкой для более общих рассуждений. В-первую очередь обращает схожесть их жизненных и научных путей. Оба они из глубинки. Оба получили философское образование. Оба стали выпускниками Ленинградского университета, в котором и защитили свои кандидатские диссертации. После крушения советской империи углубляли свои научные знания за рубежом, особенно в США. Оба стали социологами и свои докторские диссертации защитили по социологии. Оба отмечены наградами. Оба стали профессорами и занимаются сравнительными исследованиями современного капитализма. Их научное сотрудничество обосновано и личной дружбой, сложившейся в студенческие годы.

Их научная судьба наглядно показывает произошедшие кардинальные изменения. В закрытом советском пространстве Москва и Ленинград вообще были основными научными центрами, а для социологов – в особенности. И я, и мои литовские коллеги Ромуальдас Григас, Юозас Леонавичюс, Антанас Бальсис и Лайма Кастанаускайте защитили свои докторские диссертации в Москве. В Москве кандидатские диссертации защитили мои коллеги по институту Мейлуте Тальюнайте, Эгле (Ирена) Лаумянскайте, Дануте Турейките, в Ленинграде – Гражина Матулене. Руководителем диссертации Владимира Гайдиса был москвич Владимир Эммануилович Шляпентох. Правда, после отъезда Шляпентоха в США, ему все же пришлось менять руководителя. Естественно, все мы благодарны нашим российским коллегам.

Развал Союза поменял центры притяжения литовских социологов. Насколько я знаю, за эти тридцать лет в Москве свою кандидатскую диссертацию защитил только Альгирдас Монкявичюс, теперешний министр образования, науки и спорта.

Но это было лишь завершение аспирантуры, которая была начата еще в 1988. В 1991 году в Академии общественных наук он защитил диссертацию «Схематизмы сознания: теоретический анализ и операционализация». Не имею данных об учебе литовцев на социологических факультетах российских вузах. Не исключаю возможности таких случаев: выпускники школ с русским языком обучения могли использовать такой путь. Но очевидно, что литовцы предпочли литовские вузы, а некоторые учились за рубежом. Некоторые защитили свои докторские диссертации (у нас упразднена степень кандидата наук) также за рубежом. Некоторые выиграли конкурсы и работают за рубежом. В России из Прибалтики работают лишь единицы и то – коренные русские. Так что вектор притяжения социологов изменился: с востока на запад.

Наконец, о моих размышлениях. Подчеркну – именно размышлениях, а не анализе, основанного на результатах научного исследования. Исхожу из своего жизненного опыта, которого уже накопилось порядочно. Кроме того, бегу от строгой ответственности представления результатов научных исследований. Несколько лукавлю: «что написано пером, того не вырубишь топором», и если что ляпну, то и останется ляпом. Но рассуждать свободнее…

Начну я с размышления об образе «старшего брата». Я рос один (моя сестра умерла во время войны) и завидовал своему лучшему другу Юргису Кадзяускасу (кстати, он также окончил Московский университет и аспирантуру, в которой подготовил кандидатскую диссертацию), который имел старшего брата. Он был довольно много старше нас и был нам настоящим примером. Так что в первую очередь образ старшего брата – это образ советника, хранителя, икона для подражания… Завидую белой завистью даже своему старшему внуку Мантасу (ему 19 лет), когда вижу, какими глазами на него смотрят младшие - брат Каролис (13 лет) и сестра Нора (10 лет). Но есть и другая сторона, другое мнение. С давних

времен некоторые сказки начинаются так: «Жили были три брата: два старших – умных и один младший – дурачок». Но в сказках старшие не вызывают симпатий, а выигрывают «дурачки». Беда старших в том, что они думают, что они все знают, умеют и поэтому их младший брат должен полностью повиноваться. Они уверены, что только они сделают младшего брата счастливым. Но эта «счастливость» горьковатая зависимостью. Человек стремится быть свободным, вольным и самостоятельно распоряжаться своей жизнью. Даже самый отъявленный лентяй желает быть свободным в своей лени.

«Старшие братья» чаще всего наши устремления не воспринимают. Ограничусь лишь несколькими, но наглядными примерами.

Во времена перестройки для демонстрации повышения внимания к «братским» (теперь не буду распространяться, почему пишу в кавычках) республикам нас, несколько социологов – меня из Литвы, Евгения Михайловича Бабосова из Белоруссии, грузинского социолога (запамятовал его фамилию) – включили в состав ВАКа. С 1988 года у нас в Литве поющая революция набирала темпы: все шло к независимости. Естественно, московские коллеги меня расспрашивали о ситуации. Они никак не могли понять наших стремлений. «Чего же вы хотите, мы вам сами все дадим», - утверждали они. Они никак не понимали, что нам ничего не надо давать, мы сами должны и можем всего достичь.

Другой пример связан с взаимоотношениями Польши и Литвы. Польша – старший брат, Литва – младший. Такой стереотип сложился уже с времен создания общего государства, объединившись Великому Княжеству Литовскому с Польским Королевством. Я долго не мог понять, как в те времена сравнительно небольшая Польша смогла подчинить себе огромную литовскую империю, просторы которой простирались от Балтийского до Черного моря. Потом дошло, что княжество не могло присоединить к себе королевство, что определяющую роль

сыграла не величина страны, а степень цивилизационной продвинутости государства. А тогда одним из основных показателей цивилизации было крещение: Польша была признанной католической страной, а Литва в Европе приняла крещение последней.

Когда после окончания первой мировой войны для порабощенных стран создались реальные возможности для воссоздания государственности, Польша даже не сомневалась, что должна возродиться Жечь Посполита – республика двух народов: польского и литовского, которая прекратила свое существований после второго раздела государства в конце 18-того века. Тогда большая часть Жечь Посполиты отошла к России. Естественно, после восстановления государственности роль «старшего брата» должны были продолжать играть поляки. Лишь пробудившееся самосознание литовской интеллигенции сумело создать основу формирования самостоятельной Литовской Республики. Да и то, Польша захватила историческую столицу Великого Княжества Литовского Вильнюс и Вильнюсский край. Горькие осадки последствий живучести стереотипа «старшего брата» продолжают воздействовать на взаимоотношения Литвы и Польши до сих пор. Конечно, новая геополитическая ситуация наших стран все в большей мере способствует для их преодоления.

На основе стереотипа «старшего брата» возникает и другой стереотип – «великодержавность». Особенно это было наглядно в бывшей советской империи, а ядром такого самоопределения была именно Россия. В самом гимне страны первый столбец раскрывает суть:

Союз нерушимый республик свободных
Сплотила навеки Великая Русь.
Да здравствует созданный волей народов
Единый, могучий Советский Союз!

Если более пристально присмотреться к этому тексту, то очевидно, что ни одно слово по своему смыслу не выдержало испытания

временем. Союз не был союзом, не был нерушимым. По истинному смыслу республики не были таковыми. Свободой и не пахло. Даже слово «советский», если исходить из понятия «советоваться», не отражало самого содержания: что-то не припомню, чтобы вообще кто-то позволял советоваться. Сплочения и единства не было и в помине: все, кто успел, при первой возможности разбежались. Тем более на нашей планете утверждать «навеки» вообще утопично: сама земля не вечна. А как быть с Великой Русью?

Как человек иногда хочет бахвалиться, так и странам не чуждо это. Здесь все понятно и в этом нет ничего предосудительного. В названиях некоторых стран оно даже прямиком закодировано, например, Великобритания. А ведь и впрямь исторически совсем недавно она была великой колониальной империей. Бахвалиться можем даже мы – литовцы. Правда, Великое Княжество Литовское было великой державой давно – много столетий назад. Тогда литовская империя «сплотила» обширные российские, белорусские, украинские земли, но, как видим, не навечно. Мы были большими, и это предполагало наше величие. Но всех империй неизбежно ждал конец: они разваливались. Можно прогнозировать, что и теперешние империи (не буду уточнять, кого я называю империями) ждет такой же конец. В значительной мере развал был обусловлен именно великодержавностью, которая никогда не обходилось без крови и завоевания новых территорий, порабощения других народов.

Не исключение и Россия. О ее стремлении к великодержавности через захват новых территорий можно говорить уже со времен правления Ивана Грозного. Кстати территориальные притязания Ивана Грозного проявлялись и в войнах с Великим Княжеством Литовским. В энциклопедиях есть множество подтверждений, что российская империя создавалась путем покорения многих народов. Я потратил уйму времени для их описания, но полностью согласен с твоим, Борис, замечанием, что все это не для жанра интервью.

Кто хочет глубже познакомиться с историей России, то множество научной литературы.

Потребность к великодержавности россиян, по-моему, в какой-то мере является компенсационным приемом преодоления памяти многих веков монгольского ига. А память все-же живуча: такого мата могут позавидовать многие народы. Я имею российский–английский словарь мата: русский мат без конкуренции – „fuck you"- детский лепет по сравнению с русским матом. Мои внуки к моему стыду и несмотря на все мои старания не умеют говорить на русском, но ругаются матом. Конечно, смысла мата они просто не понимают. Русские же смысл понимают, но не вникают. Но память страшного надругательства над русскими матерями проявляется через мат и все еще живо на уровне подсознания. Выражаюсь я не очень научно, но все же надеюсь, что такие мои размышления могут иметь место.

Здесь я вкраплю короткое размышление о понятиях «большинство» и «меньшинство». Они широко используются в исследовании социальных процессов и явлений демократических обществ. Так, например, без понятия «национальное меньшинство» и мы, социологи, не обходимся. Но мне на ум приходят и другие понятия «большевики» и «меньшевики», которые попахивают многими печальными процессами и событиями. Для меня понятие «меньшинство» также ассоциируется как с зависимостью, так и с агрессивным «попечительством». Такое мое мнение не меняется и в отношении «national minority»: во всех обществах проглядывается действие стереотипа «старшего брата». У меня не вызывает сомнения, что мы должны исследовать не «национальные меньшинства», а «национальные общности» и «национальные общины». Нужно стремиться избавится от вируса большевизма, деления на «больших» и «маленьких». Понимаю, что звучит утопично и практически не реализуемо…

А закончу свои разглагольствования удостоверением удивительной способностью интеграции представителей различных наций в политическую и культурную жизнь России. Без них невозможно представить историю Российской, а затем и советской империй. Многие из них стали гордостью России, некоторые позорным бельмом. Приведу несколько примеров. Начну с уже упомянутого Ивана Грозного: по материнской линии у него есть литовской и сербской крови. Второй женой Петра Великого, первого императора Всероссийского, была полька Марта Скавронская, которая после его смерти стала императрицей Екатериной I. Русская императрица немка Екатерина Великая сыграла трагическую роль в истории Литвы. Последний российский царь Николай II был из Гольштейн–Готторп-Романовской династии, а его супруга – немка. Так что исконно русского маловато. Мало просматривается российской крови и у вождя революции Ленина. Конечно, не могу я упомянуть и самого Сталина - Иосифа Виссарионовича Джугашвили.

Если упомянутые правители часто своим правлением приносили много несчастий для России, то писатели, поэты, художники, музыканты, ученые, …, своим трудом делали ее истинно великой. Именно великой, а не великодержавной. Не могу не упомянуть, что у величайшего русского поэта Александра Сергеевича Пушкина прадед по линии матери был африканец Ганнибал, которого, кстати, крестили в Вильнюсе. Прадед по линии матери великого русского композитора Михаила Ивановича Глинки был шляхтичем из рода Глинки.

Множество таких примеров можно привести и в советский период. Так как я – опероман и меломан, то ограничусь лишь певцами и музыкантами, которые относятся к российским артистам. Нашему поколению хорошо известно имя Муслима Магомаева. Я его слушал в нашем оперном театре, когда он с другим прекрасным певцом Георгом Отсом были Яго и Отелло в опере Верди. Народный артист СССР альтист Юрий Абрамович Башмет родился

в Ростове-на-Дону в караимской семье. Хотя отчество может указывать и на еврейские корни.

Именно без евреев нельзя представить развитие как самой России, так и Советского Союза. Правда, сложилось мнение, что еврейских тем не надо касаться, потому что они очень чувствительны. Не одна нация не испытала столько унижений, гонений и истребления. Вообще, мне кажется, что в животном мире страшнее человека нет. Конечно, все построено по пирамиде: один тип животных живет за счет другого, но ни один из их, кроме человека, не уничтожает сородичей сознательно. Вся история человечества – это история сознательного истребления людей. Но об этом люди не хотят вспоминать. Хотя подсознательно убийство нас привлекает: наше поколение зачитывалось детективами Агаты Кристи, а теперешнюю молодежь привлекают изощренные убийцы в романах Ю. Несбё, которых долговато ловит экс алкоголик Харри Холе. Так что мы также подсознательные убийцы. Конечно, здесь я специально заговариваюсь и утрирую. Дело в том, что для меня Холокост - явление не отвлеченное: в середине июля 1941 года молодые соседские парни убили моих бабушку (67 дет) и дедушку (66 лет) и свалили в общую яму вместе с десятками расстрелянных евреев. Так что, по-моему, Холокост неотъемлемо включается в непрерывный процесс истребления человека человеком.

Но здесь прервусь – наверно новости об потерях от коронавируса меня «заносят» к таким рассуждениям: сегодня – 27 марта 2020 года число умерших от этого вируса в мире превысило 21 тысячу. Солнце светит, а на экране телевизора гляжу на колонну военных грузовиков, везущих покойников для кремации… Так что и мне надо скорее завершать мой затянувшийся ответ на твое замечание. Вклад евреев в российскую культуру (культура в широком смысле слова) огромен. Во всех областях можно упоминать множество фамилий, но я ограничусь лишь несколькими, которые связаны с Литвой. Красавица актриса Элина Авраамовна Быстрицкая несколько лет работала в Вильнюсском русском драматическом

театре. Я восхищаюсь творчеством писателя Григория Кановича: никто так живо не описал жизнь канувшего в небытие литовского еврейства. В Большом театре втридорога удалось купить билет на премьеру балета «Анна Каренина» Родиона Щедрина с блистательной Майей Михайловной Плисецкой. С этой замечательной парой мне пришлось общаться неоднократно. Имею немало их автографов. В Литве вторая религия – баскетбол. Тренер сборной СССР по баскетболу был легендарный Александр Яковлевич Гомельский. Это под его руководством наши звезды Арвидас Сабонис, Шарунас Марчюленис, Римас Куртинайтис и Вальдемарас Хомичюс стали олимпийскими чемпионами в Сеуле. Для меня навсегда остались в памяти дружеские встречи с Фридрихом Рафаиловичем Филипповым и Овсеем Ирмовичем Шкаратаном.

Арвидас, представим, что тебе в условиях коронавируса, что на 100% верно, дана возможность онлайного выступления перед российскими социологами по теме: «Состояние и развитие социологии в Литве: 1990-е – начало XXI века». Конечно, можешь уточнить заголовок, но, надеюсь, суть ясна. Что удалось сделать литовским социологам в последние три десятилетия, когда Литва стала независимым государством? Мне кажется, здесь все будет интересно: смена парадигматики, изменение тематики, новые институции и лица, наиболее серьезные книги, в том числе – учебники, и т.д. Да, сложно, но кто, если не ты? Попробуем...

Спасибо Борис, сама природа, да и само приостановившееся человечество подталкивает на размышления и взгляд как в прошлое, так и осмысление сегодняшнего дня с шаткой надеждой на светлое (хотя точнее, на любое) будущее. Теперь постараюсь ответить на Твой трудный вопрос. Трудный, потому, что это значит, что надо написать историю социологии в Литве после восстановления государственности в 1990 году. Понятно, что это задача не на несколько дней, а на месяцы. Но понятно, что я такого

времени не имею, так как интервью должно родиться вовремя. Так что с такой оговоркой о невозможности всеобъемности я и начинаю. Конечно очевидно, что каждый летописец писал свою историю, так и я напишу квинтэссенцию моей. Надеюсь, что имею на это право, так как был активным участником социологической деятельности.

Очень кратко напомню, что происходило в Литве в переходный период от псевдосоциализма в капитализм. Мы восстановили государственность 11 марта 1990 года. Специально подчеркиваю – восстановили государственность, а не стали независимыми, то есть нам не разрешили быть независимыми, а мы сами этого добились. Это пишу для того, чтобы мог бы пояснить, почему мы принимали те или другие решения. Тем более, что не только в науке, но и в особенности в политике и экономике мы должны были преодолеть большие испытания: экономическую блокаду, 13 января 1991 года кровавую попытку свергнуть всенародно избранную власть, затянувшееся международное признание нашей государственности, которое произошло только после провала путча в Москве в августе 1991 года. Становление нового государственного устройства и формирование новых социальных отношений шло в жестких условиях дикого капитализма. Переломными событиями в развитии государства стали вступления Литвы в Европейский Союз и НАТО в 2004 году. За тридцать лет выросло и созрело новое поколение населения Литвы, родившееся уже в независимом государстве. Сформировалось и новое поколение социологов. Все это сказалось и на развитии социологии в Литве и на формировании направлений наших социологических исследований.

В первую очередь мы занялись теми темами, которые были особенно чувствительные и актуальные. В советское время национального самосознания мы сознательно не исследовали: зачем впустую тратить время на идеологический конструкт - формирование советского человека. Но как в переходный период

от псевдосоциализма в капитализм не исследовать самосознание: кто мы такие?

Такой вопрос стоял и начале XX века, когда рушилась российская империя и возникла надежда создания независимой Литвы, а не воссоздания Жечи Посполитой к которой стремился Юзеф Пильсудский и другие польские деятели. Конечно, в конце XX века была совсем другая ситуация и полная победа нашего народного фронта – Саюдиса давала надежду, что возврата к старому не будет. Народ не стал советским, но менталитет приспособленца остался. Помимо того на людей обрушились все трудности переходного периода и все надежды, что мы сразу станем свободными и заживем припеваючи в демократическом обществе, быстро прошли. Нужны были десятилетия формирования новых социальных отношений и нового самосознания свободного человека. Уже выросло новое поколение, которое уже не имеет ничего общего со бывшим «советским» народом. Но нельзя забыть, что мы очень быстро переняли все черты потребительского общества. Таким образом само трудное и противоречивое время дало нам возможность исследовать формирование новых социальных отношений, самосознания, образа жизни. Здесь я хочу отметить работы уже не раз мною упомянутого Ромаса Григаса и других моих коллег, в первую очередь Евгению Крукаускене, Инию Тринкунене. Они не остепенились, не пошли по карьерной лестнице, но зафиксировали важные черты формирования литовского самосознания. Не могу не упомянуть и Ирену Шутинене, которая исследует социальную память и культурные травмы. Кстати в советское время она сама испытала тяготы преследования КГБ, была исключена из аспирантуры и также не имела возможности защитить диссертацию. Много потрудился и социальный антрополог (по моему мнению, социология и социальная антропология – близнецы братья) Витис Чюбринскас и его команда, который исследует самосознание литовских эмигрантов.

В советское время мы сознательно не исследовали межнациональные отношения и национальные общины (опять напомню, что мне общепринятый термин национальных меньшинств вообще не приемлем), чтобы не искажать действительность и не профанировать науку. В советской Литве этим занимались лишь несколько представителей научного коммунизма. После восстановления государственности проблемы национальных общин стали актуальны, в особенности для русских. Ведь они утратили статус «старшего брата». Кстати в то напряженное время становления государств в наших Балтийских странах лишь Литва приняла мудрое решение: все жители Литвы могли стать гражданами. В исследованиях русской общины наработка социологов велика. Особенно хочу выделить сотрудницу нашего института Наталию Касаткину. Именно она сформировала коллектив молодых социологов, которые сфокусировали свои усилия на изучение этнических общин. Литва как, кстати, и Армения в основном мононациональная страна, но как польская, так и русская общины исторически имеют глубокие корни. В вильнюсском крае (исключая сам Вильнюс) поляки до сих пор составляют большинство населения. На уровне самоуправлений польская партия (у нас есть и такая) имеет большинство. Часть населения края определяют себя «тутошными», т.е. тут живущими. Так что исследования польской общины и других жителей края особенно важны во всех отношениях. Русская община Литвы в основном состоит из двух частей: небольшая часть живущих рядом с Даугавпилским районом в Латвии – потомками старообрядцев, бежавших из-за гонений из России несколько веков назад. Другая часть – русские прибывшие в Литву после войны для реализации сталинского плана решения национального вопроса. Некоторая их часть (теперь совсем маленькая) до сих пор не освоила литовского языка. Молодое поколение хорошо говорит на литовском. Таким образом наглядно, что русская община и как объект исследования, и как

действующий субъект – явление сложное. Так что исследования Наталии Касаткиной, Тадаса Леончикаса, Андрюса Марцинкявичюса и др. были и своевременные, и актуальные. Исследования продолжаются и теперь под руководством Марцинкевичюса. Но приходится довольствоваться кратковременными проектами. В самом расцвете творческой деятельности умерла Наталья Касаткина. Талантливый ее ученик Тадас Леончикас пропал в бюрократических структурах Европейского Союза.

Другим направлением исследований стала социальная структура общества. Старая модель двух дружеских классов рабочих - колхозного крестьянства и слоя интеллигенция канула в лету, как и сам строй. Конечно, я тут иронизирую, так-как и в советские времена мы так упрощенно не рассматривали сложные переплетения социальной принадлежности.

Теоретические основы исследования социальной структуры в Литве закладывал Альгимантас Валантеюс. Его я могу вообще выделить как наиболее яркого литовского теоретика. Его книги «Понятие социальной структуры: от макро до микромоделей» (2007), «Критический дискурс. Между позитивизмом и постмодернизмом» (2004), «История социологии: теоретические идеи, проблемы и понятия» (2007) являются одними из самых значимых теоретических трудов литовской социологии. Много лет он отдал для сочинения «Феноменологической социологии». Валантеюс надеялся, что именно эта книга станет основным делом всего его творчества, но не стала… Не стала, так как вообще не была завершена. Испепеляющий труд привел к инфаркту. Альгимантасу было всего 58 лет…

Научным наставником Валантеюса был виднейший литовский социолог Витаутас Каволис, профессор многих университетов в США. С 1992 года он был частым гостем в Литве, читал лекции в университетах Вильнюса, Каунаса и Клайпеды. Мировое

признание получили его работы по культурной глобализации и глобальному цивилизационному дискурсу.

Я уже познакомил читателя и с другим ярким литовским социологом, известным веберистом Зенонасом Норкусом, но не могу не упомянуть его трудов по междисциплинарному исследованию современного литовского общества и прогностических моделей его развития: «Какова демократия, каков капитализм» (2008), «Два двадцатилетия независимости» (2014). Процесс формирования современного общества изучает и профессор Вилюс Леонавичюс.

Теоретические модели стратификации общества переходного периода строила Мейлуте Тальюнайте. Теперь, когда и ее интенсивная научная деятельность также идет к завершению, она сосредоточила внимание на положении среднего класса. Моя докторантка Ирмина Матоните, уже профессор, изучает политическую элиту. Кстати, она год стажировалась у самого Пьера Бурдье. Другой полюс – бедных, нищих, заключенных – исследовала моя другая коллега Анеле Восилюте. Ее также уже нет… Уровень социального неравенства в Литве и разрыв между самыми богатыми и самыми бедным – один из самых больших в Европе.

Одними из самых успешных исследователей в Литве являются наши демографы. Социальные демографы – также близнецы братья социологов, хотя «мать» литовских демографов Влада Станкунене постоянно сражалась с нашими научными бюрократами, чтобы демография в классификации наук была бы выделена отдельной строчкой. Тем более, что труды литовских демографов были признаны и в мировом сообществе. В Литве Станкунене и ее команда – Аушра Маслаускайте, Сармите Микуленене и Айва Ясиленене – получили национальную премию по науке. Кстати Айва вместе с мужем, другим нашим коллегой Домантасом Ясиленисом (он изучает смертность) уже много лет

являются научными сотрудниками Института демографии им. Макса Планка в Ростоке (Германия).

И социологи (Аудроне Сипавичене, Каролис Жибас), и демографы исследуют и миграционные процессы. Вступление в Евросоюз и открытие границ привело к огромной волне эмиграции из Литвы. Если по результатам переписей в 1989 году в Литве проживало 3,690 миллионов, в 2001 году – 3,460, в 2011 году – 3,054, то на начало 2020 года подсчитывается 2,794 миллионов жителей. Таким образом все результаты исследований, к сожалению, приводят к печальным прогнозам: литовское общество стареет, рождаемость уменьшается, разрыв между продолжительностью жизни женщин и мужчин не сокращается, эмиграционные потоки продолжаются, так что Литва в конце XXI может остаться лишь географическим названием. Конечно, тут я специально несколько утрирую, но негативные тенденции и впрямь налицо. Теперь вообще трудно что-либо прогнозировать, так как теперешняя пандемия коронавируса существенно изменит и уже меняет все социальные процессы в глобальном масштабе.

Конечно за эти три десятилетия независимости литовские социологи исследовали и другие сферы социальной жизни и явлений. Кратко познакомлю с ведущими социологами: Влада Станкунене, Альгимантас Митрикас, Ирена Юзелюнене – исследования семьи; Сармите Микуленене – проблемы старости; Артурас Терешкинас – социология тела, сексуальность (национальная премия); Алина Жвинклене, Иоланта Рейнгардене, Вида Канопене – пол, феминизм; Вилюс Леонавичюс, Юрате Балтрушайтите – социология здоровья; Леонардас Ринкявичюс, Аудроне Телешене – охрана окружающей среды; Юргис Ванагас, Лютаурас Краняускас – социология города; Арунас Повилюнас – сельские общины; Сигита Краняускене – социальная память, Клайпедский край; Алина Савицка, Альгимантас Митрикас – ценности; Альгис Гайжутис – социология искусства; Александр Добрынин, Лютаурас Краняускас – девиация; Ромас Лазутка,

Лайма Жалимене – социальное обеспечение; Иоланта Айдукайте – общество благосостояния; Милда Алишаускене – социология религии; Альгис Крупавичюс, Айне Рамонайте – социология политики; Анеле Восилюте, Антанас Чюжас, Лютаурас Краняускас – история литовской социологии. Конечно, всех не перечислишь, тем более что выросло новое поколение.

Литва может порадоваться и исследованиями общественного мнения. Интерес к ним достаточно велик. Жители Литвы особенно интересуются рейтингами как политиков, партий, различных институций, так и товаров в сфере потребления. Особенно интерес к рейтингам политиков и партиям возникает перед выборами. Центры изучения общественного мнения имеют большой опыт: первые были созданы еще в 1989 году в Институте философии, социологии и права и в Вильнюсском университете. Естественно скоро они стали независимыми, чтобы не возникало проблем достоверности данных из-за влияния государственных институций: с 1993 года это «Вилморус» и с 1992 года - «Балтийские исследования». Центр «Балтийские исследования» является членом «империи» Гэллапа и проводит исследования не только в Литве. С самого начала центром «Вилморус» руководит Владас Гайдис, а «Балтийскими исследованиями» - Раса Алишаускене. Такое постоянство дает возможность для мониторинговых исследований и определения динамики политических и социальных процессов. Так что накоплен уникальный материал всего тридцатилетнего периода жизни Литвы. Активны и другие центры общественного мнения. Кроме того, именно эти центры являются основными работодателями для профессиональных социологов, так как университеты и научные учреждения в меньшей мере имеют возможность предоставить для них работу по специальности.

Коротко об учебных и научных учреждениях, в которых заимствована социология. Как я уже писал, готовить профессиональных социологов начали еще в 1989 году в

Вильнюсском университете и Университете Витаутаса Великого в Каунасе. Интерес к новому предмету расширил круг высших школ. Социология как специальность преподавалась в Каунасском технологическом, Клайпедском университетах, в Университете им. Миколаса Ромериса, Литовском университете эдукологии. Были изданы оригинальные учебники для вузов: Леонавичюс В., Норкус З., Терешкинас А. Социологические теории (2005), Социология (2005). Но со временем интерес спал и теперь профессиональных социологов готовят лишь там, где все начиналось: в Вильнюсе и Каунасе. Это не значит, что подготовка велась не на должном уровне. Дело в том, что должностей социологов как таковых практически нет. В средней школе социология также не преподается. Жители социологию больше воспринимают лишь как исследования общественного мнения. Таким образом, специальность психолога является более понятной и привлекательной, хотя подготовка социологов дает большие возможности применения. Но такая ситуация не только у нас. Кстати, часть наших социологов получили специальность или, по крайней мере, стажировались не в Литве, а за рубежом. Так, стажировки проходили в Варшаве и Будапеште в университетах, фундируемых Джорджем Соросом.

Не могу не упомянуть и издание социологических журналов. С 1990 года Литовская Академия наук издает научный журнал «Философия. Социология». Подготовка социологических номеров курируется Литовским центром социальных наук. С 2004 года я являюсь председателем редакционной коллегии, а ответственным секретарем – Мейлуте Тальюнайте. Альгимантас Валантеюс был инициатором журнала «Социология. Мысль и действие». После его кончины ответственным редактором стал Лютаурас Краняускас из Клайпедского университета. Кроме этого университета издателями также являются Вильнюсский университет и Литовское социологическое общество. Оба журнала включены в престижные

информационные базы. Социологи имеют возможность печататься и в других журналах социальных наук.

Немного о подготовке социологов в докторантуре. С восстановлением государственности начался переход в новую систему научных степеней и званий. Сразу отказались степени кандидата наук, но все же оставив два уровня: доктора наук и габилитированного доктора. Потом была приостановлена защита габилитированного доктора. Некоторое время проводился своеобразный «эрзац»: по совокупности работ происходил габилитационный процесс. После его успешного прохождения создавалась возможность претендовать на должность профессора или ассоциированного профессора. Но эти звания относились лишь к конкретному университету. Через некоторого времени степень габилитированного доктора вообще была упразднена. Значительно было сокращено и число докторских комитетов, которые имеют возможность организации докторантуры обсуждений подготовки диссертаций, назначения советов по защитам и самого процесса защиты. Функции контроля возложены на Ученый совет Литвы. Но он не может отменить решения о присуждении степени доктора наук, что в советские времена делал ВАК. При нарушении правил защиты Ученый совет может прекратить деятельность докторского комитета. На данный момент (2020 год) в Литве действуют лишь два докторских комитета по социологии: в Вильнюсском университете и в «трехглавом» - Каунасского технологического университета, Литовского центра социальных исследований и Университета Витаутаса Великого. Причем докторантура есть в каждом из указанных учреждений. При успешной защите присуждается степень доктора социальных наук с указанием специализации по социологии. Так что в Литве нет докторов социологии, как и докторов экономики, психологии или права. Все они доктора социальных наук. Кстати, в советские времена я также был доктором философских наук, а не доктором социологии.

Здесь я хочу побахвалиться: мы победили пандемию и карантин! 9 апреля докторскую диссертацию по вопросам потребительского общества успешно защитил мой бывший студент Андрюс Сегаловичюс. «Умный в гору не пойдет, умный гору обойдет!» - все участники были у себя дома, а при помощи интернета полнокровная дискуссия шла более двух часов. Единственное неудобство – не мог пожать руку и чокнуться бокалом шампанского.

Несколько штрихов и моей деятельности в независимой Литве и некоторые оценки.

Много времени занимали организационные вопросы, ведь практически все эти три десятилетия в сфере науки идет непрерывная реорганизация. Если Институт философии, социологии и права был в системе четырнадцати академических институтов Академии наук Литовской ССР, то в Литовской Республике он стал научным исследовательским институтом, учредителем которого было министерство образования. Таких институтов стало более сорока, так как в одном «котле» оказались и академические, и бывшие отраслевые институты. Возникли проблемы создания общей системы показателей научной работы, согласования оценок как фундаментальных, так и прикладных исследований. Кстати повторюсь, по моему мнению, эта система далека до совершенства, так-как и теперь доминирует количественный подход оценки научных исследований.

Претерпевал изменения и наш институт. В 2002 году было проведено разделение гуманитарных и социальных наук и созданы два института: Институт социальных наук и Институт культуры, философии и искусства. В 2010 году Институт социальных наук был объединен с отраслевым институтом Труда и социальных исследований и стал Литовским центром социальных исследований. Теперь в центре действуют пять институтов: Социологии, Этнических исследований, Общественной географии и демографии, Социального благосостояния, Исследования рынка

труда. Но реформирование продолжается: правительство приняло решение о создании Литовского центра социальных наук, в который помимо нас объединял бы еще Институт права и отраслевой Институт аграрной экономики. Объявлен переходный период, но началась пандемия коронаровируса. Все приостановилось. Много лет в этом калейдоскопе реформ я старался сохранить ядро социологов, так как нестабильность способствовала переходу перспективных исследователей в университет. С 1989 года я много раз переизбирался директором, причем избирали коллеги ученые. Теперь директор «избирается» пятеркой (от института – один представитель) в министерстве просвещения, науки и спорта.

В Академии наук остались лишь персональные члены, и то были планы ее упразднить как советский реликт. Я стал членом экспертом Академии наук еще в 1991 году. Тогда были три категории членов: эксперты, корреспонденты и действительные члены. Причем эксперты избирались на четырехгодичный срок. Я был избран действительным членом в 2011 году, так что мне пришлось пройти много конкурсов. За это время была упразднена ступень члена корреспондента, так что мне так и не довелось побывать «членом с палочкой», как шуточно обзывали этих академиков. Но через год, если не одолеет коронавирус, получу новый статус: академика - эмеритуса. Именно достигшие 75 лет члены академии утрачивают право участия в выборах новых академиков. Такое изменение статута академии было принято не так давно, но было необходимо, так как академия все более дряхлела. Ситуация значительно улучшилась. Кроме того, при Академии создана Молодая академия, в которую избираются молодые ученые – будущая база для Академии наук. Так что Академия выжила и готова все более выполнять свою основную функцию – быть научными экспертами и советниками в различных сферах. Теперь в Академии создана специальная комиссия по борьбе с коронавирусом.

Но еще коротко вернусь в 1991 год. Тогда формирование науки было поручено вновь созданному Научному совету Литвы. По моему мнению, было создано придаточное бюрократическое учреждение, но именно оно исполняет основную функцию распределения финансирования научных исследований. Таким образом министерство оставило для себя лишь функцию финансирования самих научных учреждений (зарплаты, коммунальных затрат и т.п.). Совет финансирует лишь сравнительно кратковременные проекты. Конкурсы бывают довольно большие: финансирование получает лишь около десятой доли соискателей. Так что мы полностью включились в либеральный мир жесткой конкуренции. Но все более наглядно, что такая организация научной деятельности приводит к большим потерям в научном познании социального мира. Как бы не была бы привлекательна актуальность какой - либо сиюминутной проблемы, большинство социальных процессов и явлений требуют постоянных долговременных мониторинговых исследований. Социально демографические, миграционные исследования просто не могут быть ограничены одним срезом. Даже теперешняя коронавирусная пандемия и надвигающийся экономический кризис буквально требует именно мониторингого исследования. Как мы много потеряли, что в такой уникальный период развития человеческого общества – переход из псевдосоциалистического общества в капиталистическое – мы не имели возможности проводить всеобъемлющих – во всей Европе - мониторинговых исследований процесса трансформации. Какой уникальный материал был бы, например, для изучения самосознания, миграционных процессов…! Даже некоторые попытки проведения долговременных совместных исследований, например, европейская программа изучения ценностей, подтверждают значимость такого общего подхода.

Все же и мне удалось участвовать в долгосрочных сравнительных исследованиях. Все началось именно тридцать лет назад, когда с

распадом Советского Союза наши молодежные исследования фактически закончились. Через Микка Титму я всегда имел тесные исследования с польскими социологами, в первую очередь с Владиславом Адамским и Кристофом Загурским. Около сорока лет назад мы проводили исследования студенчества, вместе издавали книги. С интересом читал социологический журнал «Сизифус», в котором и сам печатался. Поэтому, когда получил предложение от другого польского социолога Кристофа Островского, я сразу его принял. Кристоф сам стал участником исследования местного самоуправления, начатого много лет назад в США. Исследования процессов демократизации общества на местном уровне охватили несколько десятков стран. Естественно нам это было как раз вовремя, потому что для населения особенно важно то, что непосредственно связано с удовлетворением их потребностей на месте жительства. С другой стороны, в программе исследования был заложен блок вопросов о восприятии работников местного самоуправления глобальных процессов и явлений, например, охраны окружающей среды, нарушения прав человека и т.п. Сочетание решения глобальных и локальных проблем, восприятие базовых демократических ценностей было особенно важно в тогда переживаем нами периоде формирования основ государственности в независимой Литве. Для меня участие в этой программе дало многое: продолжение проведения мониторинговых исследований и накопления ценных данных переходного периода; сравнения данных с результатами коллег по программе; обсуждение хода исследований в различных странах (в Польше, США, Италии и у нас – в Паланге); подготовке и печатании совместных публикаций; чтение докладов на всемирных социологических конгрессах (наша российская коллега Наталья Великая продолжает деятельность рабочей группы 01 «Социология локально-глобальных отношений» ISA). Мои докторанты Сваене Микене и Римас Рауляцкас на этом материале подготовили и успешно защитили диссертации. Кстати наша общая статья напечатана в журнале

«Социологические исследования», а Жан Тощенко также был членом нашей международной команды. Жаль, что отсутствие финансирования прервало мое участие в этих во всех отношениях важных и перспективных исследованиях.

Интересно было участвовать и в другом международном проекте Европейского союза «ENRI-East – Взаимодействие европейской, национальной и региональной идентичности. Нации между государствами вдоль новых границ Европейского союза». Координационный центр исследования был в Вене. В 2008-2011 годах помимо Литвы исследования были проведены в России, Белоруссии, Украине, Латвии, Польше, Венгрии, Словакии и в Германии. В 2014 году в журнале «Мир России» я с моей докторанткой Моникой Фреюте-Ракаускене опубликовали статью «Идентичность русской этнической группы и ее выражение в Литве и Латвии. Сравнительный анализ».

Я уже упомянул имя не одного своего докторанта. Хочу похвалиться: всего я был руководителем или консультантом тридцати докторантов. Ирмина Матоните и Аушра Маслаускайте уже профессора. Аушра получила национальную премию. Арунас Юшка – профессор университета Южной Каролины в США. Был председателем или членом многих советов защиты диссертаций. Сорок лет преподавал различные курсы по социологии во многих вузах Литвы в Вильнюсе, Каунасе и Клайпеде. Так что первые поколения дипломированных социологов Литвы являются моими воспитанниками. Так как не похвастаться!

Как я уже писал, себя я больше отношу к организаторам науки: именно организаторская деятельность занимала множество времени и усилий. Но хочу представить несколько содержательных аспектов моих научных исследований.

Основной тематикой для меня была социальная структура общества. По моему мнению социальная структура исследуется недостаточно всеобъемлюще, не уделяя достаточного внимания некоторым важным направлениям исследования. Поэтому

необходимо не ограничится лишь некоторыми традиционными направлениями исследования – социально классовому, социально институциональному, социально демографическому – а структурировать общество и по классовому, государственному, территориальному, отраслевому и профессиональному срезам. Базовым объектом исследований является классовая структура. Определяющим признаком дифференциации и ранжирования общества является показатель мощи (power). Имеются в виду не только экономические связи (имущественная и финансовая мощь), но и политическая, идеологическая, военная, преступная мощи. Немалое влияние имеет творческая и духовная мощи. Нельзя и не отметить роль здоровья и физической мощи. В трудовой деятельности большую роль играет роль профессиональной и квалификационной мощи.

По признаку мощи выделяю четыре класса: класс мощи, класс специалистов, класс порубежья, класс неимущих. Класс мощи конструирую на основе нескольких основных типах мощи: богатство (состояние, имущество); финансовая мощь, политическая мощь; военная мощь; идеологическая мощь; преступная мощь; мощь культуры, творчества; духовная мощь.

XXI век – век четвертой индустриальной революции, обусловленной непосредственным внедрением научных исследований во все сферы общественной жизни. Интернет, компьютеризация, новые каналы коммуникации, роботизация, принципиально новые технологии (нанотехнологии, биотехнологии и др.), новые материалы и др. в корне меняют само общество, общественные связи и требуют совсем другого уровня квалификации работников. Именно их я и выделяю как класс специалистов. Их социальный портрет имеет ярко выраженные особенности, основанные на высоком уровне образования, квалификации, творческих интересов, отличительном образе жизни. Высокий уровень благосостояния позволяет реализацию их жизненных потребностей. Именно класс специалистов

способствует как развитию общества, так и стабильности общества. Вместе с тем класс специалистов зависим от класса мощи. «Музыку заказывают» не они, а класс мощи.

К классу порубежья я отношу малоквалифицированных и неквалифицированных работников и всех других членов общества, которые как - то «сводят концы с концами». Почему я их выделяю как класс порубежья? Потому что этот класс находится между специалистами и неимущими. Это класс «выживающих».

К этому классу неимущих я отношу людей, которые живут за чертой бедности. Это бездомные; инвалиды, люди, подверженные болезням; пенсионеры, выживающие при помощи благотворительности и др. К этому классу я отношу и безработных, которые довольствуются пособиями и не ищут работы. Это люди «списанные» обществом или которые сами себя «списали».

Для дифференциации общества по классам необходимо исследовать на трех уровнях: макро, мезо и микро. Нужно использовать статистические данные различных уровней. Основная трудность: степень обобщенности и валидность данных. Классовый срез дает возможность охватить всех жителей: как работающих, так и неработающих. Можно судить и о мигрантах.

Исследование классовой структуры дает возможность как определить степень поляризации общества, так и выявить положение и роль класса специалистов. Все это может быть использовано для обоснования формирования социальной политики.

Обычно социально классовая структура описывается дифференциацией людей по различным классам начиная от высшего, кончая низшим. Число классов обычно варьирует от трех до двенадцати. Дифференциация производится на основе статистических данных, нередко с доминированием экономического подхода. Я предлагаю иной подход: конструировать принадлежность к классу на основе

самоопределения. На основе репрезентативного количественного исследования просить респондента отнести себя к определенному классу: высшему, выше среднего, среднему, ниже среднего, низшему. Такое субъективное самоопределение дает возможность определить потенциальную «живучесть» общества. Естественно, людям присуще преувеличивать свое социальное положение. Но, смотря с другой стороны, большое число причисливших себя к низшему или ниже среднему классам дает возможность судить, что данное общество приближается к опасной черте дестабилизации.

Теперь государства являются объектом исследования политологов или социологов, занимающихся политикой. По моему мнению, государства также важны для исследования социальной структуры. Казалось бы, что в теперешнем мире структура государств более – менее устоялась, но это далеко не так. В самой Европе есть немало неопределенностей. Пример тому так называемые Донецкая и Луганская республики. Не ясна и судьба Крыма. На территории Грузии есть так называемые республики Абхазии и Южной Осетии. Совсем не ясны статусы Приднестровья и Карабаха. Северная часть Кипра занята Турцией. Далеко не все признали независимость Косова. Каталония требует выхода из состава Испании, а Гибралтар не желает стать частью Испании. До сих пор Ирландия разделена на Южную и Северную Ирландию. Шотландия организовала референдум отделения от Великобритании. Гренландия все более отдаляется от Дании. Это нерешенные вопросы только в Европе. Всего же в мире есть около 200 государств. Кроме них есть 13 непризнанных государственных образований и 49 территорий с различной степенью принадлежности к другим государствам: от автономии до полной подчиненности. Так что очевидно, что этот срез исследования социальной структуры не теряет актуальности.

Исследование структуры социальных институтов в государстве прежде всего важно в организационном плане. В зависимости от множества различных факторов структура социальных институтов

в различных странах может значительно различаться. Во-первых, она зависит от типа государства: монархия, республика, конфедерация, федерация. Во-вторых, она зависит и от типа правления: парламентская республика, президентская республика и т.д. Влияет и величина государства, и национальный состав населения, и профиль государства, даже и природные богатства. Одним нужны министерства нефтепереработки, другим – министерства туризма. В условиях возникновения пандемий может потребуются и министерства вирусологии? Естественно, необходимы исследования и взаимодействия социальных институтов.

Исследование отраслевой и профессиональной структуры в первую очередь важно из-за того, что социальный статус индивида устанавливается прежде всего по его профессиональной принадлежности. Многие исследования показывают, что представители различных отраслей довольно существенно различаются друг от друга. Например, во многих странах особенно велик престиж врачей и юристов. Правда привлекательность и престиж профессий значительно меняется. Например, в Литве существенно понизились привлекательность и престиж профессии учителя, что теперь является важной проблемой для общества. Кроме того, четвертая индустриальная революция значительно изменит отраслевую и профессиональную структуру, что еще усугубит проблемы системы образования и самого государства.

С другой стороны, чтобы видеть общий вид социальной структуры общества необходимо коррелировать структурные части, которые были выделены в различных срезах.

Понимаю, что это довольно пространное включение моего подхода к исследованию социальной структуры выпадает из общего характера твоего, Борис, интервью, но может читатель все же стерпит мою «ученость»?

Ps.

Быстро летит время. Сегодня уже 31 мая. В мире коронавирусом заразилось 6,15 миллионов людей. Печально «лидируют» США, Бразилия и Россия. Умерло около 370 тысяч людей. Потери в Литве:70 умерших, 1675 заболевших, из них 360 продолжают болеть, а 389 пребывают в самоизоляции. Как бы ситуация не такая уж плохая по сравнению с другими странами. Но повторюсь: для близких умерших это невосполнимая потеря. Карантин в Литве идет к завершению. Снова работают кафе, возвращается футбол, зритель опять будет приглашен на концерты. Конечно, со всеми требованиями предосторожности и ограничениями. Я сам уже побывал в Паланге: надо и моему поколению учиться полнокровнее жить в новых условиях. Все это послесловие к моему интервью, которое уже завершилось в апреле. Ты, Борис, подготовил введение, сделал технический ввод в общую систему интервью с коллегами и прислал мне для окончательного просмотра. Я все опять внимательно прочитал и удивился сам себе, что, увлекшись своими пространными размышлениями, совсем упустил из виду особенно важный факт моей биографии: с 1993 по 1998 гг. я был советником президента Литовской Республики Альгирдаса Миколаса Бразаускаса. Это были напряженные годы становления нового полнокровного независимого государства. Пришлось формировать и саму президентскую институцию. Моя сфера работы охватывала просвещение, культуру, науку и религию, так что было непосредственно связано как с моей научной деятельностью, так и с моими увлечениями (кроме религии). Кстати, и в то время я продолжал проводить исследования, а президент впрямь интересовался их результатами. Могу похвастаться и некоторыми решениями, которым я способствовал.

В первую очередь, это определение места Дворца президента Литвы. Дело в том, что сперва президентура ютилась в здании парламента, что во всех отношениях не соответствовало ее статусу. Теперь дворец президента Литвы находится в самом центре

Вильнюса, рядом с университетом в историческом здании. Во-вторых, я помог достроить здание книгохранилища Института литовского языка. В-третьих, мне удалось предохранить снос начатого реконструировать здания моей школы в старом городе Вильнюса, когда хапуги стремились захватить территорию для строительства гостинницы. Напомню, что все это происходило в условиях проявления дикого капитализма. Конечно, основная моя работа как советника заключалась в общении с учителями, учеными, творческими работниками, духовными лицами и реферирование президенту о насущных проблемах и возможных путях их решения. Кстати, я сразу убедился, что политика «дело темное». Явно просматривались личностные и групповые интересы, а не стремление к решению проблемы. Особенно ситуация усложнилась, когда выборы в сейм (парламент) выиграли консерваторы, которые полностью игнорировали все инициативы левого президента. Таким образом мне стало ясно, что быть политиком или чиновником мне не по душе. Сразу после работы в президентуре я возвратился в сферу науки: выиграл конкурс в выборах директора Института культуры и искусства, а через четыре года от социологии культуры опять вернулся к исследованиям стратификации общества. Так что, Борис, извини меня за забывчивость и это дополнение. Опять в Вильнюсе несмотря на коронавирус и карантин солнце светит. Мир меняется, но жизнь продолжается!

В.Гавел, А.-М.Бразаускас,
А.Матулионис, 1996.

А.Матулионис,
Ж.Т.Тощенко, К.Исаев,
К.Островский
на социологическом
конгресс в Брисбене, 2002.

А.Матулионис,
Г.Погосян,
Армения, 2010.

А.Матулионис, Р .Григас, 2017.

В.Ядов, О.Шкаратан, Б.Грушин, М.Титма, А.Матулионис с М.Коном и другими американскими коллегами в США, 1988.

Дискуссия в Литовской Академии Наук, 2019.

З.Норкус, А.Терешкинас, В.Мяркис, А.Матулионис, Л.Ринкявичюс, на конференции социологов Литвы, 2011.

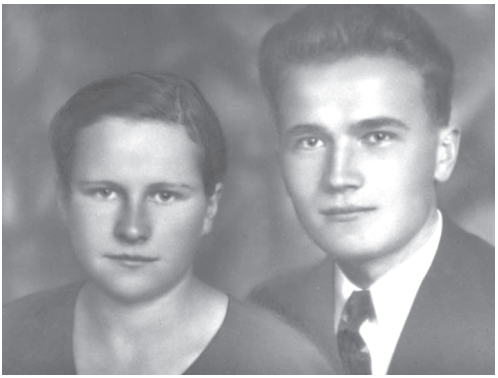
Б.Докторов, А.Матулионис, Москва, 2008.

А.Матулионис,
О.Шкаратан,
Г.Погосян,
Москва, 2008.

Р.Тамошюнене, А.Матулионис, А.Мацайтис и
В.Статулявичюс на первом съезде Саюдиса, 1988.

Закончивший каденцию А.Матулионис поздравляет
нового директора института М.Тальюнайте, 2012.

Ж.Тощенко,
А.Матулионис
на семинаре
исследователей
демократии в Гетеборге,
2010.



Родители: мать Казимера Матулионене (1911-2007),
отец Альгирдас Матулионис (1911-1980), фото 1930-ых годов.

Я с женой Аудрой,
внуком Мантасом
поздравляем
внучку Угне
с 10-и летием,
2020.

Глава 3. Моя жизнь: 53 года в России и уже 8000 дней в Америке

(Интервью Елены Рождественской с Борисом Докторовым)

Я сердечно благодарен доктору социологических наук Елене Рождественской за внимание и терпение, которые она проявила беседуя со мною о прожитом.

Моя жизнь: 53 года в России

10. ***Шел в математику, а пришел в социологию***

Борис, я знаю, что и до этого интервью ты делился воспоминаниями о своей жизни. Не мог ты рассказать о своем опыте биографического повествования и попытаться сказать, поможет ли он тебе в нашей беседе или, наоборот, осложнит твою участь?

Действительно, такой опыт у меня есть. Сначала расскажу о нем, возможно, сказанное поможет мне понять роль этого опыта в нашем деле. Первое интервью у меня брала Наталия Яковлевна Мазлумянова, это было в 2005 году, тогда я лишь начинал мой историко-биографический проект, и наша с Наташей беседа (тогда мы еще не были знакомы лично) помогла мне понять, что значит рассказывать о себе. Думаю, это уберегло меня от совсем уж грубых ошибок в общении с респондентами. Тогда же я смог понять, кто же я; я назвал себя российским социологом, живущим в Америке [1]. Время показало, что это самая верная самоидентификация.

Через год интервью у меня брал Борис Максимович Фирсов, с ним мы – на тот момент – не просто были знакомы свыше трех десятилетий, но нас связывали самые искренние, дружеские чувства. Многое обо мне он сам мог рассказать, но он нашел ряд новых поворотов в нашей беседе, что помогло нам избежать пересказа первого интервью. Благодаря вопросам Фирсова, я смог четко сформулировать свою позицию в социологии: «Мне

наиболее интересны методы познания и сам исследователь...» [2]. Прошло много лет, и сейчас я могу сказать это с еще большим основанием.

Затем, в 2008 году, состоялась обширная «Беседа через Океан» с Владимиром Александровичем Ядовым; он просил меня раскрыть основные черты моего метода интервью и описать первые шаги собственно исторического поиска. Недавно я перечитывал содержание нашего разговора и обнаружил, что многое из обсужденного в нем нашло отражение в моей последующей работе. Добавлю, в то время, по-видимому, благодаря сотрудничеству с Викторией Семеновой, Ядов осваивал методологию биографического метода, так что и в этом плане, наша беседа оказалась интересной.

Есть еще два обстоятельных биографических эссе. Одно было написано в 2010 году для сборника воспоминаний выпускников математико-механического ф-та ЛГУ, оно называется: «Так случилось или так должно было случится» [3]. Я попытался проследить, как выпускник этого факультета, никогда не думавший об изучении общества, оказался в социологии и задержался в ней. Другое - «Шесть тысяч дней другой жизни» [4] – о первых 16 годах жизни в Америке. Мое вживание было очень сложным, драматическим, но я постарался честно все описать.

Таким образом, можно сказать, что, к моему удивлению, траектория моей жизни достаточно описана, конечно и здесь я постараюсь указать важнейшее в прошлом, но одновременно мне хотелось бы найти способ соединения в нечто цельное того, что происходило в разные периоды моей жизни.

Так случилось, что уже свыше 30 лет я веду «вахтенный журнал», в нем – главное из моей повседневности. Никаких рефлексий, лишь события. А когда в конце апреля 1994 года мы приехали в Америку, я записал дату и заметил - «Первый день в Америке». С тех пор в вахтенном журнале я пишу дату и номер дня американской жизни. Поэтому иногда я буду отмечать, какие

события произошли в тот или иной день моего американского бытия.

В нашей беседе мне хотелось бы увязать хронологическое со, скажем, предметным. Знаешь, Лена, в последние несколько лет я разрабатываю «биографическое» начало в творчестве социологов. Все знают, что творчество поэтов, композиторов, художников – биографично... а как в нашем цехе? У нас тоже биографично, но в чем, как это проявляется? Попробую проверить на себе...

Откуда ты такой, как ты себя сделал, что переживал, кто твои близкие, учителя, книги, какое детство тебе досталось? Расскажи о своих временах и событиях.

Я думаю, что мои родители очень любили друг друга, но были они совсем разными.

Отец – Докторов Зусман Львович (1904-1948) – из небольшого украинско-еврейского местечка – Ромны, допускаю, что из патриархальной еврейской семьи. Его отец работал в лавке, мать воспитывала детей. В моем понимании, мой отец крепко разошелся со своим отцом и в ранней молодости ушел из семьи. Во всяком случае, лишь в конце 60-х я узнал о том, что мой дед жил долго, и в принципе у меня была возможность познакомиться с ним. Отец закончил в Ленинграде Академию художеств, был живописцем, но как и что в его жизни происходило далее, я не знаю - не спрашивал у мамы. Он был членом партии, перед финской войной был редактором Ленинградского отделения издательства «Искусство», у нас дома было много художественных открыток, которые он выпускал. Как политработник он участвовал в финской войне и ВОВ. Недавно в Петербурге вышла книга о художниках, участвовавших в войне, ее составители нашли меня и вместе мы сделали небольшой текст о нем. После войны он все время болел, отправили его в санаторий в Майори, под Ригой. Там он умер и похоронен в Риге, в семье не было денег на организацию похорон в Ленинграде. Так получилось, что я рос в среде художников и слышал много добрых слов об отце. А однажды, не помню почему,

приехал я в пансионат старых большевиков под Ленинградом, и представили меня – Докторов Борис. Один человек спросил: «Вашего отца звали Зусман?», услышав мое «да», он поклонился мне и сказал, что мой отец в конце 30-х спас его от лагерей. Как такое не запомнить...

По рассказам мамы, отец был человеком суховатым, мало разговорчивым. Мама была совсем другой: открытой, веселой, легкой, абсолютно аполитичной, точнее - внеполитичной. Родом она была из Екатеринослава, но росла в Харькове, который всегда вспоминала с любовью. Ее отец, мой дед, похоже, до революции был бухгалтером, человеком состоятельным, помогал родне. Сочувствовал, как многие еврейские интеллигенты той поры, меньшевикам. Революция все изменила в той семье, можно понять, что дед недолго был в заключении, а потом продолжал работать в разных мелких конторах. Каким-то образом он смог найти нас в Новосибирске, где мы были в эвакуации, и после смерти отца мы жили одной семьей. Мама – Пушинская Александра Сауловна (1907-1967) кончала школу в годы, когда система образования постоянно менялась, и потом она всегда с юмором вспоминала то время. Не знаю, почему, но она приехала в Ленинград и закончила то, что теперь называется Университетом культуры. Преподаватели там были первоклассные, к примеру: Юрий Тынянов, Иван Иванович Соллертинский. Встретилась с моим будущем отцом и зажили они весело и беззаботно. Как тогда было модно, брак зарегистрировали лишь перед рождением детей.

Мы с сестрой – Ольгой – родились 6 июня 1941 года, за несколько дней до войны. Отца сразу призвали, но он – все же номенклатура – как-то устроил, что одним из последних поездов мы уехали из города. Мама легко относилась к жизни, собрала старую одежду и хотела с этим багажом ехать, думала – ненадолго. Но одна мудрая женщина притормозила это решение, заставила все вынуть из чемоданов и положить лучшее. В Новосибирске мама ходила по

окрестным деревням и продавала вещи. Так и жили... так жили многие, кому было что продавать.

Именно 9 мая 1945 г. вы вернулись в Ленинград, отец к тому времени получил две, по тем временам, отличные комнаты в отремонтированной после бомбежки коммунальной квартире в чудесном уголке города. Недалеко от Таврического сада, Смольного, Невы; чудо, но наш огромный дореволюционный дом растянут вдоль улицы, всегда сохранявшей свое имя, – Мариинский проезд. Это все определило навсегда мою любовь к истории и культуре города. Тогда еще с улицы можно было услышать: «точу ножи, ножницы», из-за Невы, с Охты приезжала молочница и ходила по лестницам с бидоном молока, банками сметаны и творогом. Когда приходила мамина еще довоенная приятельница Соня Юнович (известная театральная художница Софья Марковна Юнович), мама посылала меня в магазин и просила купить у «тети Тамары» четвертинку водки; тетя Тамара продавала, но всегда предупреждала: «Я у мамы узнаю». А если я поздно возвращался домой (уже в студенческую пору), надо было пойти к дворничихе и просить ее открыть парадную дверь.

Еще до войны мама начала работать в библиотеке Академии Художеств; огромное хранилище книг по искусству «всех времен и народов». Она знала прекрасно и любила свое дело. Но в начале 1950-х, в годы борьбы с «безродными космополитами», ее уволили; уволили и все, никто тогда ничего не объяснял. И осталась она одна без работы и с двумя детьми. Помыкалась, но друзья отца ее не бросили, она начала работать в уникальной Театральной библиотеке, которая располагалась в центре города, за ныне Александринским театром. Мама была единственным работником отдела, в котором хранились книги по искусству; главными ее читателями были театральные и кино- художники, режиссеры. Не начну перечислять тех, кто к ней постоянно приходил и о ком она нам дома рассказывала. Но все же: великий актер Николай Симонов, театральный художник Симон

Вирсаладзе, молодые художники: Эдуард Кочергин (БДТ), Исаак Каплан и Белла Маневич («Дама с собачкой», «Дорогой мой человек», «Дело Румянцева», «Шинель»), молодой Георгий Товстоногов... Обстановка в этом помещении была супердемократичной: вдоль стен – стеллажи с часто востребуемыми иллюстративными журналами, а в центре – большой квадратный стол, за которым одновременно сидели и мэтры, и будущие мэтры. Конечно, велась общая беседа. Я часто слушал все это, мое присутствие не мешало этим раскованным людям, а мне было полезно.

Одним из явных «плюсов» нашей с сестрой жизни была возможность частого посещения драматических театров. Балет мне не нравился, а опера – вообще отсутствовала в моем театральном мире. Разве мог я предположить, что через много лет стану социологом (такого слова никто не знал) и в течение десятилетия с группой «Социология и театр» буду изучать драматический театр Ленинграда?

В 1948 году умер отец, и мама не отдала нас в школу, надо было разобраться с тем, как жить дальше. Так что в школу я пошел в 8 лет, однако я не был там единственным «переростком». Война все смешала, школа была мужской, отношения между ребятами – дружественными, но без сюсюканий. Со мною учились ребята, пережившие блокаду, бывшие в оккупации, многие жили в детских домах, были контуженные, инвалиды. В дверях стоял швейцар, очень расшалившихся он растаскивал, часто выводил из школы. Никакой школьной формы не существовало, ходили в том, что у кого было, и никто на одежду не обращал внимания.

Но с шестого класса обучение мальчиков и девочек стало совместным, меня перевели в бывшую женскую школу, и до окончания школы я учился в одном классе с сестрой. Бывало, учительница откроет журнал и этак с оттяжечкой начинает говорить: «К доске пойдет Д-о-к-т-о-р-о-в...-а». В моей душе: «Пронесло!», у сестры: «Опять ему повезло». Или наоборот...

Учился я ровно, как правило, «на пятерки». Но школа не была для меня больше, чем место обучения, вступив в комсомол, я был достаточно активен, избирался, но не видел в этом большой радости и не испытывал гордости. В старших классах я часто вынужден был пропускать занятия из-за болезни матери. Домашние уроки я делал, и сестра относила сделанное в школу. Безусловно, маме было приятно, что на родительских собраниях ее детей не ругали, но все же не скажу, что она «управляла» процессом нашего обучения. Точнее сказать - она верила нам. Не помню я и никаких бесед дома о политике. Запомнились лишь вечера, когда в преддверии очередного снижения цен, которые проводились Сталиным, начиная с 1949 года, мы сидели и записывали что и насколько подешевеет и прикидывали что можно будет купить. И помню, как ночью мама разбудила нас и в слезах повторяла: «Сталин умер... как же жить будем». Я по этому поводу ничего думать не мог, мне еще не исполнилось 12 лет, но саму ту ночь и пионерскую «линейку» в школе помню..

Интересы сестры довольно рано определились: искусство, история искусства. Книги были дома, были в Театральной библиотеке. На всяких математиках-физиках-химиях «она поставила крест», свои тройки-четверки имела, по русскому и истории – всегда отлично. Я ходил в лучших учениках класса, но стабильные четверки по русскому и химии не позволяли мне надеяться на медаль, школа меня не «тянула», мама - «не пилила», я – не стремился. Помимо школы был спорт; спортивная школа находилась во дворе; сменил многие секции: бег, бокс баскетбол. Кто-то рассказал мне о гантелях, купил, «качался», тогда и этого слова не было, и тяги к этому не было. Но мне нравилось.

В принципе, то была обычная районная школа, профессиональные учителя, но не более. Класс сложился очень дружным, оставшиеся в живых до сих пор с обираются. Жива наша классная руководительница – Екатерина Петровна Афанасьева, она приходит на эти посиделки. А я стараюсь звонить ей домой, или

туда, где народ собрался. Классная руководительница как-то рассказала мне историю, которую я, естественно, не помнил. Поехали мы зимой классом в Центральный парк культуры и отдыха, а там - «американские горки». По современным понятиям – очень так-себе, но тогда это было «круто». Забралась она наверх, а страшно садиться в сани. Я и говорю: «Екатерина Петровна, садитесь за мной, держитесь за меня и ничего не бойтесь!». Казалось бы, пустяк, а она всю жизнь помнит...

Был еще один важный момент детства: летние и зимние каникулы; здесь есть две темы. Первая: лагерь Союза художников. Отца помнили, и мы с сестрой имели право отдыхать там летом и зимой бесплатно. Было это в Комарово («На недельку до второго...»), прекрасное место на Финском заливе, с добротной кормежкой. Отдыхали вместе с нами из года в год в основном одни и те же ребята, так что не надо было каждый раз знакомиться, притираться. Да и родители детей (в основном – вдовы художников) в целом знали друг друга. Обстановка в этом лагере была семейная. Моими добрыми приятелями были Саша Прошкин (теперь – известный кинорежиссер Александр Прошкин) и Свет (Светозар) Остров – ставший одним из признанных российских иллюстраторов детских книг. Помню Аркашу (Аркадия) Натаревича – он сделал много для развития в Петербурге, стране искусства цветных витражей. Там многие ребята учились в СХШ (средней художественной, в фольклоре – «хулиганской», школе) при Академии художеств и стали заметными специалистами. Это, естественно, не означает, что мы были примерными пионерами, но все же откровенного хулиганства за нами не водилось, да и нередко наши разговоры были «за искусство».

И вторая составляющая моего летнего времени. По-видимому в 1949 или 1950 году, когда мы уже не ходили в детский сад и не выезжали с ним летом на дачу, одна знакомая посоветовала маме поехать с нами в деревню Новинка; и ездил я в эту деревню все годы обучения в школе. Она стала мне родным домом; поскольку

хозяйку звали Федосья Макарова, то для многих я был Борькой Макаровым. Безусловно, я знал всех, и меня знали все. Я умел делать все, лишь не косил; хозяйка боялась, что останусь «без ног». Довольно быстро научился ориентироваться в лесу и уходил надолго один. Поначалу мама боялась меня отпускать, говорила, что там никого нет. Ей Федосья популярно объяснила, что это хорошо, когда никого нет, хуже когда есть. На практике изучил некоторые механизмы советской экономической системы. Магазины были на станции, в четырех километрах. Когда я немного окреп, мне пошили заплечный мешок, и я с ним стал ходить за хлебом, сахаром и другими продуктами в станционные магазины. Очереди за хлебом были многочасовые. Окрепнув физически, я уже приходил на станцию к поезду, которым привозили хлеб; клали мне на спину мешок с крупой или ставили на плечо ящик хлеба, и я тащил все это в магазин; не очень далеко, но все же... приносил, шел снова и снова, пока несколько баб помоложе и я (мужиков там не было) не перемещали все от поезда до магазина. В награду – я все покупал без очереди, плюс – краткосрочный почет и уважение.

В деревне я узнал все церковные праздники: Петр и Павел, Казанская Божья матерь, Ильин день и другие. Понял их смысл. Церкви в деревне не было, но праздники чтили.

Мы и сами были бедными, но деревенская бедность была запредельной, нищета. И люди – без паспортов. Мечта парней – армия и город или ремесленное училище, армия и город. Все мужики, а было-то их раз-два и обчелся, после работы поддатые, не совсем бухие, но мало что понимающие. А как не пить? Денег у народа нет... тракторист дрова привезет из лесу, участок вспашет, какой-либо мужик крышу залатает, забор поднимет, печку сложит... чем платить? Брагой и обедом... кто заранее готовился, бутылку «белого» (водки) хранил - это был царский подарок...

Но Новинка не только помогла мне освоить целый пласт советской жизни и увидеть то, что я потом читал в книгах Виктора

Астафьева, Василия Белова, Валентина Распутина и других «деревенщиков». В начале 1950-х я обнаружил, возможно, она была и раньше, на станции небольшую библиотеку. Были там учебники, разные книги для механизаторов, детские книги и – непонятно каким образом залетевшее туда – собрание сочинений Бальзака. И я начал читать том за томом... думал, просто интересно, а оказалось, что много больше. Уже недавно, размышляя о том, какие писатели оказали на меня наиболее сильное влияние, я выделил и Бальзака. Мне сложно сказать, как все прочитанное у Бальзака за последующие годы преломилось, какими ассоциациями обросло, но мне представляется, что мой человекоцентричный подход к истории социологии отчасти навеян «Человеческой комедией» Бальзака. В его романах герои появляются, иногда совсем ненадолго, исчезают, а потом появляются вновь и становятся заметными фигурами повествования. Так и в моем историческом поиске – я имею в виду сейчас работу по истории изучения общественного мнения в США. Ведь все начиналось с изучения биографии одного человека – Джорджа Гэллапа - и постепенно я встречал разные фамилии, которые поначалу мне ничего не говорили, но через какое-то время люди с этими фамилиями становились героями моих историко-социологических статей. Так складывались книги, в которых действует множество бизнесменов, копирайтеров, исследователей рынка и полстеров, а в итоге – просматривается, как из «ничего» возникла философия и технология изучения общественного мнения. И все это – через биографии. Если добавить, что первыми самостоятельно прочитанными словами были два слова на обложке книги, которую держал в руках мой отец, - «Оноре Бальзак», то выстраивается нечто очень биографичное, даже несколько мифическое.

Действительно, цепь неслучайных случайностей. Тебе не кажется, Борис, что наверняка в сельской библиотеке были и другие достойные книги, но глаз выхватил те, что

ассоциативно связаны с отцом, ушедшим так рано. Это похоже на диалог с ним? Попытку узнать его через книги? Ты что-то можешь рассказать о военном периоде жизни отца, может быть, по воспоминаниям матери? Драматичная и его смерть вдали от дома. Как вы проживали-переживали свою «безотцовщину»? Может быть, кто-то из мужчин родственного круга заместил отца?

Вопрос – очень теплый, неожиданный, спасибо, Лена. Он – неожиданный прежде всего потому, что я в этой плоскости не рассуждал ни тогда, ни уже во взрослые годы. По-видимому, так было в силу двух причин. Первая, вообще мало у кого были отцы, среди большого количества моих друзей и подруг считанное число имели отцов. У большинства – не вернулись с фронта, в отдельных случаях вернулись с фронта, но ушли в другие семьи, где были – нередко крепко пили. Вторая причина, за то время, пока мой отец был жив, я – скорее всего – не успел привыкнуть к нему. Если он работал, то возвращался домой поздно. Но последнюю пару лет он тяжело болел сердцем, я помню запах лекарств, кислородные подушки.

Насколько я понимаю сейчас, мама его всегда помнила...

Я не знаю, где и в каком статусе он служил в годы ВОВ. В период «малой», или «зимней», войны, я имею в виду Финскую кампанию он, скорее всего, служил во фронтовой газете. У нас дома хранились выпуски фронтовых изданий, в которых рождался Вася Теркин. Тогда о нем писал не только Твардовский. Во время ВОВ, могу допустить, что отец был отозван в Ленинград сразу после снятия блокады. Во всяком случае, уже, наверное, в 1947 году под его редакцией вышла уникальная книга о летчиках ленинградского фронта, большого размера, с большим числом фотографий и рисунков, в специальной коробке. Когда редакторы выше названной книги о художниках города в годы войны работали над ней, я описал книгу, и они ее нашли в Российской национальной библиотеке. Тираж книги был, по-моему, 100 экз. За эту работу,

невиданное дело, отец был награжден боевым Орденом Красной Звезды. И помню, как однажды вечером к нам пришли двое военных и вручили отцу этот орден.

Поскольку я не ощущал «безотцовщины» как утраты, потери, постольку у меня не было потребности в диалоге с ним. Возможно, я взялся за Бальзака лишь потому, что с детства знал это имя. А может и просто «игра случая».

Никто из мужчин родственного круга не заменял отца. После войны контуженным в звании сержанта вернулся с фронта родной брат матери; пожил он у нас пару месяцев и пропал на несколько лет. Я уже классе в пятом-шестом учился, когда он вдруг появился, у него была семья, но пил он, как и большинство фронтовиков. Надо отдать должное, родной брат отца Докторов Израиль Львович (1902 – 1983) регулярно переводил из Москвы небольшие деньги, они нам очень были нужны. О влиянии родных матери я специально расскажу ниже; оно оказалось глубоким и ощущается и по сей день...

Борис, поскольку вначале ты описал несколько вариантов твоего личного интервью с разными важными для тебя персонажами, возникает большой соблазн увязывать эти линии рассказа, но это другие тексты. И для глаза собирательного читателя – разрозненные. Поэтому давай все же ухватимся за нить Ариадны и будем следовать ожидаемому для читателя способу рассказывания – последовательному повествованию. А затем попытаемся связать нити воедино, насколько возможно. В нашем с тобой пространстве разговора уже наметился очень интересный лейтмотив «Человеческой комедии», памятуя о любимом твоем Бальзаке. Ты легко оперируешь большим количеством вовлекаемых в рассказ людей и связей между ними.

И мой следующий вопрос – о твоих школьных дружбах, твоих друзьях –конфидентах, твоих недругах и ссорах, если были, каков был предмет твоих приязней и неприязней. Кто из

учителей тебе запомнился, а кто оставил след жизненными уроками?

Пожалуй, весь школьный период жизни прошел очень ровно, это касается всего: отношения к предметам, учителям, ситуациям, товарищам по классу. Не было любимых и нелюбимых предметов, никого не считал Учителем, не ссорился до драк, но и ко мне не было претензий. У преподавателей, скорее всего, потому что по всем предметам я успешно учился, однако никто из них не был «мой». С товарищами, отчасти из-за несклочного характера, отчасти – по причине хорошего физического развития, это в ребячьей среде весьма ценится. Помню, лишь раз сорвался, в классе 7-8-м; но первым ударом выбил товарищу зуб, так что на следующей перемене снова был мир-дружба.

Меня не оставляет мысль о женской судьбе твоей матери? была ли возможность для нее устроить свою жизнь? Как ты к этому относился?

Такой темы в нашей семье не было, мама умерла, когда мне было 25, так что с ней я эту тему не успел обсудить. Уже взрослым я размышлял о ее женской судьбе, конечно, очень трудная, но, с другой стороны, война лишила миллионы женщин личной жизни. Во-первых, думаю, она любила отца, и в первые годы после его смерти, тем более – с двумя детьми, одно время – без работы и не думала о мужчинах, замужестве. Еще один фактор – она нас поздно родила, в 34 года, когда скончался отец, ей было чуть за сорок. Это в наше время городская интеллигентная женщина в 40-45-50 сохраняет свою привлекательность и строит свою личную жизнь. Но в острое послевоенное время больше думали о том, как дожить до зарплаты, во что одеть детей, как купить и привезти на зиму дрова, у нас долго было печное отопление и не было газа. И, конечно, она любила нас. Я не знаю, знала ли об этом сестра, ее не стало два года назад, но одна родственная и очень близкая нам семья хотела ее удочерить. Мама не согласилась...

В какой момент к тебе пришло осознание своей этничности? Это было семейной культурой? тебе об этом напомнили? Какие истории у тебя связаны в юности с этим сюжетом? Как бы ты описал идентичность советских евреев в те времена? Какую роль сыграло в этом процессе построения себя знакомство с Холокостом и репрессиями у нас в стране? Какие траектории друзей-знакомых-родственников описывались в семье и с каким смыслом?

Лена, думаю, что ты с трудом поверишь, однако именно так было... не помню года, но – конец 1980-х, я жил и работал в Ленинграде и одновременно работал в только что созданном ВЦИОМе. Как-то рассматривал в секторе Юрия Александровича Левады какие-то новые книги, и увидел на обложке одной из них слово Холокост (не помню, по-русски или по-английски). Я попросил Леваду объяснить смысл этого слова... конечно, я с ранней молодости знал о задумке Сталина загнать евреев «подальше», об убийстве Михоэлса и о многом другом, о Бабьем Яре и Освенциме, но слово «Холокост» не было мне знакомо. Почему так вышло? Явно не оттого, что у меня были закрыты глаза на элементы государственного или бытового антисемитизма. Но, по-видимому, в системе моих ценностей вопрос этничности никогда не стоял в верхних этажах моей ценностной пирамиды.

Почему это так произошло? Ответ прост: тип домашнего воспитания, мама фактически не обсуждала еврейской темы с нами. Во-первых, по-моему, она не представляла для нее особого интереса. Во-вторых, не исключаю, она берегла нас от многого, чтобы мы по детской наивности не очень болтали. В нашей семье не отмечались никакие еврейские праздники, иногда лишь мама готовила фаршированную рыбу и пекла по еврейским рецептам печенье. Не из религиозных соображений, но поскольку это вкусно. Мой дедушка похоронен на русском кладбище, и когда мы навещали его могилу, мама заходила в церковь, ставила свечку и нередко крестилась. Мы повзрослели, и наша семья стала

наполовину русской; я имею ввиду мою жену и мужа сестры. И мама это приняла без каких-либо вопросов.

Лена, ты спрашиваешь об описании траекторий жизни друзей-знакомых-родственников. Сегодня мне кажется, что мама вычеркнула из своей жизни многое, как российские эмигранты, приехавшие в Америку в очень взрослом, пожилом возрасте. Не забыли, но отправили в самые глубины сознания: «только для себя». Кто этого не смог или не захотел сделать, тот мучается прошлым ежедневно, все время вспоминает «то время». Она говорила, что в предвоенные годы дома отец всегда держал близко чемоданчик с вещами первой необходимости, ведь в их социальной страте подчищали подчистую. Пронесло. Многие попали под каток борьбы с космополитизмом, маму он лишь краем задел. Горько было все это помнить, вспоминать, рассказывать нам.

Первая послевоенная волна еврейской эмиграции никак нас задела; уезжали «цеховики», «торговля», «ремесленники». Мы были далеки от этих страт.

Вопрос, наверное, самый важный, - самоопределения, образа профессии, баланса иллюзий и возможностей. Кто, помимо тебя, участвовал в этом процессе? Какое поле ситуаций и случайностей окружало решение о том, что делать после школы? Ты рассказал о разговорах в библиотеке, когда ты присутствовал в кругу весьма именитых и умных людей из мира театра. Вероятно, были и другие...

Те умные разговоры были для души, для общего развития, самоопределение же строилось иначе... и самое главное оно оказало влияние не на выбор профессии, а на очерчивание всего исследовательского пространства. Постараюсь это расписать.

Если коротко, то – поступил я в Ленинградский государственный университет, и последующие восемь с половиной лет учился там, сначала был студентом, затем – аспирантом. Но и сейчас для меня остается не до конца понятным, почему я решил поступать на

математико-механический факультет. Сестра двигалась в естественном для моей семьи движении – она поступила на вечернее отделение искусствоведческого факультета Академии художеств и училась там с интересом.

Одно время я думал, что выбор математики в качестве профессии стал продолжением интереса к решению и составлению разного рода головоломок, публиковавшихся в пионерских газетах. Но сейчас мне представляется, что мотивация и сам выбор имели иную природу. Допускаю, что послевоенный двор, очень интересный элемент культуры, и занятия спортом формировали во мне определенные маскулинные установки и я считал историю, литературу, изучение языков, искусство и биологию областями женской деятельности. Книги по философии мне не попадались, да что-то я и не помню, чтобы когда-либо задумывался об устройстве мира и общества. Оказалось так, что два моих школьных приятеля решили поступать в университет, один – на физический, другой – на химический факультеты. Физику я чувствовал хуже, чем мой друг, химию я просто не любил, оставалась математика. Сейчас я знаю, что даже в те годы во Дворце пионеров, в Домах пионеров были математические кружки с очень сильными преподавателями, но тогда я об этом не знал. Интерес к математике у меня несколько окреп, когда я, прочитав ряд популярных книг, связал именно с математикой развитие кибернетики, теорию автоматов. Решил, поступлю на матмех и стану заниматься кибернетикой.

Конечно, это все схематичное восстановление хода моих рассуждений, но – думаю – нечто подобное и было. Оказалось, что соседка по лестнице училась на этом факультете, избрав в качестве специализации одно из направлений механики, после двух-трех бесед с ней я «понял», что и меня увлекает механика. Я уже не помню, как я обосновал для мамы мое желание поступать на матмех, скорее всего, она просто сказала, раз хочешь, то поступай. Она в этих материях знала не больше меня.

Теперь дело оставалось за малым: подготовиться к вступительным экзаменам; выпускные в школе меня не волновали. Та же соседка порекомендовала мне известный задачник П.С. Моденова, возможно, она же и дала мне его. И я принялся решать, все было «задвинуто», помощи ждать было неоткуда. Я сразу понял, что мало знаю и привык копаться с задачами пока не найду решение. Постепенно открывались различные приемы, накапливался опыт. Кончилось все тем, что я с первого захода поступил на матмех.

Но еще в ходе выпускных экзаменов в школе в моей жизни произошло то, что во многом определило все последующее развитие моих научных интересов. Стояли жаркие дни, и я часто брал учебники и ехал купаться. Дорога на трамвае занимала около часа в одну сторону, так что можно было многое прочесть. Чтобы как-то прожить, мама сдавала одну из наших комнат студенткам, и в то время к одной из них приехал из Москвы ее друг, будущий муж, его звали Евгений Гамалей. Он только-только закончил физический факультет МГУ, делать ему было нечего, и он согласился поехать со мной покупаться. Конечно, для школьника, завершающего 10-й класс и задумавшего стать математиком, человек, закончивший физический факультет МГУ, был суперавторитетен. Наверное, я рассказал ему о своих планах, наверное расспрашивал его о чем-то. Но разговор как-то развернулся и Женя рассказал мне о двух книгах, причем все так изложил, что я, скорее всего, мало поняв, заинтересовался рассказанным. Одна из этих книг называется «Что такое жизнь с точки зрения физики», ее автор – Нобелевский лауреат Эрвин Шредингер. Название второй книги - «Эварист Галуа. Избранник богов». Она была написана физиком Леопольдом Инфельдом в конце 1930-х работавшим в Принстоне у Альберта Эйнштейна.

Поступив в университет я нашел эти книги и начал их читать. Этот процесс занял несколько лет, ибо они были очень непростыми. «Что такое жизнь...» - физико-математическое введение в генетику, так что понимание книги требовало знакомства с основами

молекулярной физики и математической статистики. Вторая книга – рассказ о гениальном французском математике Эвариста Галуа, застреленном на дуэли в 20 лет. В нескольких работах ему удалось решить ряд крупных проблем и заложить основы «теории групп» - одного из фундаментов современной алгебры. К тому же, это эффективный метод ядерной физики. Конечно, для Евгения было естественным все это рассказать мне, но что меня в этом заинтересовало? Скорее всего, тот факт, что математика – это не просто задачки, которые мы решали на уроках, а наука, позволяющая понять законы мира.

Работа Шредингера познакомила меня с генетикой, которая после 1948 года и до середины 1960-х годов была запрещенной в СССР наукой. Позже я стал систематически изучать некоторые разделы биологии, что в конечном счете привело меня к математической статистике и от нее – к социологии. Кроме того, Шредингер ввел меня в позитивистскую философию науки, что через десять лет дало мне возможность критического изучения работ отечественных социальных философов.

И до чтения книги об Эвариста Галуа я был знаком с историко-биографической литературой, прежде всего, - через серию «Жизнь замечательных людей», но история, рассказанная Инфельдом, по-настоящему открыла для меня этот жанр.

Сейчас я вижу прямую связь того, чем я занимаюсь последние полтора десятилетия, с первыми научными книгами, о которых я узнал во время той трамвайной поездки. Это обнаруживается не только в историко-биографической направленности моих исследований, но в природе моего научного анализа. Напомню, та поездка на трамвае состоялась летом 1959 года, знакомство, проникновение в названные книги продолжалось года три. Пропущу полувековой интервал моей жизни (Лена, думаю, что отвечая на твои вопросы, я расскажу, что же тогда происходило) и обращусь к одному из вопросов В.А. Ядова, который он задал мне в ходе нашей «Беседы через Океан»: «...я обратил внимание на то,

что ты часто употребляешь безличные глаголы («было выявлено» и т. п.). У Майкла Малкея я вычитал такое наблюдение: естествоиспытатели прибегают к безличным оборотам, сознательно или бессознательно повествуя “от имени самой природы”, тайны которой им удалось выявить. Одновременно замечу, что ты часто пишешь “моей”, “мною”. Не свидетельствует ли это об отношении к работе как истинно научному поиску?» Опуская пересказ довольного долгого описания того, как я шел к своему историческому исследованию, я приведу лишь вывод: «Я не очень задумывался о том, относится ли то, что я делаю к science или не science, но полагаю, что в моем историческом исследовании присутствует множество элементов science».

А теперь я сам задаюсь вопросом, а могу ли иначе вести исторический поиск? Ведь до того, как я включился в теоретико-эмпирические социологические исследования, читал «Человека и его работу», «Мир мнений и мнения о мире», осваивал методологию марксистско-ленинского анализа общественных явлений, я десять лет имел дело со сложнейшими математическими теориями, с пионерными работами по генетике, разбирался в философии Лакатоса и Пойи, задумывался о проблемах истории физики от Ньютона до рождения теории относительности и квантовой механики. На все это меня настроил Шредингер.

К сожалению, других бесед с Гамалеем у меня не было, не было и переписки. Как физик-ядерщик он после окончания МГУ был распределен в один из закрытых городков, по-моему, под Челябинском, и связь с ним стала невозможной.

Как проходили твои студенческие годы? Можно предположить, что обучение на матмехе было сложным, но интересным... Какие еще эпохальные для твоего развития встречи, как например, с Гамалеем, или другие события вызвали тогда работу ума и сердца?

Безусловно, этот или подобный вопрос закономерен, и «эпохальная» встреча состоялась. Но, поскольку читателями нашей беседы будут наши коллеги, постольку воздержусь от перечисления предметов, которые я изучал, их название мало что дает «непосвященному». Поначалу учиться мне было трудно, университетская математика фактически не продолжала школьную, иной язык, иной уровень абстракции, иная категория сложности. Но, скорее всего, я не был одинок. Все «пахали» с утра до вечера, и с уверенностью можно сказать, что успешно закончивший курс матмеха работать умеет. По прошествии многих лет, накопив собственный опыт преподавания, могу утверждать, что отличительной чертой процесса нашей подготовки было сочетание коллективного и индивидуального обучения. У нас были обязательные общие лекции, на которых присутствовал весь курс (по-моему, около 300 человек), и групповые занятия (от 7-10 до 20-25 человек). Но уже с первого курса каждый мог (если хотел) посещать после занятий специальные семинары, в работе которых участвовали преподаватели, аспиранты и студенты всех курсов. Участников объединяло лишь желание узнать новое в данном направлении математики и рассказать свои новые результаты. Именно здесь завязывались профессиональные и дружеские контакты студентов, аспирантов и профессоров; часто – на всю жизнь.

После первых двух трудных лет учиться мне стало много легче. Сессии я, как правило, сдавал на отлично и стремился сдавать досрочно; у меня было свободное расписание. Это приветствовалось профессорами, указывало на то, что студенты умеют работать самостоятельно. Хотя я учился в математической группе, я думал о переходе на третьем курсе на отделение механики, намереваясь подойти ближе к кибернетике. Замечу, что в данном случае «механика» - это не инженерная дисциплина, а сугубо математическая; к примеру, гидромеханика – это наука о

поведении жидкостей в разных средах, аэродинамика изучает, какие силы действуют на тело в атмосфере разных газов.

Возможно, что иногда я позволял себе быть «слишком свободным». Помню забавный случай. Уже став студентом, я продолжал слушать лекции по кибернетике в Центральном лектории города. Познакомился с одним парнем примерно моих лет, тоже Борисом. Через некоторое время в разговоре с ним выяснилось, что он ведет занятия по программированию в моей группе; я этого не знал.

Но продвижение (как я думал) к кибернетике проходило в какой-то очень широкой области, которую я сам для себя интуитивно определял. Посещал семинар по «теории автоматов» - это математическое описание сложных систем с заложенной в них программой. И на втором или третьем курсе, узнав о том, что доцент Веккер читает по вечерам на философском факультете курс «Человек и машина» (примерное название), я начал его слушать. Я не мог тогда знать, что Лев Маркович Веккер, вернувшийся из «ссылки» в Вильнюс, в будущем профессор ЛГУ и Вашингтонского университета Джорджа Мейсона, будет признан одним из создателей современной теории психических процессов. Не думал я тогда, что то был мой первый небольшой шаг в сторону психологии, а затем – социологии.

Не мог я проскочить мимо академического журнала «Проблемы кибернетики» и, скорее всего, в нем я познакомился с трудами по биомеханике тогда опального Николая Александровича Бернштейна, выдающегося физиолога, психолога, создателя биомеханики. Это была, во всяком случае я так понимал, кибернетическая модель поведения человека. На меня все прочитанное произвело настолько сильное впечатление, что я по собственной инициативе (наверное, я тогда учился на третьем курсе) написал свою первую «научную» статью и отдал ее в матмеховскую стенную газету. Моя заметка приглянулась недавнему выпускнику факультета Олегу Михайловичу Калинину,

пригласившему меня поговорить. Кто знал, что та встреча – смотря в прошлое – станет одной из важнейших в моей профессиональной жизни? Тем более, что поначалу я подумал, что передо мной старшекурсник, и по привычке сразу начал «тыкать».

Мне в жизни крепко повезло на знакомства с интересными, самобытными людьми, но началось все с Калинина; он был нестандартен во взглядах на роль математики в познании мира и стремился к синтезу многих собственно математических построений, законов физики и открытий в различных разделах биологии и медицины. Я продолжал учиться на отделении механики, но все более погружался в биометрику.

Формально мы никак не были связаны с Калининым, меня интересовала теория движения волчка, классическое и одновременно активно развивавшееся направление математического анализа, и потому даже курсовые работы я не мог делать под его руководством. Он давал мне читать различные статьи, объяснял законы динамики биологических популяций. Потом к нам присоединилось еще несколько человек, и постепенно возник «Биометрический семинар», находившийся вне сетки факультетского расписания. Мы собирались несколько раз в неделю и говорили до ночи. Так постепенно формировался круг моих интересов — математические методы биологии. Прежде всего, приемы измерения корреляции, работы Роланда Фишера и Карла Пирсона. Во второй половине 1960-х, уже после окончания матмеха, я стал отходить от семинара, но многое в моем понимании науки, философии науки сформировалось именно там. Биометрический семинар не был «междусобойчиком», на нем выступали выдающиеся ученые Александр Александрович Любищев, Раиса Львовна Берг, Лев Николаевич Гумилев и другие. Здесь ведь так, если ты многого не понимаешь, даже слов не знаешь, то записывай, потом додумывай. Семинар многому учил.

В 2013 году я представлял результаты своих исследований в Европейском Университете в Санкт-Петербурге, и неожиданно для

меня туда пришел Калинин. Мы не виделись более четверти века, но взаимопонимание сохранилось. В своем отношении к научной работе я остался его учеником. И я часто вспоминаю Олега совсем по иному поводу; когда мы познакомились, он жил на одной лестнице с Иосифом Бродским, которого мы не знали и стихов которого в ту пору не читали. Но сейчас, перечитывая Бродского, творчество которого мне очень близко, – одно поколение, память об одном городе, - я нередко возвращаюсь на ту лестницу, особенно, пролистывая «Полторы комнаты».

Забавно, мы семинарили в полуразрушенном здании Меншиковского дворца, где в ряде помещений размещались лаборатории Вычислительного центра ЛГУ. А значительно позже я узнал, что в те же годы в том же здании находилась первая в СССР социологическая лаборатория, созданная В.А. Ядовым и А.Г. Здравомысловым. Наши дороги пересеклись несколько позже, но именно благодаря матмеху.

Скорее всего, в 1963 году на семинар зашел молодой, но уже опытный психолог, доцент Иосиф Маркович Палей; его интересовал новый в то время для советских психологов математический метод — многомерный факторный анализ. Зная о моем легком интересе к психологии, все же прослушал лекции Веккера (позже я узнал, что он учился на физическом факультете и закончил философский), Калинин предложил мне помочь Палею. От биологии и медицины я «соскользнул» в психологию. Я немного овладел широко использовавшимся тогда языком АЛГОЛ-60, написал программы для обработки информации и, следуя логике биометрического семинара, начал с Палеем обсуждать результаты расчетов. Тогда я понял, что математика действительно позволяет увидеть и измерить то, о чем без нее можно лишь догадываться или что вообще скрыто от аналитика. К тому времени я уже многое читал и знал об эвристической силе математических моделей, но здесь я впервые убедился в этом на «своем материале».

Учились мы пять с половиной лет, «половинку» нам добавили, когда я был уже студентом пятого курса; нам дали дополнительные лекции по расчету траекторий баллистических ракет и чрезвычайно заинтересовавший меня курс истории механики.

По окончанию университета я получил специальность «механика», но мое дипломное исследование было выполнено по кафедре теории вероятности и математической статистике. Я занимался одним из статистических методов распознавания образов – дискриминантным анализом, и областью применения моих моделей была классическая задача биологии – определение различий двух близких видов насекомых. Это были блошки, которые изучал А.А. Любищев –биолог, философ, антидарвинист, один из ярких критиков лысенковщины.

Окончание обучения (лето, 1965 г.) никаких особых изменений в мой образ жизни не внесло. Я продолжал учиться в аспирантуре.

Складывается ощущение, что ты строил свое обучение, принимая во внимание свои полуосознанные интересы. Но, наверное, твоя активность находила выход и в других сферах жизни?

Наверное, это так; тогда матмех представлял широкие возможности для того, чтобы в рамках обязательного все же у человека была возможность собственных поисков. Безусловно, по молодости и в силу отсутствия рядом «гуру» я мог руководствоваться лишь полуосознанными интересами. Одновременно я проявлял и достаточно высокую, тогда говорили, общественную активность, но при этом уклонялся от выборных позиций. Было ли в этом нечто осознанное, не помню, скорее, я стремился к экономному использованию своего времени и своих сил.

Летом студенты выезжали на различные работы, конечно, и я ездил. После второго курса работал на стройке на прядильно-ниточном комбинате им. Кирова, станочником на небольшом

заводе на Охте, грузчиком на жиромаслокомбинате на Обводном канале. Постепенно осваивались многие стороны жизни.

Скорее всего, весной 1962 года я заглянул без какой-либо особой цели в комитет комсомола, и там одна моя знакомая, несколькими курсами старше меня, заметив меня, сходу сказала: «Ну, ты-то точно на целину не собираешься». Я ей ответил – абсолютно спонтанно – типа того, что зашел именно затем, чтобы записаться. И записался, и поехал. В дороге закончилась моя не начавшаяся комсомольская карьера. Меня назначили старшим по вагону, но где-то, по-моему еще до Урала, сняли с этой должности. Я не только не пресек карточную игру в вагоне, но сам играл. Удивительно, что вообще-то я в карты не играл, но телеграмма, отправленная на факультет, сделала свое дело. Потом несколько лет один из замдеканов упорно видел во мне заядлого картежника.

Но самым интересным для меня и общественно полезным комсомольским делом было участие сначала в организации университетской школы-интерната для одаренных школьников, а потом и преподавание в ней. Для отбора способных ребят я ездил в Сыктывкар, Новгород, Псков, Вологду; выступал там в школах, проводил отборочные экзамены, вел физико-математическую колонку в одной из областных газет. В интернате мы сами строили программу преподавания, и отношения с учениками были намного менее формальными, чем в обычных школах.

Все рассказанное выше об обучении на матмехе в определенном смысле можно назвать порождением интереса к кибернетике и влиянием книги Шредингера. Все было рассказано в высшей степени схематично, и потому траектория моего движения в процессе обучения может выглядеть как нечто хаотическое, неорганизованное. Но на самом деле сегодня она представляется мне достаточно гладкой, без каких-либо «провалов» и «пиков». От кибернетики к лекциям Веккера и психологии; от биологии к биометрическому семинару и методам математической статистики. И синтезом этих «линий» стал сначала просто интерес к

факторному анализу, а потом – собственные исследования в этой области.

Но и импульс, порожденный биографической книгой Инфельда, не загас, просто он дал о себе знать в начале 1960-х; причем – несколько неожиданным образом. Выше я обещал рассказать о влиянии на мое развитие родственников со стороны матери, сейчас я и коснусь этой темы.

У меня были два дяди-двойняшки, двоюродные братья моей матери: один – Моисей Соломонович Шапиро – был морским военным инженером, а другой – Борис Григорьевич Кузнецов, по словам мамы, «был ученым». Не было секретом, чем он занимался, она просто не могла мне этого объяснить. До войны мои родители и братья были очень дружны, когда мы с сестрой должны были родиться, мать с отцом решили: будет девочка – назовем Олей, мальчика – Борей. Так что я назван именем моего двоюродного дяди.

Борис и Моисей были очень образованными людьми, специалистами в своих областях, всю жизнь были бесконечно дружны друг с другом. Родом они были из Екатеринослава (теперь – Днепропетровск), оба закончили Политехнический институт, рано вступили в партию. Моисея призвали на флот, он закончил Высшее инженерное морское училище в Ленинграде и остался там служить, в годы войны, блокады он замещал директора завода по ремонту кораблей. После войны он работал в Либаве (Лиепаи), где располагалась крупная военно-морская база. Будучи полковником, занимал генеральскую должность, но по национальному признаку на генерала он не «проходил». Он демобилизовался и последние 20-25 лет жизни жил в Москве. Моисей был очень открытой личностью, щедрым человеком. Он тоже помогал нашей семье материально, говорил, если к вам приходят друзья, хлеб с колбасой и чай должны быть обязательно. К нам всегда приходили друзья, если денег на колбасу не было, то в ход шло варенье.

Еще месяц-два назад я не знал, когда другой брат сменил отечество и фамилию, но сейчас я начал писать статью о Кузнецове как историке науки, и у меня, на основании изучения его «Личного листка по учету кадров» и воспоминаний какого-то разговора с мамой возникло похожее на правду предположение. Из-за их раннего увлечения революционными идеями, братьев исключили из реального училища. Предположительно, Борис участвовал в Гражданской войне, и тогда начальник его отряда предложил ему сменить еврейские отчество и фамилию на русские.

Борис Григорьевич с юности интересовался проблемами энергетики и историей, и одновременно получил инженерное и историческое образование. В начале 1930-х он стал работать в ГОЭЛРО и быстро вошел в группу ведущих специалистов по развитию советской энергетики, работал с Бонч-Бруевичем, Кржижановским, академиками Вернадским, Комаровым, Ферсманом. Он защитил докторскую диссертацию по экономике, был профессором, заведующим кафедрой... Практическая работа заставила его задуматься о том, как будет развиваться техника по выработке и передаче электричества, отсюда появился интерес к физике, истории науки. В 1932 г. по инициативе академиков Вернадского и Комарова в Ленинграде был создан Институт истории науки и техники АН СССР (позже он был переведен в Москву). После войны на его базе был создан работающий и сейчас Институт истории естествознания и техники РАН, директором института был В.Л. Комаров, тогда – президент АН СССР. Кузнецов стал его заместителем, а фактически – одним из создателей. В самом начале войны он был включен в группу специалистов, разрабатывавших план перевода промышленности из Европейской части страны за Урал, и был среди ученых, получивших в 1942 году первую Сталинскую премию за осуществление этой сложнейшей программы. Но в то время он уже участвовал в Сталинградкой битве, позже – на других фронтах. В конце войны, подлечившись после тяжелого ранения, он вернулся

к истории физики, более широко – науки. Он намеренно отошел от какой-либо организационной суеты и до конца жизни оставался старшим научным сотрудником. Им написано множество книг по науке Возрождения и истории современной физики. Написано и около десятка историко-биографических книг: о Ломоносове, Менделееве, Тимирязеве, о Ньютоне, Галилее, Бруно, но самая его известная книга «Эйнштейн», впервые вышедшая в 1962 г. и переиздаваемая в наше время. Многое из этого я узнал уже после его смерти, в частности, – в последние два-три года, намереваясь написать о Кузнецове книгу.

Далее, как в истории с поездкой в трамвае. В один прекрасный день... я шел в здание исторического факультета ЛГУ, на первом этаже которого располагалась военная кафедра, где по программе все военнообязанные студенты должны были заниматься. По обычаю по дороге я заглянул во двор здания Академии наук в небольшой книжный магазин и увидел новую книжку Б.Г. Кузнецова «Беседы о теории относительности»; книга издана в 1960 году, значит это могло быть в том году или в следующем. Прочитав фамилию и имя отчество автора – Кузнецов Борис Григорьевич, я подумал, может быть, эта книга написана моим дядей? О теории относительности я уже кое-что знал, она интересовала меня. Я купил книжечку, это было простенькое введение в теорию относительности, и за день на военной кафедре я ее осилил. Вскоре я узнал, что моя догадка относительно родства с автором книги была верной. После окончания университета, когда я стал часто бывать в Москве, я останавливался в квартире Кузнецова и, хотя меня еще не «притягивала» историко-науковедческая проблематика сама по себе и, естественно у меня в мыслях не было, что я когда-либо «войду в эту воду», я читал написанные им книги, обсуждал заинтересовавшее меня и даже стал почитывать соответствующую литературу. Через годы многое из тех бесед вспомнилось, но что, думается, много важнее, я перечитываю книги Кузнецова, все же кое-что привез с собою, как

продолжение бесед с ним. Это удивительное чувство, но все именно так... Другими словами, в студенческие годы я «продвинулся» по обеим линиям, возникшим в «трамвайной беседе».

Недавно редактор известного портала gefter.ru Ирина Чечель добавила к моему очерку о Б.Г. Кузнецове подзаголовок со словами «Память как встреча». Удивительно точные слова, конечно, воспоминания – это встречи»

С радостью отмечу, твоя биография действительно воспитала в тебе вкус к биографическим связям, умножая их не только с течением времени, но и по горизонтали – по вовлекаемым историям родных, друзей и знакомых. Но теперь самое время спросить и о других человеческих связях – о личной жизни.

Ясное дело, об этом можно говорить (и молчать) бесконечно долго, но коснусь лишь одного пласта тех событий и чувств. Речь пойдет о нашей дружеской компании, скорее – о ее ядре. В предыдущих интервью я немного рассказывал об этом, но сейчас оправданно вернуться к этой теме и сказать больше.

Так случилось, что мы с сестрой учились в одной школе с Анной Каминской, внучкой известного историка искусств Николая Николаевича Пунина, женой которого до войны была Анна Андреевна Ахматова. Более того, фасады наших домов выходили на одну и ту же улицу – Кавалергардскую (тогда она называлась улицей Красной Конницы) и были разделены лишь несколькими домами. Потом моя сестра и Аня учились на искусствоведческом факультете Академии художеств, и с разницей в пару лет вышли замуж за двух друзей – будущих художников. Конечно, я сразу вошел в эту «команду», и вскоре – моя девушка, с которой мы поженились в 1964 году, Люся – тоже математик и тоже социолог. Она раньше меня начала работать в академической системе, в сектора В.А. Ядова, и некоторые социологи-математики, давно работающие в Институте социологии РАН, к примеру, Галина Татарова, Юлиана Толстова, помнят ее.

По современным понятиям, мы оба были безденежными и плохо устроенными в жизни. О себе я уже немного сказал, Люся жила с мамой в большой «коммуналке» в центре Ленинграда. Мама работала заместителем начальника типографии Адмиралтейского завода, тогда известного, крупного кораблестроительного предприятия. Отец Люси, из того, что мне известно, был молодым талантливым инженером-кораблестроителем, редчайший случай, еще до войны его посылали в Англию изучать опыт. Он мог получить бронь, но вступил в Народное ополчение Адмиралтейского завода и защищал Пулковские высоты. И в двадцать с небольшим погиб там в конце лета 1941 г. Мы женились, потому что нам вместе было хорошо, и никаких других внешних моментов не было. Денег на свадьбу в ресторане у нас не было, наши комнаты не позволяли принять большого количества друзей. Помогли знакомые, они жили недалеко от нас в квартире, в которую временно переселяли людей, когда в их домах делался капитальный ремонт. Там оказалась свободной большая комната, притащили туда огромный стол (друг дал), стулья и табуретки, положили на них какие-то доски, принесли из дома выпивку и закуску, и все чудесным образом отметили. Возвращались мы после свадьбы домой втроем: Люся, ее мама и я. И тогда я сказал: «Все. Еще одной свадьбы мне не надо». Прошло более 50 лет, вместивших в себя много радостного, светлого, доброго и много тяжелого, драматичного. Но мы – вместе; «еще одной свадьбы» у меня не было.

Все мы были студентами и проводили осенние вечера и зимние каникулы в «Будке», небольшом, очень скромном домике Анны Андреевны Ахматовой в поселке Комарово под Ленинградом, перефразируя известный слоган, моя сестра говорила: «Спасибо Анне Андреевне за наше счастливое детство». Было доброе, беззаботное время, к нам туда приезжали и наши друзья, гуляли, катались на лыжах и на финских санях, нас мало что волновало, был просто треп. И точно, скорее всего, никакой политики, для нас

ее не существовало. Когда-нибудь я расскажу о людях той «тусовки» (конечно, такого слова тогда не было), а сейчас – немного о моей сестре и ее муже, Аскольде Ивановиче Кузьминском.

Моя сестра окончила Академию художеств в 1965 году и через пару лет стала работать экскурсоводом в Эрмитаже. И это – на всю жизнь. Она очень любила свое дело, массу читала, при первой возможности, конечно, уже после перестройки, ездила во Францию, в другие страны, чтобы, наконец, увидеть те картины или того художника, о которых она и так многое знала из специальной литературы. Оля проработала там без малого полвека и пользовалась огромным уважением. Невиданное дело, когда она умерла (в 2012 году), гражданская панихида по ней – простому экскурсоводу – состоялась в Эрмитаже, в красивом зале у «Октябрьской лестницы», в который можно пройти непосредственно через Октябрьский подъезд с Дворцовой площади или со стороны набережной Невы.

Оля всю жизнь прожила в той квартире, в тех комнатах, в которые мы въехали в 1945 году, вернувшись из эвакуации. Когда я приходил к ней, я всегда немного возвращался в детство, в школьные-студенческие годы. И когда я уже из Америки приезжал в Петербург, я возвращался «домой», туда приходили все наши друзья. С ее смертью город как-то отодвинулся от меня. Странно, но теперь Москва, хотя я в ней никогда не жил, мне стала ближе, чем Петербург, а если мысленно, то я возвращаюсь в Ленинград, не в Петербург.

Несколько лет назад я написал эссе о ее муже, назвав текст: «Аскольд Кузьминский: его творчество знакомо миллионам, его имя знают немногие». На основании чего я сказал, что сделанное им знакомо миллионам? Это – очевидно. Он – автор эмблемы Петербургского метро — буквы «М», с которой все настолько сроднились, что не замечают её. Ему принадлежит эмблема Елисеевского магазина – наиболее известного и красивого в городе

продуктового магазина, расположенного в самом центре исторической части Санкт-Петербурга. В 1995 году Кузьминским была завершена полуторогодовая работа над логотипом Государственного Эрмитажа; его можно увидеть на афишах, книгах и альбомах, издаваемых музеем, на входных билетах и буклетах выставок. Все это незаметно вошло в художественную, культурную атмосферу города, стало ее составной частью. Существует без авторства, живет само по себе, как народная песня.

Но работы Кузьминского не получали должного признания, он оставался известен прежде всего в узком кругу людей, знавших его лично. Он не выставлялся на крупных художественных выставках, о нем не писали центральные газеты, он не делал портреты передовиков производства, его не осаждали журналисты. Он не стремился к расширению профессиональных контактов, не участвовал в гонках за грантами. Не сидел в президиумах и не был диссидентом. Его влекла тонкая, камерная работа, он искал простые, негромкие выразительные средства. И всегда был скромным, даже стеснительным.

Кузьминским оформлено множество книг, но сейчас я расскажу лишь об одной его работе – удивительно живом графическом портрете Анны Ахматовой. Историю этой работы (1965 г.) он сам рассказал в своей небольшой книге ««Memoire» с подзаголовком «Двести лет со дня рождения Александра Пушкина и сто десять лет со дня рождения Анны Ахматовой».

«Анна Андреевна как-то сказала, что ей надоели во всех изданиях одни и те же ее портреты (Альтман, Анненков и т. д.). Нет ли новых, молодых дарований.

Накануне мне был подарен “Реквием” (в машинописном варианте), я переплел его и на обложке нарисовал портрет автора.

На следующий день принес свое творение. Анна Андреевна долго рассматривала:

— Пожалуй, подпишу Вам “Реквием”, хотя никогда этого не делала. И этот портрет пригодится. И эти печальные брови».
Потом Ахматова уехала в Англию, потом в Москву, потом Анны Андреевны не стало...».
Летом 2012 года в Петербурге в музее Анны Ахматовой проходила выставка ее портретов. В официальной информации об этом событии отмечалось, что выставка открывалась графическим портретом Ахматовой, нарисованным Амедео Модильяни. Также на ней были представлены канонические изображения поэтессы, созданные Николаем Тырсой, Владимиром Фаворским, Аскольдом Кузьминским, Гавриилом Гликманом и ряд других работ. Кто знаком с историей российской графики, согласится с тем, что Кузьминский здесь назван в ряду выдающихся художников. Этот портрет Ахматовой — яркий пример стиля Кузьминского. Несколькими линиями создан оригинальный портрет Ахматовой, в котором соединены классические образы поэта, восходящие к Модильяни и Натану Альтману.
И закончу я эту часть воспоминаний рассказом о подарке, который я получил от Ахматовой. Как-то Аня Каминская дала мне письмо к Ахматовой, написанное выдающимся математиком XX столетия Андреем Николаевичем Колмогоровым, который в первой половине 1960-х интересовался математическим анализом стихосложения. К письму, в котором Колмогоров писал, что из русских поэтов ему наиболее близок Александр Блок и одновременно он высоко ценит поэзию Ахматовой, прилагались оттиски двух его статей. От меня требовалось «по-простому» объяснить Ахматовой их содержание. Прочел, был готов, и вот представился случай рассказать Анне Андреевне о содержании этих работ, надо было сопроводить ее из Комарово домой. Договорились с кем-то о машине и поехали. Подарок Анны Андреевны за мой «труд» был сделан, скорее всего, в 1965 или 1966 годах, но он навсегда остался со мной. Она показала мне, что если ехать по Суворовскому проспекту от Невского к

Смольнинскому собору, то это белоголубое здание Франческо Растрелли поначалу, как и положено, приближается, а потом, вопреки законам зрительного восприятия, вдруг начинает удаляться. Не знаю, был ли этот эффект предусмотрен зодчим, но он был обнаружен поэтом.

Со смертью Ахматовой заканчивался важный этап жизни всей нашей дружеской компании. На нас ни в коей мере не распространяется понятие «ахматовские сироты», оно - о другом. Не стало «Будки», прекратились наши Комаровские встречи, закончилось время ранней молодости; во многом безрассудной, свободной, не угнетающе безденежной и не очень задумывающейся о завтрашнем дне. Но вскоре «воскресла» Новинка, семья Ани купила дом, с которым мы с сестрой породнились в детстве. После отъезда в Америку моя дружба с той семьей сохранилась, мы даже породнились. Значит и моя связь с Новинкой не оборвалась. Да, так мир сложился...

Когда складывается такое личное отношение, то и потеря ощущается остро. Простился ли ты с Ахматовой?

Я не могу сказать о каких-либо отношениях с Ахматовой, я и видел-то ее редко и мне не приходилось, кроме описанного случая, общаться с ней лично. Но, конечно, в ее похоронах мы все принимали участие. Иного просто не могло и быть.

Во-первых, в Никольском соборе, одном из главных в Ленинграде проходила многолюдная панихида, для того времени – дело крайне необычное. Откуда люди узнали, что в «Николе» отпевание Ахматовой? Вот уж точно, слухами земля полнится, все не смогли попасть в собор, чтобы не возникла давка, многие сцепились руками и образовали кольцо вокруг гроба. Потом гроб перевезли в Дом писателей, там состоялась гражданская панихида, на которой выступали Михаил Дудин, Ольга Бергольц, еще кто-то из официально признанных поэтов. Мне кажется, было холодно и скучно... затем вся процессия отправилась к Фонтанному дому, где до войны жила Анна Андреевна и на ул. Ленина – последнее ее

место жительства. После всего этого процессия двинулась в поселок Комарово, где было старое, оставшееся еще с финских времен – почти сельское мемориальное кладбище. Уже потом, в Диалогах Соломона Волкова с Иосифом Бродским я читал, что Бродскому, когда уже в Ленинграде проходила церковная панихида, удалось при поддержке каких-то литераторов получить разрешение на захоронение Ахматовой в Комарово, а затем, уже было поздно, за поллитры уговорить могильщиков делать свою работу. Дорога на кладбище была засыпана снегом, автобус пришлось остановить далеко от кладбища. Гроб несли по очереди на плечах. У могилы, по русскому обычаю снова открыли гроб и батюшка совершил прощальную службу. Там были Арсений Тарковский, молодые Евгений Рейн, Анатолий Нейман, Иосиф Бродский еще какие-то поэты. Очень официально зачитал текст Сергей Михалков. Со слезами на глазах что-то тихо говорил Тарковский. Потом подходили к могиле и бросали поверх гроба землю, а когда надо было уже доделывать могилу, меня, как не родственника, родные Ахматовой попросили поработать лопатой. Рядом со мною тоже самое делал крепкий рыжеватый парень. На могиле водрузили высокий деревянный крест, сделанный на Ленфильме по заказу Алексея Баталова.

Уже позже, возвращаясь после недолгих поминок в электричке в город, мне сказали, что сидевший на другой скамейке рыжеватый парень – Иосиф Бродский. Все описанное, кроме, конечно, поездки в электричке, отражено в долго запрещенном фильме Семена Арановича «Похороны Ахматовой» <https://www.youtube.com/watch?v=_JUR2UnYVhE>.

В хронологическом отношении мы остановились на твоем поступлении в аспирантуру. Чем из того времени ты хотел бы поделиться?

Сегодня я могу сказать, что аспирантуру воспринял не как период работы над диссертацией, а как время для работы над тем, что хочется. Формально, моим руководителем был Виктор Павлович

Скитович, вошедший в историю разработки теории вероятности как автор теоремы Скитовича-Дармуа. Не пытаясь рассказать значение этой теоремы, отмечу, что и сама ее постановка и метод ее доказательства сначала ввели в сомнение крупнейших специалистов в этой области математики; настолько все было неожиданным и красивым. Но я избрал себе иную тему, так что реально моим руководителем был Калинин, который к тому времени, имея уже интересные результаты, не торопился с подготовкой диссертационного «кирпича».

Вообще, насколько я понимаю сегодня, в аспирантские годы я скорее искал исследовательскую область, в которой я чувствовал бы себя комфортно, чем систематически решал какую-либо задачу, данную наставником или найденную самостоятельно. Если бы не «те книги», о которых рассказал мне Евгений Гамалей, то в годы учебы на матмехе отыскал бы некую четко сформулированную проблему и искал бы пути ее решения. Но к окончанию факультета я освоил многие понятия, разделы биологии, в частности, генетики, а первые беседы с Б.Г. Кузнецовым подвели меня к философии науки и истории математики и физики. И мне не хотелось все это оставлять.

Так или иначе, но в центре моего аспирантского исследования оказались две темы многомерной статистики: во-первых, я продолжал свой дипломный проект (дискриминантный анализ), во-вторых, меня все более захватывала методология факторного анализа. И если в первом случае мне в целом было ясно прикладное значение метода и понятна схема измерения набора анализируемых признаков: анатомические параметры живых организмов, например, размер органов насекомых или характеристики черепов представителей разных рас, то факторный анализ подвел меня к почти неизвестному мне: к психофизиологии и психологии человека. Пришлось самостоятельно изучать теорию тестов и знакомиться с самыми первыми работами по корреляционному и факторному анализу. В поле моего зрения

оказалось прошлое математических методов, которые я знал в современном изложении, но не представлял, как они возникли и какие претерпели изменения. Одновременно я стал задумываться о том, что недостаточно знать формулы и алгоритмы, носящие имена Фрэнсиса Гальтона, Карла Пирсона, Чарльза Спирмена и других, необходимо иметь представление о жизни и работах этих ученых. В то время, когда я начинал освоение факторного анализа, психологические исследования в СССР только стали восстанавливаться после трех десятилетнего запрета, отечественной литературы по этой тематике не было. Поскольку философские воззрения Пирсона резко критиковались Лениным, постольку и его классические исследования по биометрике не анализировались. Приходилось все искать в чудом сохранившихся в Публичной библиотеке английских журналах и в немногочисленных книгах. Постепенно некий общий, слабо осознававшийся интерес к биографиям ученых, рационализировался и проецировался уже не на создателей физики (имею в виду работы Б.Г. Кузнецова), а на ученых, сделавших шаг от нематематизированной теории Дарвина к математическим моделям законов эволюции.

Напрямую это не относилось к моему диссертационному исследованию, но в моем понимании методов, математические свойства которых я изучал, знание истории казалось мне необходимым. В начале 1969 года я опубликовал в единственном тогда психологическом журнале «Вопросы психологии» небольшую статью «Об использовании методов факторного анализа в работах советских исследователей» [5]. Учитывая, что в то время срок прохождения статей в журналах был немалым, что я был начинающим, никому не известным автором, что – безусловно – я затратил значительное время для поиска публикаций советских психологов по факторному анализу, а также – для подготовки текста статьи, могу предположить, что уже в первой половине 1967 году я решился на проведение историко-науковедческого

исследования. Думаю, что обзор получился неплохим, во всяком случае обращение к порталу «Научная электронная библиотека диссертаций и авторефератов» (www.dissercat.com/) показало, что и через сорок лет диссертанты ссылались на эту работу.

Все описываемое давно было и детали забылись, но к лету 1967 года, когда оставалось полгода до завершения аспирантуры я был спокоен. Кое-что было сделано, были публикации, к тому же я не волновался за распределение; понимал, что без работы не останусь. Но произошедшее на комиссии по распределению не просто оказалось в полной мере неожиданным, но определившим всю мою дальнейшую жизнь.

Что же случилось? А то, что среди немалой группы аспирантов матмеха, судьба которых решалась в тот день, мне единственному было предложено место вне Ленинграда, хотя даже не ленинградцы были направлены в разные «почтовые ящики» в городе или в ближайших пригородах. Мне же нашлась лишь позиция на кафедре математики Лесотехнической академии в Архангельске. Я не подписал это распределение. Конечно, никто не объяснял мне причину моей «высылки», но я – во всяком случае тогда – видел ее в только что прошедшей «Шестидневной войне» между Израилем и рядом арабских стран и проявлением государственного антисемитизма в стране; замечу, это было вообще впервые за все годы обучения на матмехе. Но, в моей жизни многое «не так»; в проведенных мною интервью мне не раз приходилось читать, что еврейство моих собеседников осложняло их путь к образованию, в аспирантуру, затрудняло трудоустройство. Меня же случившееся на распределении прямиком, но не сразу привело в социологию.

Если это было распространенным явлением, то, как ты думаешь, твой шок объясняется твоей «недосоциализированностью», или наивностью, или еще чем-нибудь? Ты не готовился к такой возможности?

Я тогда не знал и сейчас не знаю, как проходили в те годы распределения аспирантов, но я никогда не слышал, чтобы математиков, да еще ленинградцев, не трудоустраивали в городе. Безусловно, я к такому развороту событий не был готов.

Случившееся оказалось не только шоком для меня, но и неожиданностью для людей, знавших меня как студента, одного из организаторов математической школы-интерната и математика, помогавшего психологам в обработке их наблюдений. За пересмотр этого распределения ходатайствовали парторг матмеха профессор Алексей Алексеевич Никитин, инициатор создания этой школы, и член парткома Университета известный психолог, профессор Евгений Сергеевич Кузьмин. Оба они были весьма уважаемыми людьми в Университете, инвалидами войны. Одновременно я сам обращался в разные организации; ответ был однотипным: «Получи освобождение от распределения, мы тебя берем». Но первое в то время было выше моих возможностей. Работу над диссертацией пришлось приостановить, время до завершения аспирантуры стремительно сокращалось, из жилищной конторы уже пришел запрос о месте моей работы.

Думаю, что в январе 1968 года мой приятель, физик (опять физик !), слушавший на факультете известные лекции Игоря Семеновича Кона, предложил мне сходить на какую-то открытую лекцию на факультете психологии и там познакомил меня с Коном. Я сказал Игорю Семеновичу, что я – математик и ищу работу. Кон пригласил меня на семинар, на котором сотрудники Владимира Александровича Ядова обсуждали общие концепции диспозиционной теории. Пришел, мало что понял, но встретил там знакомую по матмеху Галю Саганенко, теперь – известный социолог, профессор Галина Иосифовна Саганенко. Она сказала, что работает в команде Ядова, я – что ищу работу. И разошлись. Но через несколько дней мы случайно встретились на матмехе, она – как всегда – торопилась и лишь сказала, что есть социолог с бородой Здравомыслов, которому нужна консультация по

обработке результатов социологического исследования. Дала его телефон и побежала дальше.

Позвонил я неизвестному мне Здравомыслову, сослался на Саганенко, объяснил, кто я и в чем заинтересован. Андрей Григорьевич попросил меня прийти через пару дней в Главный Зал Университета, в котором чествовали одного из профессоров философского факультета. На мой вопрос, как я там найду его, Здравомыслов ответил: «Спроси у любого, меня там почти все знают». Пришел, спросил, мне указали на невысокого человека, который в тот момент говорил с Е.С. Кузьминым, которого я знал и который знал меня. Я подошел, представился, и Здравомыслов попросил меня не уходить, а найти его по завершению чествования. Так я и сделал. Переговорив со мною несколько минут, Здравомыслов попросил меня через день-два прийти в Таврический дворец. Еще ничего не зная, я в назначенное время пришел и удивился, что при входе меня остановил постовой в военной форме, попросил предъявить паспорт и куда-то позвонил. Вскоре пришла очень миловидная молодая женщина и повела меня к Здравомыслову. Для меня, привыкшего к достаточно вольной, демократичной системе общения матмеха, все было новым, несколько настораживающим.

Все мое детство, юность и ранняя молодость прошли в 20 минутах ходьбы от Таврического дворца, но когда что-либо знаешь «всегда», то и не замечаешь этого, я не знал, что в нем размещалась Ленинградская высшая партийная школа (ЛВПШ), кузница кадров для КПСС. Здравомыслов недавно был назначен заведующим кафедрой марксистско-ленинской философии, и одновременно был одобрен его план создания при кафедре социологической группы. Поговорили, и неожиданно для меня мне было предложено заполнить «Личный листок по учету кадров». И буквально через несколько дней – 12 февраля 1968 года – я стал членом этой группы в должности преподавателя кафедры.

Автоматически я стал социологом; получается, что почти полвека назад.

Более того, на протокольной встрече нового сотрудника с парторгом Школы мне было разрешено обратиться к нему, если меня начнут донимать вопросами о том, где я работаю, не получив освобождение от распределения.

Прошло почти сорок лет , и в ходе интервью со Здравомысловым я спросил его: «Один вопрос совсем личного плана: как тебе удалось взять в Высшую партийную школу меня – беспартийного еврея, без философского образования и далекого от всякой политики, к тому же по распределению обязанного уехать из Ленинграда?». Вот его ответ: «Еврей ты или не еврей, это для меня ни тогда, ни потом не имело никакого значения. По-моему, я тебя рекомендовал в ряды КПСС, так что недостаток “отсутствия партийности” был устранен. Я на тебя посмотрел и понял, что из тебя может получиться неплохой сотрудник, который как раз был мне нужен. Твой взгляд говорил, что ты открыт новым идеям, умеешь учиться и вполне способен освоить новую дисциплину. Что касается высших инстанций, то мне был дан, как говорится, “карт-бланш”, которым я и воспользовался. Кроме того, насколько я помню, мне тебя рекомендовал Евгений Сергеевич Кузьмин. Во время моего студенчества он был одним из наиболее авторитетных членов руководящей группы философского факультета».

Вот о чем тогда успели переговорить Здравомыслов и Кузьмин. Они в общем определили мою профессиональную жизнь. Пожалуй, больше.

11. ***Обретение профессии***

Ты описал сложнейший поворотный момент жизни. Кто знает, как сложилась бы твоя работа в Архангельске. Но в этот момент связи, друзья-знакомые, репутация – сработали на «спасение». Тем не менее, возник новый вызов – подвижки в профессиональной идентичности. Как же развивалась эта

новая линия? Какие новые ресурсы пришлось осваивать и предъявлять?

Я не думаю, что получилось бы что-либо путное из моей работы в Архангельске. Все же начинающий ученый должен, особенно в первые годы, работать в сильном, профессиональном коллективе, чего, скорее всего, не было в Архангельске.

Если же говорить о моем социологическом обучении, которое продолжалось четыре с половиной года и завершилось 1 сентября 1973 года моим переходом в Институт конкретных социологических исследований АН СССР, то, по-видимому, имеет смысл говорить о трех его составляющих

Первый пласт – ознакомление с основными понятиями социологии.

Сейчас легко увидеть, с чего началось мое знакомство с социологией, это, прежде всего, курс лекций, читавшийся Здравомысловым в ЛВПШ в 1967-1969 годах, который лег в основу его книги: «Методология и процедура социологических исследований». Безусловно, многое в материале тех лекций было для меня новым, но все же – освоив до того самостоятельно ряд общенаучных книг позитивистской направленности, я с легкостью воспринимал рассуждения Здравомыслова о роли метода в социологии и описание различных приемов сбора и анализа социологической информации. Столь же «естественными» были для меня и построения, изложенные в первом, тартуском издании (1968 г.) книги Ядова по методологии социологического исследования. Тем более, что в то же время я прочел в оригинале и переводе книгу Гуда и Хатта по методам социологии, сделанном Здравомысловым; и он, и Ядов в своих работах опирались на эту книгу.

Могу ли я здесь задать вопрос, который непрост. Первая волна советских учебников по социологии – ведь они безусловно связаны с переводческой работой и рецепцией западного социологического мейнстрима. Шла ли кулуарно дискуссия на

эту тему? Ведь и сейчас, да и в в конце 90-х звучали упреки в некритичном заимствовании методологии.

Сейчас я знаю, что такая дискуссия шла, но тогда ее волны не доходили до меня. Я был совсем новичком и в подобных дискуссиях участия не принимал. Но недавно я провел большую работу по изучению того, кто же перевел Гуда и Хатта. Странно, все это было в начале 1960-х, но многое позабылось. Когда я беседовал с А.Г. Здравомысловым, он вспомнил о переводе этой книги. Через пару лет я начал интервью с Эдуардом Викторовичем Беляевым, одним из первых сотрудников первой в СССР социологической лаборатории Ядова-Здравомыслова, и узнал от него, что он переводил Гуда и Хатта. Беляев уже несколько десятилетий живет в Америке и давно не участвует в российской социологической жизни. Здравомыслова уже не было в живых. Ядов помнил, что Беляев и Здравомыслов имели отношение к переводу, но кто и как переводил, забыл. Кон, помнил, что именно он «подложил» книгу Ядову, помнил, что ее начинал переводить Беляев, но деталей не знал. Олег Борисович Божков нашел в домашнем архиве рукопись перевода (книга так и не была издана), которая считалась утерянной, но на титуле переводчиком был указан Ядов, хотя он – по его собственным словам – переводом не занимался. Постепенно раскручивая это событие, было установлено, что Ядов поставил свою фамилию, так как Беляев уже эмигрировал, и его имя по тогдашним правилам не должно было фигурировать на документе. Выяснилось и то, что Беляев записывал лишь фрагменты перевода, но всю книгу перевел все же Здравомыслов. Я спросил Беляева, были ли сложности с переводом терминов, понятий. Приведу его ответ: «Абсолютно не помню. По-моему, нас это не очень занимало. Мы просто, по-моему, пользовались английскими вариантами терминов. Но один забавный эпизод помню: читая, я набрел на слово “babysitter”. Мне казалось, что оно настолько вне контекста, что я не понимал о чем идет речь (и другие тоже). Я спросил Игоря Кона, который часто

бывал на наших семинарах, и он объяснил, что действительно речь идет о “няне”».

Я думаю, Лена, что это не единственный случай в истории переводов западной литературы в те далекие годы.

Теперь, возвращаясь к процедуре моего вхождения в социологию, замечу, что более сильное впечатление, чем содержание лекций Здравомыслова произвела на меня их форма. 8 сентября 2005 года, объясняя Здравомыслову цели интервью, которое я хотел у него взять, я писал ему: «Отмечу, что твои тексты очень авторские, личностные, прежде всего в логическом (отчасти - языковом) отношении... читая их, я всегда вспоминаю еще те твои лекции, которые я слушал [Б.Д.: в ЛВПШ]... ты не только обращался к аудитории, но всегда старался общаться с самим собою. Много воды утекло, тогда я был более психологом, чем сейчас, и находился под влиянием общения с Палеем и книг Бодалева. Я помню твою жестикуляцию левой рукой – это (по Палею или Бодалеву ?) диалог с самим собою...». Этот пассаж не остался незамеченным Здравомысловым, при нашей встрече в Москве в 2006 году он подарил мне свою книгу о восприятии немцами русских с надписью: «Дорогому Борису Докторову. На память о первых лекциях, на которых автор жестикулировал левой рукой. А. Здравомыслов». Такой диалогичности в лекциях философов на матмехе я не встречал.

Вторая составляющая моего социологического университета – приобретение опыта организации сбора данных и математической обработки информации; я сразу же был подключен к исследованию, для осуществления которого и был взят на работу. Это было начало, допускаю, одного из наиболее продолжительных в советской социологии мониторинга бюджетов времени; он мало известен, так как изучалось рабочее и нерабочее время сотрудников всех райкомов КПСС Ленинграда, и автоматически были засекречены не только итоги замеров, но и сам факт исследования. О сверхсекретном характере того исследования

вспоминал в нашем интервью А.Г. Здравомыслов: «В 1969 году на основе курса лекций для слушателей ЛВПШ я издал книгу “Методология и процедура социологических исследований”. Там была таблица распределения бюджета рабочего времени сотрудников районных комитетов партии. Выяснилось, что публикация такого рода данных противоречит инструкции ЦК КПСС, изданной еще в тридцатые годы! Б.К. Алексеев [Б.Д.: высокопоставленный сотрудник Ленинградского ОК КПСС] попросил меня сдать все материалы социологической группы ЛВПШ и объявил о моем отстранении от этой деятельности … Отдел науки предложил мне на выбор: либо остаться в ЛВПШ без всяких занятий социологической работой, либо вновь вернуться в Академию наук, в ИКСИ … Я выбрал второй вариант».

Мое участие в этом исследовании заключалось в организации кодирования самофотографий временных затрат, запись временных затрат велась на протяжении недели, и математической обработки собранной информации. По тем временам это было непросто. Жалко, но лишь недавно я узнал, что первое исследование первой в стране социологической лаборатории, созданной Ядовым и Здравомысловым, было сделано методом самофотографии бюджета времени рабочих; было 100 человек и исследование продолжалось неделю. Так что исследование, проводившееся в ЛВПШ – прямое продолжение того пионерного проекта.

Третий пласт – получение научной степени. Вхождение в социологию и необходимость осваивать язык этой науки, занятия репетиторством по математике, чтобы хоть как-то поддержать материальное положение нашей семьи, вскоре после рождения сына летом 1967 года моя жена оставила работу, привели к тому, что я отошел от «Биометрического семинара» и минимизировал контакты с факультетом психологии. Однако мысль о том, что надо закончить кандидатскую диссертацию не отпускала меня. Насколько я помню, Здравомыслов спрашивал меня, не хочу ли я

сделать работу по социологии, но мне не хотелось начинать все сначала. Я оформил сделанное до момента распределения и получилось две главы, которые вместе составляли исследование по прикладным вопросам многомерного статистического анализа. В октябре 1969 года от матмеха отделился факультет прикладной математики, и я думал защитить работу там, тем более, что мой руководитель по аспирантуре В.П. Скитович был там заместителем декана. Но Совета по защитам еще не было, а ждать было не очень интересно. И в тот момент один из математиков – не знаю, серьезно или в шутку – сказал, ты много сделал для психологов, они должны дать тебе степень. Конечно, я не стал обращаться туда за степенью, но подумал, а не расширить ли одну из глав подготовленной рукописи, сконцентрировав все на факторном анализе, и не защитить ли эту работу по психологии?

Итак, наверное, в конце осени 1969 года я засел за подготовку нового текста. Первое, с чем я столкнулся, с неумением писать развернутые тексты, тем более – психологические. Математические тексты – совсем другие, они - формульные, слова играют лишь роль связок. Первые страницы новой диссертации писались с огромным трудом, но все же я учился писать, и текст постепенно рос. И здесь – обстоятельства помогли. Как молодого сотрудника, не очень загруженного преподаванием (мне дали небольшое количество часов по математике на кафедре экономике), меня откомандировали в штаб по подготовке и проведению Всесоюзной переписи населения 1970 года. Был некий предварительный тренинг, потом – раскладка документов, знакомство с выделенным мне маршрутом, собственно работа в поле и, наконец, участие в проверке полноты заполнения переписных листов. Не помню, на какой срок меня откомандировали (собственно перепись проходила с 15 по 22 января 1970 г.), но те несколько недель очень помогли мне в работе над диссертацией. Я быстро справлялся с тем, что должен был делать в Штабе, и потом спокойно работал в Публичной

библиотеке на Невском проспекте. В 1968 и 1969 гг. у меня было опубликовано восемь статей и тезисов, что вполне соответствовало требования, предъявляемым к работам кандидатского уровня. Так что о публикациях я не волновался.

К началу лета был готов текст, и я пошел с ним к И.М. Палею, под руководством которого я осваивал искусство интерпретации результатов факторизации корреляционных матриц, с просьбой стать титульным руководителем работы. Он все посмотрел и к моему сожалению, отказался, сказав, что лучше, если им станет декан факультета, один из крупнейших советских психологов Борис Герасимович Ананьев. Значение этого шага я понял с годами, конечно, исследование по факторному анализу, сделанное математиком, требовало более мощной внешней поддержки. Ананьев знал меня по выступлениям на семинаре его кафедры, в русле его концепции комплексного исследования человека работали сотрудники, материалы которых факторизовались, он рекомендовал 2-3 мои статьи в журналы и сборники.

Пролистав текст, Борис Герасимович сделал одно, но достойное академика замечание; надо внимательнее рассмотреть вопросы миграции факторного анализа в различные отрасли психологии и вообще порассуждать о миграции метода в науке. Вряд ли я тогда в ходе 10-15 минутной встречи верно понял смысл слов Ананьева, но я постарался максимально учесть его предложение. Реальную же глубину его идеи, мне кажется, я оценил уже в начале 2000-х, когда изучал зарождение технологии опросов общественного мнения в США.

В завершение беседы Ананьев спросил, сдан ли у меня кандидатский минимум по психологии. Я сказал, что еще нет, хотя я даже не начинал готовиться к нему. Он вызвал секретаря кафедры и попросил ее включить меня в группу тех, кто будет сдавать минимум в ближайшее время. Выйдя из кабинета Ананьева, зашел за программой экзамена, это был длинный перечень вопросов и на нескольких страницах список литературы.

Но самым убийственным было то, что экзамен должен был состояться недели через три. Отступать было некуда, я пошел сдавать экзамен вместе с теми, кто изучал психологию пять лет по университетской программе и готовился к экзамену уже в аспирантуре... Конечно, выглядел я бледно, но «тройку» поставили.

В течение лета и начало осени я дорабатывал текст диссертации, и в начале нового учебного года снова пришел с ним к Ананьеву. Борис Герасимович очень удивился тому, что текст еще без переплета, попросил переплести, а ему занести страницу с оглавлением. На ближайшем Совете мне назначили официальных оппонентов и утвердили автореферат. Не помню, в каком режиме я жил следующие несколько месяцев, но в конце декабря 1970 я успешно защитился. Работа называлась «Факторный анализ в психофизиологическом исследовании человека». Еще через три месяца пришла открытка из ВАК, сообщавшая о присвоении мне ученой степени кандидата психологических наук. Я думаю, что решение было принято столь быстро, потому что руководителем был академик АПН Б.Г. Ананьев, первым оппонентом – чл.корр. АПН В.Д. Небылицын, а вторым оппонентом – к тому времени уже известный психолог, кандидат (вскоре доктор) наук В.А. Ганзен.

В то время факторный анализ входил в «моду», и я оказался единственным в Ленинграде, кто в целом знал его историю, математическое обоснование и важнейшие алгоритмы, умел обработать данные и владел методологией интерпретации итогов расчетов. У меня было желание, и существовал запрос на продолжение исследований в области теории и практики факторного анализа, но разворачивать это направление в ЛВПШ было невозможно, тем более, что в 1969 году Здравомыслов вынужден был уйти из этого Вуза. К тому же произошли два события, лишившие меня возможности рассчитывать на внешнюю поддержку. В мае 1971 года после серии инфарктов умер

Б.Г.Ананьев, а 1 октября в авиакатастрофе погиб В.Д. Небылицын, которому было лишь 42 года.

Борис, я бы отметила здесь невероятно острый по совокупности момент, с одной стороны, ты приобрел максимум на то время профессиональной зрелости и уникальной квалификации, а, с другой, драматические обстоятельства лишают тебя поддержки и статуса «ведомости». Как ты распорядился этой неожиданной свободой?

Я был на похоронах Ананьева, виделся там с Небылицыным. Ужаснулся, когда узнал о его гибели, самолет, на котором он с женой летел, по-моему, из Адлера, через несколько минут после взлета упал в море...

Но ты уже заметила, я привык работать самостоятельно и достаточно легко переходил из одной области исследований в другую. Выше я тебе немного рассказал о Б.Г. Кузнецове, недавно я в который раз перечитывал его небольшую книжку «Встречи», в которой он вспоминал о людях, оставивших яркий след в его жизни, и реально формировавших его понимание науки. Назову лишь некоторых из этих общеизвестных имен: Г.М. Кржижановский, В.Л. Комаров, В.И. Вернадский, Я.И. Френкель, И.Е. Тамм, А.Ф. Иоффе, Фредерик Жолио-Кюри, Луи де Бройль; и это не все те, кому посвящены специальные главки, но почти в каждой вспоминаются и другие значимые для развития науки люди. И вот в разделе о встречах с Президентом АН Комаровым Б.Г., говоря о некоторой хаотичности своих интересов, приводит в несколько перефразируемом им виде высказывание Ларисы Рейснер: «Если у Вас слишком много различных научных склонностей, то еще не все потеряно: Вы можете стать историком науки». Конечно, Б.Г. имел в виду себя, но теперь я тешу этой фразой и себя.

В начале 1971 года, после трех лет работы в ЛВПШ, закончился первый этап моего вхождения в социологию, к тому времени я в

целом был знаком с основными работами отечественных социологов, но имел крайне ограниченный, скудный опыт участия в полевых исследованиях; бюджетное обследование и еще один опрос на нескольких предприятиях города. Поэтому в апреле 1971 года я с интересом воспринял мое включение Здравомысловым во временную группу, созданную Обкомом КПСС, для изучения (в лексике того времени) участия рабочих в управлении делами коллективов. То была в буквальном смысле «звездная команда», собранная из ученых разных институций: Леонид Бляхман, Андрей Здравомыслов, Борис Фирсов, Овсей Шкаратан и Владимир Ядов. Я отвечал за обработку информации на ЭВМ. Успешное осуществление этого проекта привело Ленинградский обком партии к решению о создании системы по изучению общественного мнения работающего населения города и поручили выполнение этого никому не понятного дела Борису Максимовичу Фирсову.

О феерическом организационном опыте и огромной трудоспособности Фирсова я слышал и раньше, многие среди сотрудников ЛВПШ работали с ним, как тогда говорили, «в комсомоле» и в «партии». Но познакомились мы с ним в ходе проведения названного исследования. По-видимому, он пригляделся ко мне, и уже зная меня в работе, договорился с ЛВПШ о включении меня в его группу (вместе с ним это было три человека). Вспоминая прошедшие с тех пор четыре с половиной десятилетия, могу с уверенностью сказать, что произошедшее в силу двух обстоятельств имело принципиальное значение в моей жизни. Первое – методология, технология изучения общественного мнения навсегда стали главной темой моих исследований; второе – работа и дружба с Фирсовым стали одной из главных составляющих всей моей жизни.

В 1971 году мне исполнилось 30 лет, Фирсову – 42. Но нас разделяли, не просто 12 лет, критически несопоставим был наш жизненный опыт. У меня: долгие годы учебы и три года работы,

тогда как описание прожитого Фирсовым уже тогда составило бы толстую книгу захватывающего содержания. Все 900 дней Ленинградской блокады, законченный с отличием Электротехнический институт, ответственная работа в комсомоле и руководство центральным в городе райкомом партии, в котором располагались все творческие союзы города, многие театры, Эрмитаж и другие главные музеи города. Фирсов был первым директором Ленинградского телевидения, и эти годы вошли в историю телевидения как «золотые». Затем было его «громкое» освобождение от этой должности и дневная аспирантура по социологии под руководством давнего друга – Владимира Ядова, обстоятельное изучение в Англии опыта Би-Би-Си, защита кандидатской диссертации на базе представительного опроса ленинградской телеаудитории. Уже к тому времени Фирсов побывал во многих странах, имел дружеские отношения с руководителями средств массовой информации Восточно-Европейских государств и прочее.

По-видимому, мне нужен был контакт с человеком старше меня для уточнения своих политико-идеологических и жизненных ориентиров. В ЛВПШ я встречал и убежденных ленинцев-сталинистов, и людей, принявших идеалы политической «оттепели». Среди последних я назову, конечно же, А.Г. Здравомыслова и моего советчика в сложных жизненных проблемах профессора Юрия Яковлевича Баскина, юриста, историка философии и социолога. Ярким, убежденным «шестидесятником» был и Фирсов, воззрения которого на политическую систему во многом были отполированы Борисом Борисовичем Вахтиным – ученым-китаистом, писателем, переводчиком, сценаристом. В 1960-е годы он был фактически неформальным лидером молодых ленинградских писателей, был близок к правозащитному движению, подписывал обращения в защиту политзаключенных. В воспоминаниях о том времени, Вахтина называют самым свободным человеком в Ленинграде.

Так формировалось и мое мировоззрение. Прошло много лет после описываемых событий, и в 2005 году, продумывая план интервью с Ядовым, я почувствовал некий дискомфорт, вызванный тем, что в вопросах интервью буду обращаться к нему по имени и отчеству. Поэтому я написал ему: «Дорогой В.А., Вы подписываете Ваши письма добрым Володя, можно мне так к Вам и обращаться? Мне было бы это очень дорого». В его ответе было даже большее. Предложение обращаться к нему на «ты», и здесь крайне интересна и важна приведенная им аргументация: «О, само собой. Разница в возрасте 15-30 лет огромна. В наше время это разные поколения. Но мы по сути в одном поколении “шестидесятников”. Уже этого достаточно чтобы обращаться на “ты”». От таких слов, конечно, стало тепло на душе.

Я был откомандирован к Фирсову на время, под конкретное дело, и я уверен, если бы мы не сработались, никакая партийная дисциплина не могла бы принудить нас к сотрудничеству, тем более, что временами наша работа была сложной и крайне напряженной. Фирсов никогда не подчеркивал своего «начальственного» статуса. И поскольку мы работали вместе до моего отъезда в США, я могу сказать, что у меня никогда не было «начальников» в общепринятом смысле этого слова.

В методических традициях при том материально-техническом обеспечении, которые были характерны для советской социологии самого начала 1970-х годов, мы успешно решили стоявшую перед нами задачу. Был создан план выборки, реализация которого позволяла осуществлять опрос, репрезентировавшей рабочее население Ленинграда по ряду важнейших параметров: отраслевой состав, величина предприятия, характер труда, пол, возраст, образование и партийность. Анкетирование проводилось на 100 «точка», в каждом случае опрашивалось 10 человек. Время полевой фазы, от момента начала опроса до выдачи первичных результатов, составляло 24 часа. И все это было задолго до появления мобильных телефонов и персональных компьютеров и

при весьма ограниченных возможностях использования автомобилей. Более того, предвидя сложности с вводом больших массив информации в ЭВМ, все расчеты в нашем первом зондаже общественного мнения осуществлялись на сегодня забытой и потому не известной счетно-перфорационной технике. «Каменный век», но сделанное нами тогда казалось фантастикой.

В 2005 году, вспоминая наш первый опрос в апреле 1971 года, Фирсов в процессе интервью отметил, что то был «прыжок в незнаемое», мы «провели по всем правилам опрос общественного мнения об отношении рабочих и служащих Ленинграда к решениям XXIV съезда КПСС». Через неделю с целью проверки устойчивости полученных данных мы повторили опрос. Позже мы дорабатывали нашу организационную схему, перешли на ЭВМ и многократно проводили опросы, доказывая возможность оперативного обеспечения партийного руководства города данными о структуре мнений работающих ленинградцев. Позже мы изучали отношения ленинградцев к XXV, XXVI съездам КПСС, измеряли их отношение к итогам завершавшихся пятилеток, анализировали отношение к деятельности СМИ. По подсчетам Фирсова в 1971-1984 гг. было проведено 15 исследований общественного мнения. Свой рассказ он завершил словами: «Тогдашние цензурные условия и правило, согласно которому вся деятельность партии не подлежала оглашению в открытой печати, не позволили опубликовать результаты опросов общественного мнения в интересах партии. Когда-нибудь будут сняты замки секретности с этой работы, и я расскажу о ней подробно» [6]. Но примерно через год в архиве Ленинградского обкома партии Фирсову удалось найти тома наших материалов; тогда у меня появилась надежда на то, что сделанное можно будет опубликовать. Думал, вот она – машина времени, встреча с молодостью... Не получилось, может быть когда-либо, кто-либо и проанализирует сделанное. Это уже будет историко-политическое исследование.

Борис, а как тогда в Вашей команде понимали сам сюжет – общественное мнение. Насколько мнение, насколько общественное?

Лена, твой вопрос закономерен, но он – во многом продукт многих дискуссий последних лет, в начале 1970-х ситуация смотрелась несколько иначе, ведь если бы Б.А. Грушин занимался лишь изучением феноменологии общественного мнения, то никаких опросов он не проводил бы. В 2008-2009 гг. мы с Фирсовым постарались вспомнить, как мы в 1970-е проводили опросы. Тогда я задал ему вопрос: «Ты помнишь двустишие Эрика Соловьева о первых опросах Бориса Грушина... он «занимался серьезно вполне / общественным мненьем в безгласной стране» [7]. Игорь Кон говорил нам: Борисы, что вы изучаете, общественного мнения у нас нет. Что ты думал по этому поводу в те годы?». Фирсов ответил, осознанно в сослагательном наклонении: «Уже в ту пору, в 60-е годы, стало ясно - опросы Грушинского Института общественного мнения при газете «Комсомольская правда» тому порукой - общественное мнение было готово к тому, чтобы заявить о себе во весь голос. Чем солиднее, надежнее были бы гарантии его публичного выражения, тем сильнее и откровеннее оно звучало бы как голос народа». Но действовали много табу и запретов, и Фирсов отметил, что люди на самом деле думали обо всем на свете, но рассуждать вслух и боялись, и не соглашались, и не хотели «колоться», не зная истинных целей и не понимая назначения опросов. Но при этом он добавил, что в каком-то смысле в роли замедлителя выступала и сама социологическая наука, ментально не готовая к тому, чтобы спрашивать всех и каждого *обо всем на свете.* И далее: «Вспомни, как мы мучительно сочиняли первые методики опросов об отношении к съездам КПСС брежневской эпохи и планам пятилеток. Язык методик был натруженным, напряженным, пропитанным новоязом, далекий от естественного диалога с людьми. Самоцензура сильнейшая!» [7]. Но я тебе скажу, не было бы первых опросов Грушина, изучения

общественного мнения во многих регионах, в том числе, в Ленинграде, не возник бы в конце 1980-х ВЦИОМ. Знаешь, не было бы алхимии, не было бы и химии.

Что касается меня, то я еще долго оставался по своим мозгам математиком-позитивистом, и для меня то, что мы измеряли было общественным мнением, и дальше я не шел.

Постепенно работа с Фирсовым становилась моим главным делом, но я все еще оставался сотрудником ЛВПШ, освоил некоторые разделы диамата и вел семинарские занятия. Вместе с тем я не испытывал интереса к преподаванию философии и не задумывался о разработке тех или иных проблем философии. Поэтому, когда Фирсову позволили несколько увеличить численность его группы в Институте конкретных социологических исследований АН СССР, я подал документы на конкурс, и 1 сентября 1973 года стал работать в этом институте. При этом за мною еще несколько лет сохранялась небольшая преподавательская нагрузка в ЛВПШ. Деньги были небольшие, но в те годы получить разрешение на совместительство было крайне сложно, оно, и то нечасто, давалось лишь докторам наук, профессорам. Потом я на какое-то время уходил из ЛВПШ, т.к. в начале 1980-х партийное руководство города высказало недоверие нашей деятельности, однако в начале перестройки меня вновь позвали туда читать методологию социологии. К моему удивлению, к 1990 году у меня набрался приличный преподавательский стаж, и я – миную доцентство – в 1991 году, уже будучи доктором наук, стал профессором прикладной социологии и социальной психологии. По-видимому в ВАК-е «учли» мою кандидатскую диссертацию по психологии.

Борис, наверное, естественно предположить, что с переходом в ИКСИ окончился период твоего вхождения в социологию, что происходило дальше? И какими размышлениями о месте социологии в позднесоветском обществе, ее востребованности ты с коллегами был занят?

В каком-то смысле, да, в социологии я что-то уже знал и умел. Как ты видишь, опять в моей жизни, как при переходе из студенчества в аспирантуру, внешне мало что изменилось. В команде Фирсова я продолжал участвовать в проведении опросов общественного мнения, но социологом я себя еще не считал. Прежде всего, поскольку за годы работы в ЛВПШ и зондировании установок я все же не нашел «своей темы». Я продолжал считать себя математиком, работавшим в социологии. Тематика, которой я занимался в годы работы в ЛВПШ, носила закрытый характер, так что за все это время я ничего не публиковал. Мои первые после защиты диссертации три статьи появились лишь в 1975-76 гг. Две из них были опубликованные в основанном в 1974 году журнале «Социологические исследования». Одна (1975 г.) – совместно с Фирсовым – о формализации социологических анкет [8]; то было описание логики, заложенной в программу обработки результатов наших анкетных опросов; конечно, там и намека на изучение общественного мнения не было. Вторая (1976 г.) – описание небольшого курса «Математические методы социологии» [9], который я год или два читал на факультете психологии ЛГУ. В общем это были статьи – скорее «технические», чем научные.

Выше я писал, что в аспирантские годы интерес к биографиям ученых начал фокусироваться на тех, кто а помощью математических методов стал исследовать законы эволюции живого мира. Когда диссертация была защищена, я, конечно же, смог больше времени и внимания уделить изучению этого направления и, чтобы сказанное не звучало как общее заявление, кратко опишу возникновение всеми известного коэффициента корреляции. Но речь пойдет не о формуле его исчисления, а о самом понятии. Гальтона интересовало соотношение между ростом родителей и детей, он пытался понять, почему на определенном, достаточно продолжительном интервале времени средний рост людей одной этнической общности сохраняется. Для этого в 1888 году он ввел понятое co-relation (co-relation or

correlation of structure) и показал, что неизменность среднего роста определяется тем, что дети высоких родителей в среднем выше, чем низких, но при этом в среднем дети высоких родителей ниже их родителей. И, наоборот, в среднем дети невысоких родителей, ниже детей высоких, но они в среднем выше своих родителей. Таким образом, он выявил наличие корреляции (соотношения) между ростом детей и родителей, т.р. описал один из наследственных механизмов. Этот и другие результаты Гальтона, а позже – Пирсона привели к созданию новой науки «биометрики», выработавшей общие правила обработки биологических и психологических измерений. Они быстро мигрировали в другие науки и стали универсальными. Аналогичное произошло с со Спирменовскими приемами обработки школьных оценок (1904 г.), давших импульс развитию факторного анализа. Он пытался выявить структуру интеллекта и разработал общий метод обнаружения скрытых, латентных переменных, детерминирующих изменчивость наблюдаемых переменных.

Думаю, что не позже 1973 года я написал статью «“Принцип корреляции” и развитие математической теории корреляции», но она была опубликована лишь в 1975 году в «Трудах Ленинградского общества естествоиспытателей» [10] - площадке, наиболее подходящей для рассмотрения историко-биометрических тем. Работая дальше в этом русле, я через пару лет заинтересовался сначала генезисом известных в математической статистике кривых Пирсона, а затем – его философскими работами и биографией. Он был энциклопедически образованным и бесконечно преданным науке человеком. Мне доставляло огромную радость изучать его жизнь и наследие. Но я понимал, что не смогу издать книгу о Пирсоне, а без нее меня не допустят до защиты докторской. Поэтому я все же жестко нормировал время для изучения сделанного Пирсоном, а в конце 1970-х вообще законсервировал эту работу. Времени на нее совсем не оставалось. В 1993 году, когда я начал готовиться к отъезду в США, я собрал все конспекты

и переводы, сложил в большую коробку микрофильмы его публикаций и отнес на помойку. Я понимал, что вернуться к этой работе в Америке не смогу. Так закончился мой первый опыт серьезного историко-биографического анализа. Однако, в начале этого века, когда я незаметно для себя втянулся в изучение биографии Джорджа Гэллапа, у меня не было такого ощущения, что я иду совсем незнакомой дорогой. И был рад и удивлен, когда обнаружил, что среди профессоров, учивших Гэллапа, были ученики Гальтона.

Итак, по конкурсу я прошел в ИКСИ АН СССР, и формально я работал в Москве, но реально – в Ленинградских секторах этого института. Никаких административных структур у нас не было, был лишь один начальник, лидер, старший коллега, друг – Владимир Александрович Ядов. Но верно в нашем интервью Фирсов заметил, что в 1975 г. нашей свободной научной жизни и работе в ленинградских секторах ИКСИ АН СССР пришел конец. Ленинградский обком партии, обнаружил быстрый ростом численности филиалов, отделений и секторов московских академических институтов социального профиля и решил собрать всех «до кучи» в Институте социально-экономических проблем АН СССР. Объединение это получилось весьма формальным, к тому же мы оказались не в Отделении философии и права АН СССР, как ИКСИ, а Отделении экономики. Довольно быстро тематика института все более становилась «экономической» и все менее – социологической. Нашему сектору несколько повезло, поскольку оно проводило исследованиями общественного мнения по прямому задания партийного руководства города, но – как вскоре показала жизнь – это не спасло нас от закрытия тематики и разгона коллектива.

Постоянное ощущение неопределенности объясняет то, почему я не искал активно область собственных научных исследований внутри социологии общественного мнения, но анализировал истоки математической статистики (биометрики). Изучение

биографии и наследия Пирсона не было самоцелью. Безусловно, время шло, и я начинал задумываться о собственной теме, по который в обозримый срок можно было подготовить докторскую диссертацию. И Фирсов, и я понимали, что это не может быть общественное мнение. И не только в силу секретности результатов, в конце концов тогда существовали закрытые защиты, но, скажем так, – по совокупности обстоятельств. Сам Фирсов продолжал разрабатывать проблематику массовой коммуникации, отчасти на материалах наших замеров, но в большей степени на международной статистике и литературе. Хотя у меня было два-три выступления в Ленинградском отделении Института истории естествознания и техники по биометрической тематике, я не думал о работе над докторской в этой нише науке.

А о чем ты думал, размышляя о докторской?

У меня постепенно накопились публикации по надежности социологического измерения, статьи, тезисы, даже книга. Иллюстрировать свои рассуждения материалами опросов я не мог, но наш партийный куратор, очень высокого уровня функционер, сказал, что я могу: а) не скрывать своего участия в опросах и б) даже раскрыть организационную схему сбора данных. Мне этого было достаточно, измерение я трактовал как итог серии шагов, измерительную цепь, и организация опроса, конечно, была звеном этой цепи. К тому же у меня накопился свой уникальный материал – обеспечение высокого возврата в почтовых опросах, никто в СССР его так не изучал, как я. Короче, в начале 1980 года ученый совет ИСЭПа предоставил мне годовой отпуск для написания диссертации. Была одобрена тема, связанная с надежностью результатов исследования общественного мнения.

Первое обсуждение диссертации состоялось летом 1982 года. Текст был сырым, мне набросали много замечаний. Приятного в этом было мало, но через несколько месяцев я «оклемался» и заново переписал работу, придав ей принципиально иную структуру. Все стало выглядеть логично и компактно. На

повторном обсуждении работу рекомендовали к защите. Но как раз в то время началось создаваться «дело» против Фирсова, усилилось тотальное давление на сотрудников социологического отдела, и вокруг моей диссертации сложилась патовая ситуация. Защита предполагалась в Москве, в Институте социологии РАН; но дирекция ИСЭПа и руководство отдела организовали большую бюрократическую игру: получение рекомендации Совета института заняло более полугода. Правда, потом все шло достаточно быстро, и в апреле 1985 года состоялась защита диссертации «Методологические, методические и организационные проблемы обеспечения надежности результатов исследований общественного мнения». Позитивное ВАКовское решение было получено в октябре.

Тогда меня поддержали мои оппоненты: Н.М. Блинов, в то время – сотрудник ЦК КПСС, Б.А. Грушин, Ю.А. Замошкин и Ж.Т. Тощенко, который заведовал кафедрой социологии в Академии общественных наук при ЦК КПСС. Так что я шел на защиту и как сотрудник АН СССР, и как участник команды аналитиков общественного мнения, работавших на Ленинградский Обком КПСС.

С Грушиным я познакомился за день до защиты, заехал к нему за отзывом, а до этого я и свои публикации, и рукопись диссертации оставлял на его рабочем столе в Институте философии АН СССР. А сразу после защиты обнаружили нечто общее в наших привычках. Мне выделили в Институте социологии комнату, чтобы после защиты можно было немного посидеть; друзья помогли, притащили все, что надо. Но было одно условие, после нашего ухода должно было быть чисто. В какой-то момент, уловив, что потихоньку можно начинать уборку, я собрал первую партию посуды и пошел ее мыть в мужской туалет, где была и горячая вода. Через какое-то время заглянул туда Борис Андреевич, заметил, что я «профессионально» мою посуду, и

сказал, что он любит мыть посуду, так как приятно ощущать соприкосновение с горячей водой. В этом мы оказались близки...
Но наши отношения стали дружественными несколько позже.
1 сентября 1988 года мне позвонил руководитель сети по сбору данных ВЦИОМа Яков Самуилович Капелюш. Он сказал, что через несколько дней в Ленинграде будет Татьяна Ивановна Заславская и просил встретиться с нею. Создавалась общесоюзная сеть по сбору данных об общественном мнении, и мне было предложено организовать Северо-западное отделение ВЦИОМа. Я согласился, Грушин приезжал в Ленинград, обсуждал все это с партийными структурами. В конце года мы приступили к проведению опросов в Ленинграде и ряде областей Северо-запада страны.
Пару лет я возглавлял нашу группу из четырех человек, а потом передал руководство Николаю Владимировичу Ядову. С тех пор много воды утекло, в 1994 году группа превратилась в российско-финскую компанию «Той-Опинион». Много лет прошло, но начатое продолжает жить.
Отойдя от организационной работы, я остался во ВЦИОМе на позиции научного сотрудника, провел ряд методических исследований и опросов по экологической проблематике. Несколько лет работы во ВЦИОМе оказались для меня очень плодотворными. Я лучше узнал Б.А. Грушина, понял его отношение к делу: это — горение. Я познакомился с Юрием Александровичем Левадой и группой его учеников-коллег, сильных социологов, многие годы до ВЦИОМа занимавшихся философией и культурологией. Я увидел, что такое фабрика по проведению опросов общественного мнения.
Борис, а твое мнение о Леваде, какое впечатление он на тебя произвел?
Итак, это был конец 1980-х, начало деятельности ВЦИОМ, у меня было такое ощущение, что пришло новое время, что наконец-то можно будет выйти из подполья, к которому мы привыкли за

долгие годы изучения общественного мнения в Ленинграде. ВЦИОМ тогда размещался в «Доме туриста» на Юго-Западе, ему были выделены там несколько обычных гостиничных номеров на одном или двух этажах. Не знаю, как вспоминают то время мои коллеги, работавшие там, но для меня это был праздник. И как-то Грушин сказал мне, что теперь во ВЦИОМе работает команда Левады.

Я пришел в социологию давно, но все же не застал ее начальный этап, когда социологов было совсем мало, и, можно сказать, «все знали друг друга»; я не участвовал в легендарных конференциях в эстонском поселке «Кяэрику», в известной конференции в Сухуми, где обсуждались вопросы использования математических методов в социологии. И вообще, работа в Ленинградской партийной школе не предполагала активных поездок на различные социологические «посиделки». Все это пришло позже, когда я стал работать в Академии наук. Так что о «деле Левады» я узнал много позже всех этих событий. Когда же я стал часто бывать в Москве, то, прежде всего, в Институте социологии, о семинарах Левады слышал, но никогда не был на них, а Юрий Александрович в Ленинград не приезжал. Впервые, в начале перестройки, его пригласил в Ленинград Ядов, чтобы принять участие в широко обсуждавшейся тогда телевизионной программе «Общественное мнение», которую вели супруги Тамара и Владимир Максимовы.

Несколько раз я заходил в комнату, в которой команда Левады разбирала почту, мешки писем, это были ответы на, по-моему, первый большой опрос ВЦИОМ. Конечно, я понял, кто из «сортировщиков» почты – Левада, но обратился к нему, когда он был не при деле. Подошел и сказал: «Я – Борис Докторов», он ответил: «Я знаю». И все, наше знакомство состоялось. Я несколько раз выступал на семинаре Левады, бывал с ним за границей, узнал его. Вскоре после скоропостижной смерти Юрия Александровича в ноябре 2006 года я опубликовал несколько биографических текстов о нем, а после смерти Грушина в сентября

2007 г., - статью «Борис Грушин и Юрий Левада. Начало постбиографий» [11]. К настоящему времени, благодаря большой работе Нины Васильевны Левады, издано несколько книг с публикациями Юрия Александровича разных лет и воспоминаниями о нем, и пришло время книги о его жизни и научном наследии. Я думаю об этом, но торопиться не буду, может быть, о нем напишет кто-либо из тех, кто знал его много дольше и лучше меня. В статье «Жизнь в поисках "настоящей правды". Заметки к биографии Ю.А. Левады» [12] мне показалось оправданным обратиться к рассказу-притче Э. Хемингуэя «Старик и море», в нем есть слова: «... старик любил уходить далеко от берега. Только там он мог поймать по-настоящему крупную рыбу, там он оставался один, наблюдал море и небо, говорил сам с собою». В Леваде, на мой взгляд, что-то было от Старика. Не знаю, получится ли мне в будущем, используя смысл этой метафоры, полнее раскрыть прожитое и сделанное Левадой, или придется обратиться к другим литературным образам, но я продолжаю мои поиски.

Не хотелось бы комкать рассказ о десятилетии между защитой докторской диссертации и отъездом в Америку, оно было крайне насыщено разными важными для меня событиями. Все развивалось успешно, работал с интересом, преподавал, много ездил по стране и начинал осваивать Запад. Одно время я был руководителем Ленинградского отделения Советской социологической ассоциации. Работы было много. За пару лет были созданы филиалы Ассоциации в Пскове, Новгороде и Петрозаводске. Поддержку получали создававшиеся в Ленинграде независимые исследовательские структуры. Тогда это все было новым; люди приходили ко мне за советами, и в сложных случаях я руководствовался простым принципом: не можешь помочь — не мешай.

Я чувствую, что мы приближаемся к обсуждению твоей американской жизни, но прежде – хочу спросить тебя о твоем

«театральном проекте», ты в начале нашей беседы упомянул об изучении Ленинградского драматического театра...

Спасибо, этот проект, хотя это понятие применительно к социологическим исследованиям тогда не использовалось, крайне важен в процессе моего становления социологом. По-моему, сентябре-начале октября 1973 года, сразу после моего ухода из ЛВПШ и начала работ? В АН СССР, меня – еще как математика – пригласили в группу «Социология и театр», созданную тогда кандидатом, а ныне – доктором искусствоведения, сотрудником Ленинградского Института театра музыки и кинематографии Виталием Николаевичем Дмитриевским. В этой группе все было необычно, от состава и организации работы до тематики и характера деятельности.

Парой месяцев раньше меня в нее вошли социологи (с 1975 года мы стали работать в ИСЭП АН СССР) Андрей Николаевич Алексеев и Олег Борисович Божков и немного позже – наш коллега по ИСЭП Леонид Евсеевич Кесельман. Каждый из нас в то время уже имел солидный опыт участия в социологических исследованиях. Затем к группе присоединились ведущие ленинградские театроведы доктора искусствоведения Анатолий Яковлевич Альтшуллер и Юрий Михайлович Барбой, а также специалист в области экономики театра Борис Николаевич Кудрявцев. После переезда Дмитриевского в Москву руководителем нашей команды стал Б.М. Фирсов.

Заказчиком и финансистом проекта было Ленинградское отделение Всероссийского театрального общества (ВТО), но наша группа была скорее артелью, чем некоей административной структурой. Ежеквартально каждый из нас оформлял контракт с ВТО, и по завершению его мог спокойно выйти из этой структуры. Но такого не было, объединение социологов и театроведов просуществовало более десяти лет. Работали мы студийно, собирались раз в неделю в конце рабочего дня и до ночи все обсуждали: весело, неформально, но серьезно и ответственно.

Исследования носили многоплановый характер, но главным делом был социолого-театроведеческий мониторинг драматического репертуара города. Сейчас мне самому в это трудно поверить, но свыше десятилетия группой высококвалифицированных ленинградских театроведов и театральных критиков ежегодно оценивались все новые постановки драматических театров. В нашу задачу входила организация экспертизы, разработка необходимого измерительного инструментария, обработка и анализ полученной информации и, возможно, самое трудное, доведение до театров итогов экспертизы.

Первые обобщенные итоги нашего социолого-театроведческого анализа обсуждались, скорее всего, на стыке 1974–1975 годов. Были главные режиссеры театров, члены Правления Ленинградского ВТО, председательствовал известный актер Ю.В. Толубеев, обладатель всех высших профессиональных званий и государственных наград. Прошло сорок лет, и я уже не помню наших первых результатов, но невозможно забыть атмосферу той встречи. Обсуждение было очень напряженным, подвергалась сомнению сама возможность измерения качества театральных спектаклей, в высшей степени критическими были замечания руководителей театров по поводу наших выводов относительно конкретных постановок. Не могу вспомнить выступления Г.А. Товстоногова и других «главных», но помню эмоциональное выступление И.В. Владимирова, возглавлявшего театр им. Ленсовета. Он полностью разнес все наши построения и не верил ни одному из выводов... именно тогда я впервые осознал, что сердце расположено в левой части груди...

По-моему, к взвешенной оценке наших трудов призывали К.Ю. Лавров и ряд театроведов, участвовавших в экспертизе и знавших суть нашего метода... нашу команду сохранили, предоставив нам право продолжить исследования. Постепенно наш социолого-театроведческий мониторинг был принят театральным сообществом, и нередко театральные критики ссылались на наши

результаты в подтверждение своих наблюдений и выводов о конкретных спектаклях или о деятельности того или иного театра.
До конца 1970-х в мою задачу входило изучение надежности наших экспертных процедур и обработка первичной информации. В те годы я еще не совсем отошел от увлечения факторным анализом, и потому в ряде моих публикаций рассматривались результаты применения этого метода для типологизации театральных постановок. До начала работы в группе «Социология и театр» у меня был очень узкий взгляд на тематику и методы социологии. Обсуждение принципиальных возможностей и конкретных приемов изучения театрального репертуара, объекта, весьма непростого для измерения, способствовало формированию того видения теоретико-эмпирических проблем социологических исследований, которые позже оформились в диссертационной работе. Исследования по театральной тематике были для меня еще потому значимыми, что я, наконец, получил возможность для публикации своих работ и участия в научных конференциях.
В начале второй половины 1980-х вслед за общими социальными изменениями начал меняться театр, трансформировалась жизнь театрального сообщества, и наши социолого-театроведческие поиски как-то прекратились. Но сделанное живо. Мы опубликовали в те годы несколько книг-сборников и множество статей. А в 2013 г. Дмитриевским, сохранившим значительную часть архива группы, была издана книга «Театр и публика», в которой соединены наши коллективные монографии 1979 и 1981 гг. [13].

Ничего себе, «пропустили» такую важную часть твоей жизни... может быть, еще о каких-либо солидных проектах следует вспомнить и рассказать?

Ты права, да, есть три исследования, которые следует хотя бы назвать.
По отношению к первому – все по-Фрейду. С конца 1970-х до начала 80-х под руководством Б.М. Фирсова развивался советско-

венгерское исследование деятельности средств массовой коммуникации в социалистическом обществе. Было проведено несколько симпозиумов в Ленинграде и Будапеште, выпущено несколько сборников. Постепенно в центре нашего внимания оказались проблемы экологии, отношение к ним населения, экспертов и пр. Эта проблематика тогда только входила в советскую социологию, становилась актуальной. К нам присоединились наши коллеги из Эстонии, Литвы и Финляндии, был мощнейший по тем временам проект, вышло несколько сборников теоретико-методологического характера. Но Ленинградское партийное руководство и Дирекция ИСЭП не приветствовали изучение экологического сознания, и было сделано все, чтобы закрыть это исследование. Некоторые результаты наших опросов об отношении ленинградцев к медицинскому обслуживанию попали к помощникам Генерального Секретаря ЦК КПСС Ю. Андропова в обход «хозяина» Ленинграда Г. Романова. Началось служебное расследование, нашли еще какие-то прегрешения в наших контактах с иностранными коллегами, и в октябре 1984 года, накануне перестройки, бюро ленинградского обкома КПСС объявило Фирсову строгий выговор с занесением в учетную карточку (выше наказание – лишь исключение из партии) и ему было предложено уйти из ИСЭП.

Почему я сказал выше, что это «Фрейдовский сюжет»? Потому что ни Фирсов в интервью, которое я проводил с ним, ни я в интервью, в котором отвечал на вопросы Фирсова, не вспомнили об это проекте. Бывает же такое...

Второй проект - это уже перестроечное и начало постперестроечного времени; мы – небольшая группа, оставшаяся от сектора, которым руководил Фирсов – в 1985 или 1986 гг. начали изучение экономического сознания. В этом выборе темы было стремление откликнуться на первые перестроечного реформы и опереться на опыт многолетнего исследования экологического сознания. Нашей задачей было определить

зависимость между отношением людей к только возникавшим элементам несоциалистической экономики и их восприятием различных этапов истории СССР. Итогом деятельности сектора стала небольшая коллективная монография, содержавшая ряд интересных предметных и методических находок [14].

Через несколько лет группа была преобразована (уже в Санкт-Петербургском филиале Института социологии РАН) в сектор, но наступили совсем худые времена, денег не платили месяцами, потому от коллективной темы пришлось отказаться, и каждый сотрудник сектора стал работать в своем направлении. Я же немного окунулся (конечно же) в прошлое: около года я занимался дореволюционными социо-экономическими исследованиями русских ученых. Если бы не революция 1917 года, то это направление могло дать импульс изучению общественного мнения населения России по достаточно широкому кругу социально-экономических и нравственных проблем.

О том, как мы жили в то время, написала в своем эссе моя бывшая сотрудница Светлана Лурье, теперь доктор культурологии: «Заведующий нашим сектором Б. З. Докторов вообще исповедовал потрясающую теорию научного руководства: не мешать сотрудникам, не вмешиваться в их дела, ограничив весь контроль ежегодным устным докладом на вольную тему. Чем меньше контроля — тем плодотворнее работа. Принцип оказался удивительно верным. Все работали в полную силу и от души, занимаясь исключительно тем, что кому было интересно» и далее: «Это было время, когда нам фактически перестали платить зарплату, а наш завсектором Б. З. Докторов заявил, что за те копейки, которые мы получаем, требовать, чтобы мы работали, он не может. Единственное, на что он надеется, так это на нашу привычку работать. Докторов оказался прав, сектор хуже работать не стал» [15].

Теперь – третий проект, фактически на нем завершились мои российские социологические исследования. Долгая цепочка

различных обстоятельств выстроилась так, что в первой половине мая 1990 года в Хельсинки я встретился с Ларри Хассоном, руководителем крупной международной маркетинговой компании РИСК (International Research Institute on Social Change), штаб квартира которой располагается в небольшом швейцарском городе Нион. РИСК проводил исследования в 17 странах, в том числе в 12 европейских государствах, США, Канаде, Бразилии, Японии, Южной Африке.

В начале января следующего года Ларри попросил меня организовать его переговоры с Т.И. Заславской. В середине мая эта встреча состоялась в Москве, и началась подготовка полевой фазы исследования. В августе-сентябре 1991 и в мае-июне 1992 года были проведены два опроса, репрезентировавшие европейское население России. Сложная процедура многомерного шкалирования и типологизации, проведенная РИСКом, позволила определить социокультурный образ России и рассмотреть его совместно с ценностными синдромами населения более десяти стран Европы. Основные результаты этого проекта были опубликованы Г.С. Батыгиным в «Социологическом журнале». Это публикация мне особенно дорога, она — последняя в до американский период моей работы [16].

Борис, мимоходом, на фоне описания работ по методам ты упоминаешь о подготовке к отъезду в США. Что происходило подспудно с тобой, твоей семьей в это время? Как принималось решение об отъезде и чем мотивировалось?

Мы с тобой только что «были» во времени разгара перестройки, но вопрос о принятии решения об эмиграции переносит меня в начало 1990-х. Однако согласен, не будем затягивать, коснемся этой темы сейчас, тем более, что все прошло настолько быстро и в целом легко, что рассказ об этом не будет долгим.

Начну с 1992 года, когда мой сын Саша с женой Яной решили уехать в Америку, там жил ее дядя, и он давно звал своих родственников присоединиться к нему. Оформилась вся семья

невестки, но уехали они вдвоем. Уехали с несколькими баулами вещей и хорошим образованием в области программирования. Недолго пожили у Яниного дяди в Лос-Анжелесе и подались в Силиконовую долину, Северную Калифорнию, - Мекку программистов всего мира. Саша быстрее, Яна – несколько позже нашли работу и начали обживаться.

Когда ребята уезжали, они спросили нас (меня, Люсю и ее маму) о наших планах присоединиться к ним. Мы ответили, присылайте приглашение, подумаем. Никаких планов на эмиграцию мы не строили. В начале 1993 года пришло приглашение, мы разузнали, где, что и как и поехали в Москву, не очень веря в то, что нам дадут разрешение на выезд. Эмиграция тогда была еврейской, жена и теща – русские, и им могли дать разрешение только как моим родственникам. Я был членом КПСС, работал в партийной образовательной системе (конечно, все это было указано в заявлении на выезд), и была велика вероятность отказа. Но через час-два после собеседования в американском посольстве в Москве мы получили разрешение на выезд.

Ни о чем мы не думали, как ехать, как будем там жить... наш единственный сын был в Америке, он прислал нам вызов... надо ехать. К тому же незадолго до этого Люся перенесла сложную онкологическую операцию, прошла курс химиотерапии, и мы надеялись, что американские онкологи смогут ее поддержать эффективнее, чем российские. В России уже наблюдался развал медицины, было сложно с лекарствами. Начали потихоньку собираться: избавляться от вещей, книг, думать о том, что брать с собой.

В то время отъезд из страны уже не сопровождался партийными и профсоюзными собраниями, в этом плане все было гуманно. Фирсов находился в командировке, поэтому первому, кому я сказал о предполагавшемся отъезде, был Владимир Александрович Ядов, он уже был директором Института социологии РАН, когда он приехал на несколько дней в Ленинград. В Москве – первой я

сказал Татьяне Ивановне Заславской, с которой у меня сложились добрые отношения во время работы во ВЦИОМе.

Конечно, эмиграция, помимо всего, это масса хлопот, но все же перед отъездом я подготовил для себя «отчет» о сделанном за 1967-1993 гг., это – список всех (по крайней мере, большинства) публикаций за указанный момент времени. С тех пор прошло 22 года, я забыл об этом документе, но наш разговор напомнил мне о нем и заставил меня найти его. Мне самому все это крайне интересно.

Все опубликованное за весьма продолжительный период – четверть века, было сгруппировано в десять разделов, привожу названия, которые тогда же были сделаны: 1. Население России в меняющихся условиях (10 работ); 2. Исследование экономического сознания и поведения (9 работ); 3. Исследование экологического сознания и поведения (17 работ); 4. Исследование театральной жизни (12 работ); 5. Общие методологические проблемы надежности результатов социологических исследований (15 работ); 6. Методы социологии, организация и экономика социологических опросов (41 работа); 7. Методы математической статистики и их применение (21 работа); 8. Исторические аспекты различных предметных областей (7 работ); 9. Рецензии на социологические книги (5 рецензий); 10. Статьи в прессе (10 статей).

Итак, за 25 лет работы я подготовил о опубликовал 147 работ, включая авторскую книгу, брошюры и коллективные работы, книги, статьи для сборников и журналов, тезисы, рецензии и материалы для прессы. Тогда мне казалось, что было сделано немало, сегодня я понимаю, что было написано и доведено до публикации в среднем – около шести работ в год. Безусловно, это указывает на мою исследовательскую и публикационную активность (или пассивность?), но в этом отражаются и обстоятельства нашей научной жизни. Главное – отсутствие свободы в выборе исследовательских тем, необходимость

корректировать их с учетом массы внешних обстоятельств, огромные сложности с получением права на подготовку авторской книги (монографии), вместо них – коллективные монографии (их называли «братскими могилами»). Существование всего одного периодического издания – «Социологические исследования», необходимость получения одобрения на публикацию от руководства отдела, часто – института, конечно, цензура и самоцензура. И ведь надо отметить, что я не ходил «в сачках», защитил две диссертации, пробовал себя в разных жанрах, например, с перестройкой начал писать для прессы.

Но время приближалось к отъезду. И в конце апреля 1994 года, это произошло.

Моя жизнь: первые 8000 дней в Америке

12. ***Освоение Америки. «Гэллапиада»***

Хорошо, и как складывался американский период твоей жизни? Какие занятия, какие люди тебя окружали? Как тебя восприняли коллеги, язык, квалификация, образ «приехавшего с холода»? Перспективы продолжить карьеру социолога с того же места, задачи вписывания? Где нас ждут, а где – нет?

Выше я отметил, что в эссе «Шесть тысяч дней другой жизни» [4] рассказал о первых 16 годах моей (нашей) американской действительности. Не буду повторять текстуально тот материал, но повтор, естественно, будет, так как я буду говорить о том периоде жизни. Повторю, мы приехали в Америку в конце апреля 1994 г., Люся не хотела, чтобы мы приехали в мае – «маяться придется». Но это нас не спасло, маеты был предостаточно. По моему представлению, у меня были какие-то выходы на американских социологов-советологов, к которым я мог обратиться с вопросами трудоустройства. Они в годы перестройки неоднократно бывали в СССР, я встречался с ними в Ленинграде и Москве, у нас были ровные профессиональные отношения. Воздержусь от упоминания фамилий, это придаст моему рассказу более общий характер.

Буквально через неделю после приезда сын отвез меня в Стэнфорд, недалеко от которого мы живем. Беседа проходила дома, было множество добрых слов, был чай, было предложение приезжать на семинары Центра, занимающегося Россией и Восточной Европы, но не было (даже намека) вопросов о том, где я предполагаю работать. Вскоре я был дома еще у одного известного социолога-политолога, она была как всегда мила, но разговор шел очень и очень вообще. Мне повезло в том, что я был уже вполне взрослым и понятливым, чтобы смекнуть: все двери «закрыты». Отношения наши не прервались, они стали даже еще теплее, ибо обе стороны понимали, что никто друг от друга ничего не ждет. Меня приглашали на семинары, я там даже несколько раз встречался с московскими и эстонскими коллегами, но уже через полгода я понял, мне – не интересно, скучно. Обычно я слышал того же уровня обсуждение российских проблем, как мы в давние времена обсуждали американские проблемы, не бывая в Америке и имея весьма ограниченный доступ к американской литературе.

Я по старой привычке заходил в библиотеку, но вскоре и от этого отказался. Днем в Стенфорде невозможно парковаться, вечером мне было не удобно. Жизнь новых эмигрантов во многом определяется их возрастом. Молодые с хорошим (математическим или компьютерным) образованием в Силиконовой Долине быстро находят работу, люди – старше 65 сразу могут получить пакет государственной помощи (пенсия, медицина, очередь на государственное жилье и прочее), но мы с женой лишь (или уже) разменяли пятый десяток. Не совсем чтобы молодость, но и не время для получения глубокой помощи от государства. И все же – помереть не дают; выдают фудстэмпы (деньги, которыми можно в магазинах платить за продукты питание), какие-то деньги на оплату жилья и небольшую медицинскую страховку; на День Благодарения давали индейку, на Рождество – сладкие подарки и даже елку. Я пробовал трудоустроиться в каких-либо

маркетинговых службах, но и здесь я понял, что движения не будет; тогда я совсем не знал этой области анализа.

В принципе можно было отправиться на поиски работы в других штатах, но мы ехали, чтобы быть с сыном, и я не хотел уезжать куда-либо. Было ли намерение вернуться назад? Ну да, часто хотелось сказать себе: «Хватит, к черту все...», но это опять же не отвечало целям приезда в Америку.

Завершался первый год американской жизни, это автоматически меняло наше положение. Жене после ее болезни дали нечто вроде освобождения от социальных работ; я же должен был каждый день или несколько раз в неделю (не помню) выполнять survival job (работа, чтобы выжить). В огромном помещении собирались люди, которые жили годами, всю жизнь на подобных работах и делали, что придется: всякие мелкие работы по сборке, упаковке... К примеру, моим соседом по длинному столу был белый американец (таких было мало) лет 50+, который когда-то учился в колледже, но потом «заболел на голову»... мы с ним даже вели какие-то беседы... но он постоянно был увлечен исчислением числа π; иногда я ему помогал... такая работа обеспечивала минимальный социальный пакет. Одновременно я ходил на курсы, на которых учили писать резюме, работать со списками (тогда еще не было компьютерного поиска) рабочих мест... и где-то мне сказали, что, если я буду a full time student в колледже, то я смогу работать 1-2 дня в неделю.

Хотела уточнить, планируя переезд, ты не готовил заранее возможные варианты трудоустройства через знакомых? И далее, ты решил дополнять свою квалификацию?

Нет, не готовил аэродромов для посадки. Во-первых, в Петербурге я не видел вокруг себя людей, к которым мог бы обратиться, во-вторых, все необходимое для отъезда, надо было делать быстро, а дел было очень много.

Еще дома, в Питере, и первое время после приезда в США мне казалось, что моего образования хватит для жизни здесь.

Столкнувшись же с проблемой трудоустройства, я понял, что образование у меня есть, но – не то, что надо. Знаешь, в Америке есть понятие “overqualified”, что в моем случае можно перевести как «шибко грамотный». Прожив год в штате Калифорния, я получил статус резидента, и это давало мне возможность учиться в местном public колледже бесплатно. При регистрации на новый семестр я должен был заплатить один доллар, но по окончании семестра, если ты действительно учился, этот доллар можно был забрать. В американских public колледжах нет никаких вступительных экзаменов, не надо ничего представлять о своем образовании, лишь пройти через placement, типа зачета. Его результат дает возможность для выбора уровня курсов по математике и английскому. Если результат очень слабый, то придется год-два изучать школьную программу. Я прошел все эти испытания отлично и сразу мог «брать» разные курсы по программе колледжа.

Но я пошел в колледж не только потому, что это давало освобождение от рутины исчисления π и аналогичных операций, но позволяло узнать страну, в которой мы жили. Я прошел через все математики (это лишь для того, чтобы было достаточное количество изучаемых предметов), через несколько курсов английского языка, нажимая на writing, изучал много нового: «Конституция Калифорнии», «Искусство эпохи Возрождения», «Астрономия», «Биология человека», «Введение в экологию» и много еще чего. Но все же мой major (специализация) был Business Administration. Так что моими основными предметами были “Accounting”, “Investing”, “Business Administration”, “Marketing”, “Sociology”, несколько специальных компьютерных предметов. Так что, действительно, я многое узнал. Одно из главных – я узнал изнутри американскую систему образования. Ее главный принцип: ты поступил, мы тебе предоставляем широкий спектр предметов, выбирай и учись. Нужна помощь – приходи поможем; можно обращаться в специальные часы к профессору, можно записать на

консультации к преподавателям, каждый студент прикреплен к counselor (советник), без помощи которого просто невозможно составить план своего обучения.

И еще один аспект: отношение преподавателей, сотрудников различных служб к студентам. Если кратко, то доброжелательное, но жестко заданное разными инструкциями, отделяющими однозначно «можно» от «нельзя». Списывать – нельзя. Если преподаватель заметит, что в процессе контрольной студент списывает, скорее всего этот студент по крайней мере на год будет отлучен от колледжа. Домашние задания проверяются, если не выполнено, оценка за семестр может быть снижена. Однажды я забыл дома листки со сделанным домашним заданием, в перерыве подошел к преподавателю и спросил его, можно ли в следующий раз принести, у меня все сделано, но я забыл листки дома на столе. Он узнал, хватит ли мне часа, чтобы привести сделанное, я сказал, что успею и привез. Мы оба были довольны; он увидел, что я - честен, я – что зачет будет..

Если есть какие-либо программы материальной помощи, гранты, никто «темнить» не будет, информация распространяется по разным каналам. В начале августа 1996 г. я случайно узнал о существовании программы штата в помощи студентам, хорошо обучающимся по Business Administration; было два условия: скорректировать перечень изучаемых предметов в интересах этой Программы и потом в течение трех месяцев устроиться на работу. Программа оплачивала все учебники и необходимые студенту канцелярские товары, оплачивала бензин за каждый учебный день и давала ваучер на парковку. Все это – очень немало. Я подписал контракт, и все выполнил, все нужные предметы были успешно освоены. Но устроиться на работу я не мог, кому нужен уже седеющий мужчина без опыта работы в США на должность, с которой справляется 20-летний сотрудник? Позвонил моему советнику по этой Программе и сказал, что готов на любую работу, если моей жене будет дана медицинская страховка не через

полгода моей работы, а сразу. Через пару дней она позвонила и спросила, готов ли я работать секьюрити. Ничего не спрашивая, я дал согласие, оказалось, что место моей работы – в пяти минутах от дома: 23-этажное здание, что крайне редко для нашей сейсмически неспокойного региона. Пройдя инструктаж и получив нарядную форму, я 30 марта 1997 г. (на 1068-й американской день) впервые за время пребывания в США вышел на нормальную работу. Так я стал секьюрити (the lower middle class) и продолжал обучение. Работая в этой должности несколько лет, я очень много узнал о реальной жизни простых американцев.

Не могу не вспомнить об одном уроке американской культуры, который преподал мне мой «бригадир», афроамериканец, военный пенсионер. Как-то в воскресный день вышел из строя фонтан, струя била до восьмого этажа. В технической комнате воды было по колено, но я смог перекрыть воду. Мне казалось — в духе советской трудовой этики — что я сделал то, что надо. В понедельник Джордж отозвал меня в сторонку и сказал, что я совершил крупную ошибку. Заметив непорядок с фонтаном, я должен был зафиксировать это в журнале событий и позвонить дежурному диспетчеру. Не более. Героизм на рабочем месте не приветствуется, важнее – безукоризненное следование инструкциям, проверенным жизнью.

Контракт с Центром занятости был выполнен полностью, и в августе 1997 г. я получил его высшую награду — звание Alumni Super Star. Это – бронзовая настольная звезда, грамоты от представителя нашего избирательного округа в Конгрессе США, калифорнийского сенатора и члена законодательной ассамблеи штата, в которых ключевыми словами были: “The People of the State of California salute your indomitable spirit in overcoming the odds”. Все это было радостно и волнительно.

Колледж я закончил в июне 1999 года, и сегодня могу точно сказать, что годы обучения оказались не пустыми. Помимо того,

что в целом расширилось мое представление об Америке, было и два весьма конкретных приобретения.

Первое – может показаться странным, вместе с тем – это полная правда. Наверное, ты знаешь, что в Америке практически нет устных экзаменов? все – письменно; по каждой изучаемой теме школьники и студенты отчитываются текстами; скажем, я писал о развитии Интернета в России, о Копернике, творчестве Павла Филонова и многое другое. Но прежде всего я должен был освоить ряд курсов по написанию текстов, помню: “Critical Thinking” и “Academic Writing”. Нас учили планированию, структурированию текста и аргументации своих утверждений. Это то, что в годы моего обучения в школе я в принципе не мог получить. В последние годы я пишу и публикую много, и в значительной степени это следствие моего обучения. К работе с текстами я подхожу «сугубо» по-американски: долго планирую и заранее определяю объем всего текста и его основных разделов. И я никогда не начинаю писать, не придумав заголовок. Конечно, в процессе работы нередко приходится менять структуру и уточнять заголовок, но в таких случаях я точно знаю, почему.

Второе – более серьезно, более значимо. Оно предопределило мое возвращение в социологию.

Не помню, в какой год, но я записался на курс “Investing”. У меня не было денег для инвестирования и не было планов работать трейдером. Но было интересно узнать, что же это такое, ведь в советское время мы ничего не знали об инвестировании, а в начальные постперестроечные годы появилась лишь первая рекламная информация. Пожалуй, это был курс, в котором я не мог перевести на русский язык основные понятия. Особенно меня привлекла тема – mutual finds, уже позже я узнал, что в России этот инструмент инвестирования называется «Паевым инвестиционным фондом» (ПИФ). Я стал много читать о mutual finds, так как увидел в его основании красивый синтез рационального и интуитивного. Рациональное проистекает из ясности математических схем

хорошо сконструированных фондов, интуитивное обусловлено тем, что надо не только понимать, но чувствовать поведение рынка; есть, выражение: “The market knows best”.

Вскоре мне попалась на глаза книга по истории американских ПИФов, из которой я узнал, что лучшим менеджером в этой области инвестирования считается сэр Джон Темплтон, признаваемый одним из крупнейших современных финансистов и выдающимся филантропом. Я мог бы проскочить мимо этого нового для меня имени, но штаб-квартира глобальной инвестиционной кампании «Франклин–Темплтон» расположена в 15 минутах ходьбы от моего дома, и поэтому я знал фамилию Темплтон. Кроме того, в этой фирме тогда работала моя невестка-программист.

Многое из сделанного сэром Темплтоном было следствием его исторического оптимизма. Он предвидел послевоенный рост японской экономики и, когда акции японских предприятий ничего не стоили, покупал их. Последующий промышленный бум в этой стране принес ему и тысячам вкладчиков его ПИФов огромные доходы. В 1997 году он издал 500-страничную книгу «Всеобщие законы жизни» (Worldwide Laws of Life), в которой изложил принципы своей философии оптимизма. Я прочел книгу и, как это ни покажется странным, поверил сказанному. Видимо, я тогда пребывал в том положении, когда должен был поверить в идею оптимизма, и потому эта книга сыграла в моей уже очень даже взрослой жизни ту же роль, что в юности книги Шредингера и Инфельда. В «Шесть тысяч дней другой жизни» [4] я описываю подробно, что случилось затем, но если кратко, то – я стал оживать, растормаживаться. Кончилось это тем, что представитель благотворительного Фонда The John Templeton Foundation пригласил меня в начале 1999 года в Вашингтон на конференцию «Будущее Свободы в России» и представил меня сэру Темплтону. В то время ему было около 90 лет. В Вашингтоне я впервые после отъезда из России услышал рассказы российских участников о

происходившем в стране и понял, что все это интересно мне в исследовательском отношении, и уже во время полета из Вашингтона домой подумал о возвращении в профессию, о восстановлении моих связей с российскими социологами.

Общественное мнение у нас и в США, это же колоссальная разница?

Да, конечно, и природа общественного мнения, и практика его анализа в США отличны от того, что мы видим в России, и я постараюсь показать это, но прежде, - как и почему после долгих лет, в течение которых я был очень далеко от науки и научных исследований, я вернулся именно к тематике, связанной с изучением общественного мнения.

Отчетливо помню, как вернувшись из Вашингтона и пойдя в ночную смену охранять порученный мне объект, я раздумывал, с чего начать, как снова входить в науку. Ведь я крепко выпал из тематики российских исследований. В то время я активно общался с питерским социологом и полстером Романом Семеновичем Могилевским, с которым меня связывали долгие дружеские отношения. И он в одном из мэйлов просил назвать тему для проведения в Питере конференции, на которую он постарается меня пригласить. Я завершил колледж и к тому времени в качестве «курсовых» провел несколько небольших исследований содержания российского Интернета. И я предложил провести конференцию по группе вопросов, связанных с распространением этого новшества и определением его аудитории. Мое предложение было принято, Семинар назывался «Интернет в меняющемся обществе: петербургские реалии», он открылся в «Белые ночи» 23 июня 1999 года и был один из первых в стране по социологии Интернета. Так я через пять с небольшим лет оказался в России. Потом мне друзья говорили, что я не ходил по земле, я – летал. Еще бы, ведь я снова оказался в своей на сто процентов среде...

Как тебя встретили коллеги и друзья? Какой был типичный вопрос по приезде?

Все было очень трогательно, и обычно задали один очень «простенький» вопрос: «Ну как ты там?», ты понимаешь, на такой вопрос нет ни короткого, ни длинного ответа. Благодарил за внимание и рассказывал какую-либо байку...

Через несколько дней, уже в Москве, состоялась незабываемая для меня встреча с Александром Анатольевичем Ослоном и Еленой Серафимовной Петренко в Фонде «Общественное мнение» (ФОМ). Был просто разговор «за жизнь» и немного о науке. Эта беседа оживила наши давние дружеские отношения и породила необычную для того времени форму сотрудничества. В начале августа 1999 г. мы договорились о совместной работе над книгой, обобщавшей результаты опросов ФОМ за весь период президентства Бориса Ельцина. Потом были две встречи в Москве, но в основном работа шла через электронную почту. Книга «Эпоха Ельцина» [17] была сделана и летом 2002 года опубликована. Примечательно, в эту книгу были включены два интервью с исследователями общественного мнения: Александром Ослоном и Георгием Сатаровым; еще никого замысла интервьюирования российских социологов не было, то была лишь попытка использования этого метода сбора данных в рамках анализа фрагмента современной истории изучения политических установок населения.

Как ты знаешь, работа над книгой, даже когда текст сделан, это долгий процесс, и я использовал появившееся время, теперь можно сказать, весьма плодотворно. В начале 2000 года я был в Москве, где мы обсуждали ход подготовки названной книги. По возвращении домой меня многие спрашивали, кто победит на президентских выборах в России в марте 2000 г. Ссылаясь на результаты опросов ВЦИОМ и ФОМ, я говорил о весьма вероятной победе Путина. Но люди не верили, и агрессивно старались убедить меня в том, что по результатам опросов тысячи с небольшим человек невозможно точно предсказать поведение электората. Исчерпав все аргументы в пользу эффективности

использования небольших научно-организованных выборок, пошел в библиотеку, нашел книгу с результатами прогнозов Гэллапа и написал небольшую статью. Один из моих соседей — Феликс Дозорец работает в Сан-Францисской русской газете, и я попросил его прочесть написанное. Помимо ряда ошибок, на которые он мне указал, Феликс попросил меня написать немного собственно о Гэллапе. Я ничего о нем не знал, но полистав несколько «Who is who», нашел базовую биографическую информацию, внес ее в текст статьи и отправил материал в местную газету. 17 марта 2000 г. она была опубликована, а еще через четыре дня — в филадельфийском еженедельнике «Посреднике». Его редактировал, возможно, ты знала его, эмигрировавший несколько позже меня харьковский социолог Юрий Неймер. Так родилась моя «гэллапиада».

Такое ощущение, что счастливо сошлись эффекты прорицания/прогнозирования в опросах и понимание логики биографических путей…

Но мое погружение в биографию Гэллапа и в процесс становления технологии и культуры изучения общественного мнения в США оказалось настолько глубоким, что я не остановился на газетных публикациях, а начал писать для себя некий текст, постепенно структурируя его, вводя новых героев, подключая историю рекламы, обращаясь в архивы. В этой тематике соединились два моих давних интереса: собственно методы изучения общественного мнения и биографии ученых, в частности заявило о себе не реализованное стремление написать книгу о Карле Пирсоне. Мне очень повезло в том, что в центральной библиотеке нашего county, в 20 минутах езды от меня, есть неплохая коллекция биографических словарей, качество которых в Америке очень высокое, и более того – были разрозненные тома ежегодников измерения общественного мнения, многие годы выходивших под редакцией Гэллапа. И еще одно обстоятельство: стремительно наполнялось многообразной информацией веб-

пространство и заработал поисковик Google. Знаешь, я чувствовал себя охотничьей собакой, уловившей след зайца; фарт пошел. Если я находил информацию, так или иначе относившуюся к Гэллапу, изучению общественного мнения, истории рекламы, я сразу писал в архивы университетов, искал в сети электронные адреса авторов этих статей и книг и обращался к ним за помощью, писал в городок Jefferson, в котором Гэллап родился, в университет, в котором он учился. Возник уникальный он-лайн магазин книг amazon.com, и я мог очень дешево (иногда дешевле пересылки) покупать книги Гэллапа и даже его учителей, так что вскоре я знал в деталях содержание прослушанных им курсов. Почти в самом начале работы в одном из справочников я прочел, что Гэллап – американец в десятом поколении, нашел в Интернете “The Gallup Association”, созданную в начале прошлого века. Получил от нее в подарок обстоятельную книгу по генеалогии семьи Гэллапов. Еще живя в Ленинграде, я познакомился с двумя суперэкспертами в области изучения общественного мнения Eleanor Singer и Howard Schuman, сегодня они признаны классиками в области методологии измерения общественного мнения. Через них я вышел на тех, кто знал Гэллапа, работал в первые послевоенные годы в старейшем и самом известном в среде полстеров журнале Public Opinion Quarterly. Подчеркну, у меня не было никаких возможностей ездить по Америке, все – по электронной почте.

Только начиная знакомиться с биографией Гэллапа, я прочел, что он еще до того, как стал изучать общественное мнение, получил, будучи совсем молодым, широкое признание в среде рекламистов, благодаря своим исследованиями факторов читаемости рекламы. Вот где пригодилось мое американское образование, я не отшатнулся от этой совсем не академической темы, а, наоборот, опять отправился искать «корни». Заказывал книги, читал старые журналы, писал на факультеты маркетинга.

Я думаю, меня недобрым словом часто поминали наши почтальоны, они постоянно привозили мне купленные книги. В

общем, это были очень интересные годы. Заметив, что мой текст по этой многоаспектной тематике превысил миллион знаков, более 30 листов, я понял, что пора писать книгу. Но осознал, что такую объемную книгу будет сложно издать, надо сделать небольшую. Конечно же я написал Елене Петренко и Александру Ослону о том, что у меня есть интересный материал по истории изучения общественного мнения, узнал, не помогут ли они мне издать книгу. Они согласились; вскоре получил электронное письмо от Наташи Мазлумяновой: я ваш редактор... и все закрутилось. Опускаю детали, но из этой сырой рукописи, конечно, я ее постоянно дополнял новыми материалами, за несколько лет в сотрудничестве с Наташей получилось четыре книги. Это – уникальный случай совместной работы автора и редактора, тем более, что мы были разделены океаном и 10-11 часами.

Сначала, в 2005 г., вышла книга «Первопроходцы мира мнений: от Гэллапа до Грушина» [18]; это были биографические очерки о Джордже Гэллапе, Элмо Роупере, Арчибальде Кроссли, Хедли Кэнтриле и Борисе Грушине. Рассказывая об этих исследователях, удалось осветить важнейшие аспекты возникновения технологии и практики изучения общественного мнения в США и СССР. Через год - «Отцы-основатели. История изучения общественного мнения» [19] и вскоре «Реклама и опросы общественного мнения в США: История зарождения. Судьбы творцов» [20]. Наконец, в 2011 г. появилась книга «Джордж Гэллап. Биография и судьба». Подобной работы нет не только в России, но и в Америке, мне удалось собрать уникальную информацию о студенческих годах Гэллапа и представить его одновременно и как исследователя рекламы, и как создателя научной технологии изучения общественного мнения. Книга по истории американской рекламы и выборочного изучения общественного мнения в США в 2009 г. получила Всероссийскую премию в области развития общественных связей «Серебряный Лучник» в номинации «Лучшая работа по теории».

В этом исследовательском цикле в фокусе изучения было рождение опросной технологии и биографий тех, кто стоял у истоков изучения общественного мнения в США, и абсолютно оправданно говорить, - в мире. Ибо именно Джордж Гэллап еще до войны начал открывать аналитические центры сначала в Канаде, а затем – в Скандинавии, а в 1947 году он создал “The Gallup International Association” – первую международную структуру, сегодня ставшую глобальной. Вместе с тем следует сказать, что Гэллап уделял значительное место анализу феноменологии общественного мнения, и здесь он в первую очередь следовал построениям английского историка и политолога Сэра Джеймса Брайса, разглядевшего в Америке в конце XIX века ростки новой демократии, при которой общественное мнение играет важнейшую роль в управлении общественными процессами. Причем, эта новая форма демократии была развитием базовой для страны системы самоуправления – Городское, или Массачусетское, городское собрание. Эта форма демократии, отец которой – Роджер Ландлоу – прибыл в Новый Свет на одном пароходе с первым американским Гэллапом в 1634 г. Сэр Брайс был сторонником швейцарской модели демократии с ее системой референдумов, но он понимал, что в такой большой стране, как США, невозможно проведение референдумов. Гэллап увидел в своих выборочных опросах современную для середины 1930-х годов форму общенационального Городского собрания, или референдума.

Продолжая и в настоящее время, но уже не столь интенсивно и всеохватно анализировать прошлое американских исследований общественного мнения становление рекламы в США (три книги с обсуждением этой проблематики были опубликованы в 2013-2014 гг. [21], [22],[23], я в 2008 г. стал заниматься изучением классической и самой «горячей» для полстеров темы – президентских выборов в США. И опять – во многом, дело случая, но все же, прежде всего, из-за стремления к поиску новых исследовательских ниш, в разработке которых я мог бы опираться

на накопленный опыт. Неожиданно в повседневную рутину моих американских, а к тому времени и российских историко-социологических исследований вмешались внешние обстоятельства. 4 января 2008 г. шторм затопил дом моей невестки. Занимаясь несколько дней откачиванием воды, а потом — будучи постоянно начеку и слушая сообщения комментаторов о погоде и заодно о начавшемся президентском марафоне, я задумался о том, что неплохо бы осуществить его социологический мониторинг. 14 января я отправил Ослону и Петренко письмо с предложением приступить к отслеживанию хода борьбы за Белый дом. Их согласие обрадовало меня. Таким образом оказалось, что, справившись с потоком воды, я надолго оказался в мощном потоке информации о президентских выборах.

Борис, не могу не отметить, уже который раз ты демонстрируешь удивительное умение подчинить обстоятельства себе. Речь ли о разнообразных формах образования и труда после переезда в США, что пригодилось потом («Вот где пригодилось мое американское образование»), осушая дом невестки и включаясь в мониторинг президентской гонки. Но продолжай...

Позже, в книге «Явление Барака Обамы», в которой излагались методология мониторинга и его результаты: я писал: «В первые дни 2008 года у меня не было даже смутной идеи заняться мониторингом начинавшейся тогда в США президентской избирательной кампании. Но вскоре такая идея появилась, потом решение было принято, и у меня началось весьма необычное время. Ночи стали короткими, утра — ранними, а дни — долгими. Но их постоянно не хватало. Недели не отделялись одна от другой выходными, а специфическая тепло-мягкая погода Северной Калифорнии, где я живу, не позволяла, выглянув в окно, замечать переход весны в лето, а лета — в осень» [24, с. 18]. Осень того года была жаркой во всех отношениях, некоторые новостные сайты приходилось посещать по несколько раз в день.

В январе 2010 г. я начал анализ и описание собранной информации. Если книги по истории опросов и рекламы базировались на материалах «базовой» рукописи и серии биографических очерков, то в данном случае текст писался с «нуля». В этом есть положительные моменты — написанное ранее не «давит», но есть и негативные: жалко оставлять без внимания собранный эмпирический материал, т. е. становишься к нему менее, чем следовало бы, критичным. Помимо отслеживания динамики электоральных установок в рамках мониторинга изучались особенности использовавшихся новых приемов опроса и уделялось особое внимание аналитическим разработкам, в которых избирательная кампания 2008 г. трактовалась как «точка» в семидесятилетней истории изучения американскими полстерами президентских выборов. Другими словами, мониторинг, подобно «гэллапиаде», тоже был историческим исследованием, но применительно к настоящему.

Вот в рамках мониторинга я уже во всю наблюдал за механизмами культивации и динамики установок. Конечно же здесь все не так, как в процессе изменчивости мнения в российских электоральных компаниях, но это «не так» обусловлено тем, что в США президент выбирается в результате очень жесткой, конкурентной борьбы сначала внутри двух главных партий, а потом – кандидатов, номинированных партиями на пост президента страны. Действующий президент, если он сам не борется за второй срок руководства страной, не может назвать своего преемника, тем более задолго до начала избирательной кампании. В Америке, согласно Конституции, президентские выборы происходят раз в четыре года, и никто, если только не какой-либо экстраординарный случай, не может сократить или увеличить время работы избранного президента. Конечно, существуют центры изучения общественного мнения, работающие по заказам партий, но их результаты либо носят конфиденциальный характер, либо публикации полученных распределений мнений

сопровождаются словами, что выполнено для такой-то партии. Но большинство известных полстерских организаций – независимые, они работают либо по заказам крупных ТВ-каналов и издательских корпораций, либо концернов, объединяющих различные СМИ.

Итак, мониторинг президентской избирательной кампании, который я проводил анализируя ежедневно информацию многих аналитических служб и читая десятки комментариев политических журналистов и политологов, это физически сложное действие. Но оно трудное еще и потому, что не хотелось бы ошибиться в прогнозе. В 2008 году я редко публиковал свои промежуточные выводы относительно победителя, но все же всегда отмечал, что общенациональный электорат склоняется к поддержке Обамы. Замечу, что основная часть русскоязычных газет США откровенно и до последних дней гонки была на стороне Джона Маккейна; соответствующим было и мнения аудитории этих изданий. Я посылал некоторые свои материалы в газеты, где меня знали и где не знали, но про-Обамовские выводы не принимались.

В 2011 году, когда увидела свет книга «Явление Барака Обамы», я уже «мониторил» вторую избирательную кампанию Обамы; в этом случае я приступил к отслеживанию событий на «дальних подступах» к Белому дому и сразу решил постоянно публиковать наблюдения и выводы. На сайте Фонда «Общественное мнение» был создана специальная колонка» [25], в которой в течении 2011-2012 гг, было размещено полсотни постов, и можно проследить, что я постоянно предсказывал переизбрание Обамы. Это не говорит о моем «ясновидении», просто тогда я верно оценил новые прогностические технологии и следовал выводам тех аналитиков, которые их разрабатывали. Отмечу, что в 2012 году в случае выбора традиционного угла зрения на электоральную статистику можно было долго предсказывать победу Митта Ромни, а некоторые обозреватели это делали даже в преддверии дня голосования.

И в этом случае по материалам наблюдения была подготовлена книга, но она пока не издана. В частности, это обстоятельство не позволяло мне заранее принять решение о мониторинге начавшейся избирательной кампании 2016 года, не считая, конечно усталости и понимания того, насколько это сложный процесс. И все же я не смог отказать себе в том, чтобы не «зайти в эту воду» еще раз. Тем более, что три года назад, еще в марте 2013 г. я, используя одну из процедур долгосрочного прогнозирования, предсказал победу Хиллари Клинтон, если она вступит в президентскую гонку [26]. Она решилась, и мне интересно, оправдается ли мое предсказание или нет. В феврале 2016 г. все начиналось с малого, я размещал на моей Face Book – странице несколько постов в неделю, но к концу марта поток информации о президентской кампании – первичных выборах, прогнозах общенационального голосования и прочие сюжеты – настолько возрос, что в некоторые дни я уже размещал до трех постов.

Так что, Лена, получается, что первые полтора десятилетия нового столетия я оставался достаточно погруженным в изучение проблем методологии и методики измерения общественного мнения в США и, в меньшей степени, в России. И, пожалуй, мои главные темы – развитие арсенала опросных методов и становление новых технологий электорального прогнозирования. И как ты видишь, сделано немало: я указал полдюжины выпущенных книг, но есть еще несколько десятков статей, было прочитано немало лекций и проведен ряд мастер классов в разных российских университетах.

13. ***Биографические интервью. История российской социологии***

С какого момента ты развернулся к теме биографий? А как это восприняли твои коллеги в Штатах, им интересно?

Сначала отвечу на твой второй вопрос, ибо здесь все можно сказать быстро, а потом постараюсь развернуто ответить на первый вопрос. Если рассматривать в качестве коллег тех людей, которые активно помогали мне в освоении истории изучения общественного мнения в США, то им мои историко-

биографические штудии в области советской и постсоветской социологии, на мой взгляд, не интересны; во всяком случае в момент начала разработки этого проекта я их не информировал. А позже – тем более. Ты понимаешь, российская социология может интересовать лишь тех, кто занимается Россией и знает русский язык. Да и то, думаю, сейчас их могут интересовать лишь ключевые фигуры нашего профессионального сообщества.

Тем не менее, должен сказать, что американцам и исследователям других стран известен сайт «Международная биографическая инициатива» [27], созданный в 2006 году Дмитрием Шалиным и мною. Социологи старших поколений в Москве и Санкт-Петербурге помнят Шалина как аспиранта Института конкретных социальных исследований АН СССР и сотрудника Ленинградских секторов этого института. В 1973 году он эмигрировал в США и уже многие годы является профессором Университета Невады в Лас-Вегасе и директором Центра демократической культуры. На названном сайте размещено большое число интервью с российскими социологами (не только проведенных мною), биографического материала и статей по биографическому методу.

Теперь, о моем развороте к теме биографий российских социологов. По-видимому, рано или поздно, он случился бы, все же за годы работы в советской социологии я вжился в нее, был знаком со многими социологами и осознал бы, что нельзя замыкаться лишь в американскую реальность. Но события развернулись в эту сторону в 2004 г. Особое значение имела встреча с Б.А. Грушиным, в апреле того года я был у него дома; он подарил мне очередной том своего «четырехкнижия» и рассказал о дальнейшей работе над этим грандиозным проектом. Опыт изучения биографий американских полстеров, многообразные российские впечатления, приближавшийся 75-летний юбилей Грушина стимулировали меня начать писать статью о нем. Я позвонил Грушину, сказал о своем замысле и предупредил, что статья не будет «юбилейной».

Борис, момент, который я хотела бы услышать откомментированным тобой. Череда солидных юбилеев маститых ученых, а порой и ухода, поневоле подталкивали к особому жанру биографий-некрологов, которые довольно жестко институционализированы и предъявляют требования к субъекту интерпретации – на чьей он стороне и какие интересы обслуживает. Какие установки были у тебя?

Лена, это вполне закономерный, естественный вопрос, я отвечу на него ниже... а сейчас продолжу рассказ про создание текста о Грушине...

Вообще говоря, я еще был погружен в Гэллаповскую тематику, но думал, что рассуждения о «линии Грушина», вошедшие в «Эпоху Ельцина» [17] можно будет быстро довести до статьи. Однако на это потребовался месяц, статья вышла в сентябрьском номере «Телескопа» [28]. Грушин был тогда в Америке и, получив от меня журнал, позвонил мне. Указав на ряд неточностей, он в целом принял работу. После этого я с легкой душой отправил текст статьи моим коллегам, знавшим Грушина и дружившим с ним. Фирсов ответил: «Так мы друг о друге не писали..», Ядов написал: «Прочел твою статью о Грушине, каковая далеко не только о нем, но многом другом, что важно для понимания процессов развития важнейшего направления в социологии. Совмещая в своем сознании статью о Гэллапе и “пост...”, я думаю, что хорошо бы тебе подготовить и опубликовать у нас свою книгу».

Таким образом, статья о Грушине стала «чистым» переносом того, что я делал при исследовании истории американских опросов на российскую почву. И, естественно, что в первую книгу, сделанную на базе названной выше «мегарукописи», была включена статья о Грушине, а книга получила подзаголовок «от Гэллапа до Грушина». Поначалу я намеревался провести некое сравнительное изучение процессов становления опросов общественного мнения в США и СССР, и это видно в том, что первые, с кем я провел интервью, были социологи, причастные именно к опросам

общественного мнения: Б.М. Фирсов, Л.Е. Кесельман, В.Э. Шляпентох, В.А. Ядов, который как известно, кроме всего прочего, внес большой вклад в изучение различных форм сознания. Но постепенно состав респондентов расширялся и нацеленность на нечто камерное, интересное, но локальное – сопоставление процессов зарождения и проведения опросов общественного мнения в США и России, перерастало в установку на изучение истории современной социологии. Приходило понимание того, что нельзя проводить интервью лишь с исследователями общественного мнения и лишь с теми, кого я знал до отъезда в Америку.

А какова динамика развития этого проекта, как откликались первые респонденты?

Очевидно, если бы мои первые респонденты, они названы выше, не откликнулись на мое предложение рассказать о себе, ничего бы не получилось. Ведь приглашая новых собеседников, я всегда называл имена тех, с кем интервью были завершены или находились в работе. Я благодарен всем моим респондентам за понимание того, что история нашего сообщества не может быть написана без вклада в нее каждого участника процесса становления нашей науки, и прежде всего тем, кто был первым.

Выше я отметил, что первое биографическое интервью я давал Наталье Мазлумяновой в 2005 году, тогда я делал лишь первые шаги в процессе изучения истории нашего профессионального сообщества, и в этом плане интересно сейчас заглянуть в прошлое: как мне представлялся этот проект десять лет назад? хотя, я, безусловно, не мог думать, что он окажется столь «долгоиграющим». На вопрос: «Вы хотите воссоздать историю российской социологии, сделать серию портретов «интересных людей» или здесь есть что-то еще?» я ответил: «И то, и другое, и третье». Трудно сейчас сказать, что я имел в виду под «и третье», но время показало, что в действительности ответ-то мой был верным.

Начну с «портретов», и не только потому, что их сделано немало и выполнены они в различных жанрах, но и потому, что в моем сегодняшнем представлении «портрет», точнее – человек, социолог является центральным элементом моего исследования, и в ближайшие годы я предполагаю специально заниматься методологией написания собственно биографических текстов.

В первые годы работы в силу множества методологических и организационных проблем архив интервью накапливался весьма медленно. Так, к началу 2011 г., т.е. за шесть лет было проведено немногим более трех десятков интервью. Тем не менее, к 12 февраля 2015 г. оказалась реализованной почти мифическая цель: было закончено и размещено в Интернете 100 интервью. В конце 2015 г. общее количество проведенных интервью достигло 135 (в начале этого года добавилось еще два); но еще осенью прошлого года я решил, что новых интервью начинать не буду: по-моему, и общее количество интервью, и численность бесед с представителями каждого из поколений – вполне достаточны для историко-социологического анализа. Тем более, что при необходимости можно откорректировать принятое решение и «добрать» некоторые из групп.

Интервью – один из видов «автопортрета», хотя, конечно же, все, что вспоминает и рассказывает респондент обусловлено темой и вопросами, которые я задаю ему. Второй вид портретов – это очерки, статьи о социологах, которые я пишу на базе информации, полученной в процессе интервью или/и почерпнутой из иных источников. За прошедшие годы написано большое число биографических текстов, самые объемные из них – об А.Н. Алексееве, В.Б. Голофасте, Т.И. Заславской, Ю.А. Леваде, Г.В. Старовойтовой, В.Э. Шляпентохе, В.А. Ядове. В 2014 г. была опубликована книга о Б.А. Грушине, в конце 2015 г. завершена книга о В.А. Ядове. В чем я вижу особое значение этого жанра, что меня привлекает в нем в сравнении с другими историко-социологическими форматами или жанрами? Прежде всего,

пожалуй, возможность продолжить общение с близкими мне людьми.

Лена, во-первых, уточню, я здесь назвал лишь несколько фамилий тех, о ком писал специально, но не тех, с кем проводил интервью. Так, я «строил портреты» Голофаста, Грушина, Левады. Старовойтовой, но я не проводил с ними биографических интервью. Во-вторых, я скажу даже больше, «за бортом» оказываются и многие, с кем судьба меня сводила и о ком, конечно я мог бы написать. Просто физически нет времени и часто нет запаса энергии на написание портрета. Это очень сложный жанр, помню, сделав статью в память о Т.И. Заславской, я не менее полугода не мог писать о ком-либо.

Здесь я постараюсь ответить на твой вопрос о биографиях-некрологах как особом жанре историко-биографических текстов. Если совсем кратко, без деталей, то я различаю некролог и текст, написанный после самых трудных, траурных дней. К сожалению, за последние годы умерло большое число социологов, которых я знал, с которыми дружил. Узнав о смерти близкого мне человека, я пишу некролог сразу, моментально, несколько предложений, мне не надо задумываться о требованиях жанра. Бывало уже несколько случаев, когда мои российские коллеги узнавали о случившемся из моего некролога. Отчасти, но лишь отчасти, это обусловлено разностью во времени. Скажем, в Москве – ночь, возможно, горькую информацию отправили, к примеру, в Петербург и мне, но в Питере – ночь, и получатели спят, а у меня – день. Но есть, конечно, более сущностные моменты, я пишу некролог, поскольку не могу не написать его... по-моему, сейчас остались лишь самые общие требования этического характера. Мне их соблюсти несложно; ведь я пишу только о тех, с кем был дружен...

Но потом проходит какое-то время, скажем, полгода или год-два, и тогда можно писать статью в память о человеке, она – более развернутая, информационно насыщенная. Насколько мне помнится, именно так все обстояло, когда я узнавал об уходе Б.А.

Грушина, Т.И Заславской, А.Г. Здравомыслова, С.А. Кугеля, В.Э. Шляпентоха.

Но это все – отдельные моменты одной темы, или одного принципа: писать равнодушно, о человеке, которого знал или, как в случае работы над очерками о классиках американской рекламы и первых полстерах, прочел все доступное, невозможно. Да и сам акт изучения биографии этих людей это, в первую очередь, стремление либо продолжить общение с ними, либо поближе узнать их. Вторая причина заключается в том, что именно здесь оказывается возможным подойти к рассмотрению «ядра» личности и творчества исследователей. Сказав в том первом автобиографическом интервью: «И то, и другое, и третье», я добавил: «Изучение американской истории опросов и судеб американских аналитиков общественного мнения подвело меня к понимаю неких закономерностей в развитии научного творчества. В частности, меня интересует личное и внеличное (социальная среда) как факторы деятельности социального исследователя. Такие задачи надо решать в рамках кросскультурного и историко-биографического анализа». Тогда замечание о кросскультурной направленности анализа было обусловлено намерением сопоставления фрагментов процессов развития науки в разных социально-политических средах, раскрытие соотношения личного и внеличного, вообще говоря, этого не требует. Достаточно – во многих случаях – углубиться в биографию одного человека.

К тому же, изучение жизненных траекторий Голофаста, Грушина, Заславской, Левады, Старовойтовой, Ядова напрямую подводит ко многим проблемам соотношения личного и внеличного, но пока я лишь ищу инструмент для изучения этой проблемы и форму, средства для обсуждения наблюдений и выводов.

Теперь о воссоздании истории российской социологии... вопрос Мазлумяновой был лобовым, а мой ответ – рефлексивным, за ним не могло быть понимания того, что что это такое и как это делать. Даже не «сделать», а именно делать, т.е. как продвигаться к такой

цели. А вот сейчас мне интересно, к какому бы решению об алгоритме воссоздания нашего полувекового развития я пришел бы, если бы тогда или несколько позже задумался бы о решении такой задачи. Но время поисков такой схемы пришло позже. Причем, мне стало это понятно, когда такая схема фактически уже была создана.

Все началось в 2007 г., когда количество проведенных и проводившихся интервью стало заметным (в районе 10-12) и потребовалась некое правило для упорядочения собранной информации. Ответом на этот вызов стало построение «лестницы» социологических поколений, т.е. схемы, в которой учитывался бы возраст интервьюируемых социологов, но которая при это была бы априори соотнесена с информацией о возрасте тех, кто стоял у истоков отечественной социологии, и с традициями типологического анализа. Моих собственных данных еще было недостаточно для разработки поколенческой классификации, я активно пользовался материалами книги по истории российская социология шестидесятых годов, вышедшей под редакцией Г.С. Батыгина [29].

Принципиальный для каждой поколенческой классификации вопрос о временных границах поколений решался на основе общенаучного принципа минимизации количества *ad hoc* допущений. Это автоматически должно было устранить или приглушить субъективизм в отнесении респондента к тому или иному поколению. Итогом ряда теоретических рассуждений и анализа биографической информации стало принципиальное решение о *равной* протяженности, или продолжительности всех поколений.

В целях обеспечения будущего многовариантного анализа собранной информации продолжительность поколения была определена в 12 лет. Поясню это кратко. Делимость 12 на 2 позволяет говорить о старшей и младшей частях поколения; делимость – на 3 приводит к трем 4-летним слоям каждой когорты:

младшие, средние и старшие; кратность 12 четырем открывает возможность для формирования четырех трехлетних слоев поколения и позволяет объединять младших одного поколения со старшими – следующего. Кроме того, продолжительность поколения в 12 лет соответствовало тому, что 10-12-летние поколенческие объединения рассматриваются и анализируются в специальных исследованиях по возрастной (поколенческой) структуре населения многих стран. Помню, я сам удивлялся тому, что моя, построенная сугубо на пифагорейских (без учета социологической канвы типологизируемых «единиц») принципах, конструкция поколений в проведенных лабораторных испытаниях демонстрировала высокий уровень «внешнего оправдания», хотя при построении шкалы поколений не ставилась задача ее «подгонки», сопряжения с теми или иными макро событиями. Шкала *сама* вписалась в них; во что было сложно поверить.

Сама идея поколенческого анализа в историко-социологическом исследовании не была новой, но она оставалась лишь обозначенной, заявленной, но не была проработанной. И все же в начале апреля 2008 года я решил подготовить текст для его обсуждения в Институте социологии РАН на Вторых чтениях памяти Г.С. Батыгина. Как всегда, отправил написанное друзьям. Л.А. Козлова написала: «... Скажу только, что однозначно текст интересный, вызовет обсуждения. Причем даже у людей, которые не занимаются ни поколениями, ни наукой, ни биографиями. Поскольку в основе Вашего рассуждения - "синтетические" идеи». А.Н. Алексеев отметил, что некоторые достоинства модели поколений обеспечиваются «магией цифр» и «равенством временных интервалов, что, похоже и справедливо для социокультурных поколений». Вместе с тем он не нашел в моем изложении сделанного необходимых для социолога пояснений и иллюстраций. В.А. Ядов отреагировал: «Мистика, но выглядит убедительно». Я благодарен В.В. Семеновой, которая, несмотря на многие «темные места» в схеме поколений, все же решилась

изложить ее на конференции. А в последнем выпуске журнала «Телескоп» за 2007 год была опубликована моя статья [30], в которой впервые было изложено мое видение «лестницы поколений» и рассмотрено движение ученого в социологию в опоре на его биографические данные и на поколенческие характеристики.

Теперь я иногда задумываюсь: а не являлась ли «мистичность», которую я сам ощущал в 2007 году, и которую отмечали Алексеев и Ядов, своеобразным проявлением «сумасшествия» идеи равных поколенческих интервалов, которая необходима каждой идее, чтобы быть верной (принцип Н. Бора)? Конечно, здесь не имеется в виду верность отражения каких-либо процессов, происходящих в природе или обществе, но некое соответствие (релевантность) свойствам анализируемых историко-научных проблем. ***Может быть, эта идея равенства временных интервалов, заложенная в принцип поколений для интервьюирования, компенсирует твой субъективный принцип отбора персонажей («возможность продолжить общение с близкими мне людьми..»).***

Не совсем так.

Во-первых, хочу напомнить два эйнштейновских критерия верной теории. Первый критерий: *внутреннее совершенство*, т.е. способность теории отражать, описывать важнейшие свойства изучаемых процессов. Ведущим атрибутом такого рода теории является отсутствие, минимальное количество ad hoc положений, допущений. Равные интервалы, как легко понять, избавляют нас от произвола в обозначении границ временных интервалов для введенной системы поколений. Второй критерий – *внешнее оправдание.* Теория не должна противоречить множеству известных фактов, накопленной информации. Пока я это наблюдаю.

Во-вторых, «принцип поколений» введен не для управления процессом интервьюирования, а для раскрытия истории нашей

социологии; поколение – очень емкое образование, и появление поколений, а теперь мы наблюдаем и уход поколений – это динамика нашего профессионального сообщества. Это – важная сторона нашей истории.

Но принадлежность к поколению – не единственный критерий отбора персонажей для бесед, к тому же желание продолжить общение... было импульсом к началу исследования, сейчас, глядя на портретную галерею моих собеседников, я могу сказать, что с большей половиной из них я до начала интервью не был знаком. О многих даже никогда не знал... так что я очень давно покинул исходное пространство «близких мне людей». Теперь - «близкие» и те, кого я многие годы знал до отъезда в Америку, и те, кого я узнал в процессе интервью.

Все прошедшие годы я постоянно работал с этой конструкцией поколений, достраивал ее, проверял на новом материале, и теперь я не вижу в ней ничего «мистического». Наоборот, раскрылся ее прагматизм. Безусловно, ряд исследователей в своих статьях и в личной переписке отмечали, что не могут согласиться с таким подходом, но при этом, никто почти *за десятилетие* не предложил своего подхода к целостной поколенческой стратификации нашего профессионального сообщества.

Ниже будет дано пояснение к Таблице 1, сейчас же она приводится, чтобы слова о системе поколений не казались абстрактными.

Таблица 1. Главные функции первых семи поколений советской / российской социологии

Поко-ление	Годы рождения представителей поколения	Кол-во опрошен-ных	Доминантная функция
I	1923 - 1934	8	Конституирование социологии как самостоятельной науки
II	Конец 1920-х – начало 1930-х	13	Расширение предметного поля исследований
III	1935 - 1946	27	Развитие эмпирических методов
IV	1947 - 1958	36	Сохранение достигнутого, испытание нового
V	1959 - 1970	20	Обогащение парадигматики и методологии
VI	1971 - 1982	21	Определение характера постсоветской российской социологии
VII	1983 - 1994	10	Вхождение в глобальное социологическое сообщество
Итого		135	

На протяжении 2005-2012 гг. моими собеседниками были социологи первых четырех поколений, т.е. те, кто родился до 1958 г. Причин тому было много, и одна из них заключалась в том, что родившиеся позже долго казались мне «слишком» молодыми в качестве информаторов при изучении прошлого нашей науки. Лишь в 2013 г. было проведено первое интервью с представителем пятой профессионально-возрастной группы и начато изучение биографий исследователей шестого поколения советских / российских социологов. Знакомство с социологами пятого и шестого поколения происходило легко, быстро, и к концу 2014 г.

суммарное количество бесед с представителями двух этих групп приближалось к 30.

Но спускаться еще ниже по лестнице поколений мне не хотелось, даже в первом полугодии 2014 г. я отмечал проблематичность того, что вообще, и по крайней мере – в ближайшие годы, буду изучать седьмую когорту. Боялся исключительной неизвестности для меня этой общности. Когда в начале 1994 г. я уезжал из России, старшим было 10-11 лет, а самые младшие еще и не родились. Сейчас возраст социологов этой страты нашего сообщества варьирует в интервале от 20 лет до 31 года, и у меня было основание считать их «слишком» молодыми для беседы о прожитом и сделанном.

Однако в конце августа 2014 г. я решился на такой шаг, хотелось пусть немного узнать это «племя молодое, незнакомое». Но после того, как сомнения в правомерности изучения биографий социологов шестого и седьмого (тем более, пятого) поколений рассеялись, когда была построена система общения с ними, я с уверенностью могу утверждать, что все это было необходимо сделать. В рамках короткого перечня профессиональных поколений (первые четыре-пять) было бы крайне сложно изучать многие проблемы динамики науки, другими словами, без интервью с поздними поколениями автоматически снижается ценность информации, полученной от представителей первых когорт.

Как видно из Таблицы 1, сейчас в российской социологии работают представители семи поколений, и наше сообщество – высоко гетерогенное во многих отношениях.

Сейчас собрано около 140 биографий социологов, конечно в статистическом отношении этот массив не репрезентирует все сложно организованное многопоколенное и дисперсное сообщество советских/российских социологов. Но эта совокупность респондентов – не группа «случайных» людей, это – «лидерское», рискну сказать – «элитное» множество ученых, во многом определявших развитие советской/российской социологии

на протяжении более полувека и давших импульс основным трендам в ее динамике на несколько десятилетий вперед. Методология моего историко-социологического изыскания, вообще говоря, не требует наличия группы ученых, статистически репрезентирующих генеральную совокупность социологов, к тому же я вообще сомневаюсь в возможности построить такую выборку. Уж очень неопределенна природа и параметры этого гипотетического генерального множества. Работа задумывалась и сложился как совокупность «кейсов», ее можно трактовать как монографическое исследование меняющейся во времени реальности с помощью целенаправленно настраиваемой измерительной технологии.

Каждый человек, рассказывая историю своей семьи, описывая процесс ранней социализации, получения образования, начало и развитие собственной карьеры, выстраивает нечто уникальное, единственное. Вместе с тем это уникальное во многом раскрывается в цепочке сюжетов, фактов, аргументов, часто встречающихся, повторяющихся в биографических повествованиях его коллег, прежде всего – его ровесников и представителей его социологического поколения. Все эти более или менее часто встречающиеся жизненные коллизии образуют то, что я стал называть «*матрицей событий*», или «*событийным каркасом*» совокупности собранных биографий.

Борис, не мог бы ты здесь кратко описать эту матрицу событий, выстраивающую социологов, несмотря на поколенческие различия?

В этой матрице есть *события* разной степени общности, есть – объединяющее всех, есть – характерные для нескольких соседних поколений, есть – специфические для одной когорты. Среди супер универсальных, конечно, отношение к войне. Однако, для одних – рассказ о войне - это воспоминание о пережитом ими, для других – о пережитом родителями, для третьих – дедушками и бабушками. Но видно одно – война присутствует в сознании всех. Для первых

двух-трех поколений *событием* стала смерть Сталина и «оттепель». На статус универсального события претендует и перестройка. И опять же, старшие встретили ее в зрелом возрасте, тогда как есть уже и такие (в VII поколении), кто родился в постперестроечной России и для кого СССР – история.

Конечно, событием является процесс вхождения в социологию, и отчетливо видна его поколенческая специфика. Весьма интересным и «показательным» событием является общение с иностранными социологами, прежде всего – поездки за границу. От практически невозможного или крайне редкого и обставленного множеством «нельзя» до ставших обыденным длительные пребывания в «дальнем зарубежье»: преподавание, исследования, обучение, подготовка диссертаций.

Очевидно, пока количество интервью оставалось небольшим, содержание каждого нового заметно увеличивало количество матричных ячеек, это означало, что результаты анализа собранной информации имели низкую логическую валидность. Но постепенно, с ростом числа бесед новые ячейки в матрице стали появляться все реже, происходило лишь уточнение границ уже существующих. Вот это-то и позволяет говорить о валидности, или логической репрезентативности, собранного массива информации. Основанием для приведенных рассуждений являются выводы и практика статистического последовательного анализа (statistical sequential analysis), предложенного в конце 1940-х американским математиком А.Вальдом

По-моему, легко понять, что в стартовые три года моими респондентами были исключительно петербуржцы и москвичи; знакомая среда. Первым социологом из не столичных городов был новосибирец В.А. Артемов (2008 г.) и, два года спустя – социолог из Иваново А.Ю. Мягков (2010 г.). Переломным – в силу ряда организационных моментов – оказался 2014 г., тогда резко возросло число проводимых интервью и сразу значительно изменилась география опроса. В 2014 г. состоялись беседы с

социологами Комсомольска-на-Амуре и Хабаровска, Сургута и Иркутска, Тюмени и Екатеринбурга, Ставрополя, Белгорода, Воронежа. Ранним утром 25 декабря 2014 г. я получил ответы на последние вопросы от С.Ю. Цыпленкова, калининградского исследователя рынка. Таким образом мой опрос охватил всю территорию страны от крайнего Запада до Дальнего Востока.

Все это в начале 2015 г. породило заманчивую и – казалось – неосуществимую идею; подготовить и издать серию книг интервью с социологами одного региона. Но мое предложение было принято, и работа началась. Уже во второй половине мая вышла книга, представляющая социологию Урала. Наличие в ней вводной статьи Ю.Р. Вишневского и Г.Е. Зборовского, коллективной статьи о Л.Н. Когане, воспоминаний А.Ф. Филиппова об отце – Ф.Р. Филиппове и шести интервью с активно работающими социологами разных поколений, дает богатый материал о рождении и развитии социологии в этом регионе [31]. Вслед за этой книгой в таком же формате были подготовлены книги о Тюменской социологии (15 биографий) [32] и Дальневосточной (пять биографий) [33]. Коллекция биографических интервью обладает мощным *синергетическим эффектом* и сама по себе, даже без специального анализа, может рассматриваться в качестве историко-социологического исследования. Сразу открывается возможность для выявления общего и специфического в истории трех школ Сибирского пространства. В моем понимании, три этих книги – это самый значительный в нашей историографии «вброс» информации о социологах, работающих в регионах.

Достаточно долго я искал названия для выделенных поколений, и во всех публикация отмечал, что работа в этом направлении не завершена. Примерно в 2010 г. анализ накапливавшейся эмпирической информации подвел меня к идеи *функций социологических поколений*, их ролей в развитии науки, но тогда в поле моего зрения находились лишь жизненные траектории

представителей четырех поколений, и количество опрошенных не достигало и полусотни. Однако в январе 2015 г., когда было проведено около сотни бесед с социологами уже семи поколений, пришло время вернуться к рассмотрению функций поколений. Вся совокупность функций поколений включает в себя поиск ответов социологического сообщества на новые социальные вызовы, запросы, а также решение новых проблем методологического и инструментального характера, возникших внутри науки. Условно можно сказать, что ответы на первую группу задач востребованы обществом, тогда как удовлетворение второго типа требований ожидаемо самими социологами.

В моем представлении, каждое поколение – *многофункционально*, так как функции зарождаются, постепенно оформляются, созревают, и реализуются они не одним, а рядом поколений. Но каждому из них время дает свою, *доминантную* функцию, отличающую его от предыдущих и последующих поколений.

Для раскрытия сути поколенческо-функционального анализа принципиально отметить, что два ключевых образования моего проекта: поколение и функция поколения – это субстанции, развивающиеся в разных *временных пространствах.* Поколение – это профессионально-возрастной срез населения, оно несет в себе следы времени рождения, социализации и т.д. Оно существует во *внешнем*, общем для всех *социальном* времени. Тогда как функция поколения – это производная от состояния науки, которая – естественно – не свободна от внешнего времени, но в известном плане независима от него, имеет свои собственные, внутренние законы развития. Функция поколения развивается во *внутреннем*, внутринаучном времени.

Таким образом, поколенческо-функциональный анализ истории советской и пост-советской социологии – *двухтемпорален*, это изучение нашего прошлого-настоящего и будущего во *внешнем* и *внутреннем* временах.

Сказанное, естественно, не означает, что мне уже известен алгоритм анализа собранной информации, скорее, я думаю, что мне удалось обозначить рамки методологии продолжений исследования.

По ходу рассказа ты многое приоткрыл в своей работе, и все же, какие общие принципы составляют методологию твоего проекта?

Если, Лена, тебе хотелось бы увидеть некую пирамиду, иерархию положений, образующих методологию моего историко-социологического поиска, то сознаюсь, я не готов к такой конструктивистике. Нечто подобное – иерархия, или древо, теоретических положений, допущений могло бы возникнуть, если бы все развивалось по логике, скажем, учебника В.А. Ядова или других книг по методологии и организации социологического исследования, если бы, скажем, мне приходилось координировать деятельность большого коллектива, если бы необходимо было получать одобрение какой-либо институции или запрашивать финансирование. Тогда была бы программа НИР, набор целей и подцелей, правила сбора и анализа информации. Но ничего это не было и нет, работаю я один, ни в какую институцию не вхожу, денег не получаю и не отчитываюсь за них, все развивается, можно сказать, стихийно, а можно, и предпочтительнее, - «естественным образом». Похоже, одна из особенностей моего проекта, это его *коллективность,* базирующаяся на добровольном участии в нем очень большого числа людей. Ни в одном из известных мне социологических проектов не принимало участие такое большое число специалистов.

Прежде всего, я имею право утверждать, что все мои около 140 собеседников – участники и соавторы проекта. Среди них: свыше 70 докторов наук (в том числе: три академика - М.К. Горшков, Т.И. Заславская и Г.В. Осипов и два члена-корреспондента РАН - Н.И.Лапин и Ж.Т. Тощенко), без малого 50 кандидатов наук и 17 опытных и молодых социологов без степени. Среди моих

добровольных консультантов – эксперты, советы которых были бы ценными для любого исследования: А.Н. Алексеев, Г.Е. Зборовский, А.Г. Здравомыслов, Л.А. Козлова, И.С. Кон, Б.Ф. Фирсов, Ф.Э. Шереги, В.Э. Шляпентох, В.А. Ядов. К тому же практика показала, что при необходимости я могу надеяться на получение совета, помощи от каждого из моих собеседников. Уже более 11 лет я публикую в каждом из шести ежегодных выпусков журнала «Телескоп» два листа материалов по истории российской социологии; это интервью, а также методологические статьи. Все это стало возможным, благодаря неоценимой поддержке редактора издания – М.Е. Илле. Здесь же надо сказать об огромной помощи в распространении получаемой информации Ф.Э. Шереги, именно на сайте его Центра социального прогнозирования и маркетинга расположены все мои электронные издания.

Скажи, Лена, тебе известны примеры подобного масштаба кооперации российских социологов в рамках одного, тем более – внеинституционального научного проекта? Причем, не кратковременного, но продолжающегося свыше десятилетия.

Пожалуй, нет.

Чем я могу объяснить описанное? Наверное, начинающимся осознанием нашего сообщества ценности, значимости освоения своего прошлого. Но отчасти такое количество со-авторов моего исследования я хотел бы связать с одним из моих ключевых методологических положений: историю должно писать само социологическое сообщество, она должна быть *многолюдной* и у нее должно быть много *авторов.* Это базовое положение было сформулировано в 2007 году. Почти 140 интервью – это уже немалое число соавторов. Но практически каждый из моих собеседников рассказал о его живых и умерших учителях, наставниках, коллегах. А это уже – приближающееся к *тысяче* количество человек, участвовавших в создании нашей науки.

В методолого-биографической беседе с В.А. Ядовым, состоявшейся в 2007 году и опубликованной под названием:

«Работа над биографиями – это общение с моими героями»[34] я обозначил тот факт, что интервью в моем исследовании следует строить не на платформе - «респондент-интервьюер», а трактовать его как форму общения между коллегами и строить его с учетом ряда обстоятельств. При всей простоте этого принципа, следование ему не только позволило – с учетом иных обстоятельств – получить огромный массив информации, но давало возможность для обеспечения комфортной среды, дружественной атмосферы в процессе беседы. Мне многие писали о трудностях «выхода» из режима интервью, знаю это и по себе.

К 2007 году созрел и общий замысел, общее двунаправленное движение к изучении истории социологии; они были названы: *история в биографиях* и *биографии в истории.*

История в биографиях – это то, какими в воспоминаниях и рассказах социологов представляется прошлое и настоящее российской социологии. Другими словами, это то, что можно узнать о становлении и развитии социологии из рассказов очевидцев: какие события профессионального плана они вспоминают, как они их оценивают, каким образом они сегодня, по прошествии десятилетий, видят те события и процессы. Постепенно, из анализа жизненных путей представителей разных поколений социологов прояснилось, что и пути вхождения ученых в социологию (т.е. *биографическое*) – это часть истории самой социологии, ибо они определяются не только обстоятельствами жизни человека, но и степенью развитости социологии как института.

Встречное, сопряженное направление изучения полученных интервью – биографии в истории. Это анализ того, как (большая) история страны отражена, представлена в биографиях социологов, какие социально-политические и иные реалии определяли их жизнь, что формировало их гражданские установки и профессиональные воззрения.

Если записать рядом «история в биографиях» и «биографии в истории», то легко заметить, что синтез двух этих направлений в принципе дает возможность решить главную задачу настоящего исследования: через биографии социологов погрузить историю социологии в историю страны. Таким образом, с одной стороны, описание становления и развития науки оказывается соотнесенным с «большой историей», прежде всего – с особенностями политики, идеологии, образования, а с другой – оно (описание) несет в себе субъективное, пережитое людьми. При этом, в фокусе этого исследования оказывается биография, а точнее – *человек*. Потому создаваемую мною историю российской социологии я называю *человекоцентричной*.

Важным элементом методологии моих интервью и особенно – анализа жизненной траектории людей является представление о *предбиографии, биографии* и *постбиографии человека.* Предбиография – это история семьи человека, это то, чем он наделяется самим фактом своего рождения. Все происходящее с ним от рождения до смерти составляет его биографию. И после этого – постбиография, она может быть и очень короткой, и бесконечно долгой. Вместе они образуют судьбу человека, – к такой точке зрения меня подвели публикации Ю.М. Беспаловой – которая и становится объектом историко-биографического изучения.

Есть еще один принцип, который в свете приведенных выше кажется естественным, но мне пришлось долго его аргументировать и отстаивать, и, думаю, придется и далее это делать. Но теперь будет легче, так как в начале века методология качественных методов лишь входила в российскую социологию, а сейчас это направление – общепринятое. Выше я отмечал, что жанр научной биографии в нашей историко-социологической литературе разработан крайне слабо, и одну из причин это я вижу поверхностности разработки соотношения «объективного» и «субъективного» в историческом поиске, или вопрос о мере

присутствия автора очерка, статьи, эссе в создаваемом им портрете героя. Еще в первых своих работах по истории опросов общественного мнения в США я отмечал, что в соотношении двух начал: «объективность» и «пристрастность» я отдаю предпочтение второму. Недостижимая абсолютная объективность – в лучшем случае, лишь цель исторического изыскания, нейтральность биографа не гарантирует объективности исследования, ибо нейтральность, холодность не побуждают к новым поискам, тогда как пристрастность может стать сильнейшим побудителем движения к объективности. Небольшая заметка Пушкина, резко критиковавшего Радищева за его «Путешествия из Петербурга в Москву», заканчивается словами: «...нет истины, где нет любви». Давно, в январе 2004 года, когда я еще занимался жизненными траекториями американских полстеров и участников процесса становления современной рекламы, В.Б. Голофаст, долгие годы занимавшийся методологией анализа биографий, писал мне: «...ты работаешь на грани литературы. Посему будь пост-постмодернистом, смело делай любые коллажи из любых вариантов и кусков». Уже более десяти лет я помню эти слова Голофаста и по возможности расширяю средства «портретирования», но при этом стараюсь, чтобы историко-социологический текст не превратился в собственно литературный. Здесь необходима мера, и проистекает она из уважения к фактам.

Теперь мне кажется уместным перейти к рассмотрению особенностей моей методологии в целом, эта тема напрашивается давно, но рассмотреть ее даже в самом первом приближении не удавалось.

В 2004 году Голофаст, ознакомившись с моими первыми биографическими очерками писал мне: «...твое пятилетие отвлечения-мучения позволило тебе радикально переосмыслить, определить, писать, воспринять ... твой мыслительный мир. Ты не забыл прошлое. Просто оно заняло более скромное место в твоей голове. Это как очистить стол от старых бумаг – и писать заново и

начисто, по-иному». Речь идет о моем долгом перерыве в занятиях социологией и о том, что мои тексты были сделаны в какой-то иной, не социологической манере. Но в декабре того года его не стало... тема осталась не обсужденной.

В указанной выше беседе с В.А. Ядовым один из первых вопросов, заданных мне касался общей природы, или парадигмы, моего историко-биографического подхода, который в принципе он рассматривал в рамках науковедения, а не социологии. При этом он называл Т. Куна, Р. Мертона, Б. Латура и других исследователей феноменологии научного знания.

Я понял вопрос Ядова как его желание понять, какие научные школы или кто из ученых оказали на меня наибольшее влияние, что особенно близко мне по духу. Однозначного ответа у меня не было, в разное время у меня были разные пристрастия, хотя я не мог вспомнить, почему еще в начале 1970-х годов я стал читать историко-науковедческую литературу. Имея в виду последние годы, когда я уже втянулся в собственно исторические штудии, я заметил, что идеи Т. Куна явно не довлели надо мною, так как калибр орудия, сконструированного им, слишком крупен для использования в моих явно тактических боях.

Что касается теоретических построений Р. Мертона, то они, в моем понимании, настолько универсальны и настолько глубоко сидят в нашем сознании, что в той или иной степени они всегда присутствуют в наших рассуждениях. И отметил, что мой подход к анализу генезиса методов изучения общественного мнения и становления рекламы в определенном смысле дополняет (конкретизирует) модели Мертона, поскольку я рассматриваю становление рекламы и науки об общественном мнении на тех этапах, когда они еще не были институционализированы.

И в целом я сказал, что предпринимаемые мною попытки изучения биографий и воссоздания истории российской социологии скорее осуществляются не в парадигматике социологии науки, не к тому, что и в российской литературе часто обозначается аббревиатурой

STS (science and technology studies), но к социологии и психологии творчества, в частности – научного, и собственно к истории науки. Мое понимание личности формировалось в процессе участия в ленинградском семинаре Б.Г. Ананьева, при чтении Б.М. Теплова, А.Н. Леонтьева, Ж. Пиаже, Л.С. Выготского и И.С. Кона. Если говорить о работах историко-науковедческого плана, то это прежде всего исследования А.В. Ахутина, Л.М. Баткина. В.С. Библера, А.Я. Гуревича. Но, пожалуй, самое сильное впечатление оказали на меня историко-биографические книги Б.Г. Кузнецова, В.П. Зубова, У.И. Франкфурта, И.И. Канаева и некоторых других историков науки. Это одновременно и глубокие научные исследования, и блестящие художественные произведения, в них через анализ судеб и творческого наследия гигантов науки показано становление и динамика их представлений о картине мира. В этих книгах есть то, что я теперь называю «биографии в истории» и «история в биографиях». И подытожил: моя методология является полипарадигмальной и междисциплинарной, что это продуктивнее, чем, вообще говоря, всегда мифическая «чистота жанра».

Я тогда не знал, что именно в те годы Ядов постепенно пересматривал свое отношение к качественным методам, потому приведу полностью его следующий вопрос. Он показывает направления некоторых раздумий Владимира Александровича.

С последним совершенно согласен. Увы, мое слабое место – стремление каким-либо образом генерализировать теоретические или методологические подходы. Здесь уместно вспомнить, что в психологии науки выделяют два типа исследователей – «партикуляристов» и «дженералистов», а далее – промежуточные с уклоном в ту или иную сторону. Будучи ближе ко второму типу, я бы отнес твою, извини, парадигму к мертонианской, так как ты стараешься схватить воздействие социальной среды формирования и творчества ученого. Известно из Мертона, что одни и те же исследователи, попадая в научную среду, где более всего ценится

практический вклад, публикуются намного реже, чем когда им приходилось работать в академическом секторе.

Если продолжить разговор о классификации исследовательской методологии, ты хорошо определил свою как междисциплинарную, и уже потому полипарадигмальную. Я практически не знаком с работами историков науки, так что мне не пришли бы в голову определения «биографии в истории» и «история в биографиях». Интересно обсудить, какова же все-таки эвристическая функция макро- и микро-теоретизирования? Проблема обостряется тем, что мы наблюдаем всплеск увлечения качественной методологией, этнометодологией в частности. Видео-социология подчас вводит меня в ступор. Дальнейшее развитие в этом направлении увеличивает разрыв между объясняющими моделями и понимающими интерпретациями. А хотелось бы диалектически совместить макро- и микро- анализ или, следуя метафоре Пера Монсона, проплыть на лодке по аллеям парка. Может, твой подход как раз отвечает этой цели: «биографии в истории» и «история в биографиях»? ***Ты намеренно стремился к такому совмещению?***

Не буду приводить полностью мой ответ, замечу лишь, что я не открестился от близости мне идей Мертона. Одновременно я отнес себя и к марксистам, добавив при этом, что конструктивистский позитивизм Пойи, Лакатоса, Бунге мне всегда был ближе. Но в целом, я суммировал: «Не мне судить, чего в моем подходе больше: мертонианства или следования взглядам этнометодологов».

Ты многое рассказал о возникновении поколенческой схемы и о том, что сейчас она привела тебя к поколенческо-функциональному анализу истории современной советской и постсоветской социологии. Что будет дальше?

Возможно, ты обратила внимание на то, что исходно, решения об объединении накапливавшихся интервью в поколения, о множестве со-авторов моего исследования и некоторые другие

были во многом технологическими, они должны были лишь помочь мне в сборе и анализе необходимой информации. Но, как это часто наблюдается в истории науки, постепенно, обогащаясь и развиваясь, они стали определять многие черты методологии проекта и превратилось в парадигматические. В этом я вижу одну из черт *саморазвивающегося* проекта. Я писал выше, что таковым он был с самого начала, но по мере роста количества проведенных интервью, это его свойство усиливалось, живые разговоры с респондентами, обмен мнениями с моими консультантами, понимание того, что я, скорее всего, осилю, а за что и браться нельзя, способствовали вычленению конкретных задач и активизировали поиски их решений. Причем, замечу, я никогда не рассматривал найденное как финальный вариант решения, тем более, не настаивал на этом в своих публикациях. Отчасти, это черта моего характера, но в значительной мере – иллюстрация того, что я проникся в положение, которое студенты-историки знают с младых корней. Наука как институт и как отдельный проект – это саморазвивающиеся сущности, многое рождается вдруг, само, почему-то. В только что завершенной книге о В.А.Ядове [35] приведены два его письма о рождении концепции иерархии ценностей, а в книге о Грушине [36] рассмотрено, как он пришел к своему пониманию массового сознания.

Только что в журнале «Телескоп» я подвел итог сделанному за 11 лет и назвал эту статью: «Я стою на берегу информационного Океана» [37]. Я думаю, что термин «информационного» мы все понимаем примерно одинаково, но слово «Океан» - по разному. Я живу на полуострове, до залива – 10 минут на машине, до океана – 40 минут. Мы живем постоянно под воздействием океана, я понимаю, насколько это мощная и опасная сила. Это я к тому, что говорить о планах надо крайне сдержанно и аккуратно. Скорее даже не о планах, а о намерениях или установках.

Но все же я знаю, что дальше мне не продвинуться, если не определю и не опишу обстоятельнее, что же такое «функция

поколения», как эти функции возникают, как модифицируются, как проявляются в деятельности поколений. В моем сегодняшнем понимании, это уже будет описанием фрагмента истории социологии. Конечно, сразу далеко от берега «Океана» заплывать нельзя, утону или в лучшем случае – буду долго разбираться в ветрах и течениях, пока смогу вернуться на берег. Так что нужны интересные и содержательные частные задачи. Кое-какие уже просматриваются.

Безусловно, после книг о Гэллапе, Грушине и Ядове мне хотелось бы поработать еще в этом жанре; причем, поскольку меня сейчас интересует методология такого дела, то при выборе героя я заранее не думаю, будет ли это американский полстер или человек из мира рекламы или российский социолог. В каждом из этих вариантов есть «плюсы» и «минусы»; но что перевесит? И к тому же... в каком случае легче найти издателя?

Вообще, в последние несколько лет стремление понять, как надо освещать жизнь и деятельность социолога, побудило меня выйти за пределы истории социологии, я перечитал книги «кентавриста» Даниила Данина о Резерфорде и Боре, Андре Моруа о Бальзаке, прочел новую книгу театроведа и социолога Виталия Дмитриевского о Шаляпине. Кроме того, провел интервью с доктором технических наук Львом Гордоном, который написал книгу о своей жене, математике Ольге Бондаревой, опубликовал биографические статьи о психиатре Федоре Случевском, графике Аскольде Кузьминском, фотографе Михаиле Гершмане. Ведь должно быть что-то общее в познании жизни творческих личностей.

Есть еще одна мечта: подготовить лекции по сделанному и прочесть курс для студентов или аспирантов... Знаешь, лекции очень мобилизуют, да и надо проверить себя на толковой аудитории. Может в будущем году сделаю.

Выше ты представил свои публикации по американской тематике: истории изучения общественного мнения в США и

мониторингу современных президентских выборов. Не мог бы обозначить твои основные публикации по истории советской / российской социологии?

Выше я сказал о том, что уже 11 лет материалы моих исследований в области истории отечественной социологии регулярно – 6 выпусков в год – публикуются в Петербургском издании «Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований». Сейчас я хотел бы подчеркнуть уникальность этой исследовательско-издательской акции. Я спрашивал у некоторых специалистов, известны ли им на примерах других стран столь объемные коллекции историко-социологических и историко-биографических статей. Никто не мог назвать ничего подобного. Значительная часть этих статей и биографических интервью сделаны мною, но я с радость предоставляю и другим авторам пространство в редактируемой мною все эти годы рубрике «Современная история российской социологии». Наверное, другого такого редактора, как Михаил Илле, невозможно найти.

Я давно не считаю количество моих журнальных публикаций по российской историко-социологической тематике; это анализ методологии, интервью, биографические статьи; если совсем грубо оценить, более сотни. В 2013 году Европейский университет в Санкт-Петербурге издал мою книгу о современной российской социологии, в которой был обоснован мой исследовательский подход, сформулированный в подзаголовке книги: «История в биографиях и биографии в истории» [38]. Но мой проект так быстро развивался в два последующие года, что сегодня, ни теоретическая часть книги, ни эмпирическая – в еще большей степени – не дают представление о сделанном.

В моем понимании современный динамичный проект требует и современного инструментария для представления результатов исследования, конечно же я имею в виду электронные, сетевые издания. Моим пристанищем уже давно стал портал Центра социального прогнозирования и маркетинга, руководимого

Францем Шереги, а вся необходимая информационно-технологическая работа осуществляется супер специалистом в области создания и сопровождения социологических сайтов Еленой Ивановной Григорьевой. И здесь надо указать две наши работы. Во-первых, электронная (записанная на диске) книга «Современная российская социология: Историко-биографические поиски» [39]. Ее второе издание вышло в 6-ти томах и представляет все направления и жанры моей работы. Том 1 мало отличается от книги, выпущенной Европейским университетом. Тома 2 и 4 – интервью с социологами разных поколений. Тома 3 и 5 – статьи о российских социологах и мои автобиографические материалы. Том 6 – книга «Все мы вышли из “Грушинской шинели”». Этот шеститомник вышел в 2014 году, но за прошедшие годы сделано много нового, в частности, подготовлено 80 интервью с социологами разных поколений, которые не представлены в Томах 2 и 4. Возможно, до конца года мы сделаем новое издание этой книги, скорее всего, в девяти томах.

Полный набор проведенных интервью размещен в интерактивном электронном ресурсе «Биографические интервью с коллегами-социологами» [40]. Там сейчас 137 интервью; все они упорядочены по поколениям, образованию, направлениям исследований и месту (географии) работы.

Так что практически все сделанное мною в 2005-2015 годах отражено в бумажных и сетевых публикациях.

Борис, слов нет, когда ты все успеваешь, у меня такое ощущение, что ты мультидиалогичный человек, и не выходишь из этого ритма. Когда-то в юности, меня поразила книжка Гранина о Любищеве и его фантастическая самоорганизация. Так что возникает и такой вопрос к тебе, ближе к завершению, - как организован твой типичный день, как выглядит самонастройка на письмо и работу в целом? Это по-настоящему интересно.

Лена, выше я привел статистику всех моих публикаций за четверть века работы в СССР / России, 147 наименований, или около 6 в год. В Америку мы приехали в апреле 1994 года, и до конца века я фактически не занимался наукой. За прошедшие полтора десятилетия мною опубликовано более дюжины «бумажных» книг, вышло несколько электронных изданий, не менее 500 статей, интервью с нашими коллегами и постов, размещенных на социологических и, скажем, общественно-политических порталах, проведено почти полторы сотни интервью. .

Если постараться дать быстрый, краткий ответ, о том, как мне это удалось сделать, то он – такой: «Я сам не знаю». Работаю каждый день и постепенно получается. У меня нет «типичного дня», есть лишь постоянный настрой на завершение начатого вчера (или позавчера). Я ценю сделанное за день и не могу разрешить себе потерять это.

Как человек, который уже много лет нигде не служит, я не имею официального отпуска, и как человек, на котором лежит масса домашних дел, я не могу освободится от них. Они – обязательные. Я различаю «дело» (моя жена не водит машину, значит надо помочь ей поехать в магазины, надо отвезти ее к врачу, в течение многих лет надо было ежедневно забирать внучку из детского сада и школы, и вообще, я называю себя «дедушкой по вызову», и т.д.) и «работу» (писать статьи, книги, что-то анализировать). Соответственно, я не говорю; «Кончил дело, гуляй смело», но «Кончил дело, работай смело».

Понимаешь, режим моей работы, как у всех, это – производная многих обстоятельств.

Первый год – даже страшно вспомнить. Все – чужое, абсолютно незнакомая среда. Где магазины? Как в них найти нужные продукты? Где аптека, почта? Где библиотека? Как ходит транспорт... всю эту рутину надо было быстро постигать. В России я не водил машину, здесь без машины нельзя... и так изо дня в день... хорошо, сын с невесткой нас встретили, сняли нам квартиру

в том же комплексе, где и сами жили, обставили необходимой мебелью. Но ведь они работали, не могли нам активно помогать, возить нас по разным службам. Осваивали автобусы, тогда еще было много маршрутов, теперь – совсем мало. Благо, что моего английского хватало на чтение и заполнение бесконечного числа бумаг, даже на походы к врачам.

В то время мой день на 100% задавался внешними обстоятельствами. Потом – учеба в колледже и работа секьюрити; я быстро втянулся в ночные смены (grave yard), они меня устраивали, так как днем и вечером я мог учиться, к тому же ночами мало работы, спокойно, можно было читать учебники.

Следующие два года - «черная дыра», их даже трудно вспоминать... Время показало, что мы обязаны были приехать в Америку к сыну; два года он мужественно боролся с меланомой, даже нас поддерживал, но болезнь взяла свое... Моей жене, а значит и мне, помог батюшка, который крестил сына и проводил... ни о каких развлечениях мы долго и думать не могли. Два года назад журналистка «Эха Москвы» в Екатеринбурге задала мне вопрос: «Если политическая ситуация в России изменится, Вы вернетесь в страну?». Я ответил, что уезжал не по политическим обстоятельствам, а по гуманитарным... но она не притормозила. Тогда сказал: «Отвечу честно... В Америке – могила сына...».

В то время внучке было 4 года, невестка, которая ради ухода за мужем ушла с работы и попала в ситуацию, когда dot.com-индустрия скукожилась и не было работы. Была еще жива мама жены, которой было за 80. Какие планы я мог строить? Я начинал постепенно входить в мою «гэллапиаду», но навсегда отказался от идеи приезжать на несколько месяцев в Россию, чтобы читать лекции. Я был единственным мужчиной на две семьи из четырех поколений. Вот тогда и стала складываться система организации моего дня: «Кончил дело, работой смело». Самонастройка была простейшей, возвращался после дня разъездов домой, находил абзац, который не дописал, и писал дальше. Работа была –

отдыхом, и «знаком» того, что я еще жив (буквально: «Cogito, ergo sum»).

Все последующие годы, включая «текущее настоящее» – прямое продолжение тех. Через какое-то время невестка нашла хорошую работу, внучка росла и переходила из детского сада в начальную школу и далее, но только в этом году она получила права на вождение, и мне не надо ежедневно привозить ее из школы. Летом она кончает школу, но уже получила приглашения из дюжины колледжей, ты знаешь, американские школьники рассылают свои бумаги во многие колледжи, ждут приглашение и потом выбирают. Она выбрала Беркли; это – один из наиболее известных в стране университетов, да и расположен он в часе езды на машине от нас. Не давили на нее, чтобы потом не было разговоров о том, что заставили. Будет учиться по молекулярной биологии, а дальше – видно будет. Ей решать.

Сейчас сложилась некая устойчивость моего распорядка дня: начинаю работу в 4:00 – 4:30 утра, я люблю это время. Тишина, ничего не отвлекает. Обычно удается спокойно работать до 10-11 утра, вообще говоря, уже немало. Потом, что надо... но бывает и продолжение работы. Короче, ежедневно мне удается работать 10 часов, иногда – больше. Когда-то я старался каждый день писать не менее 4000 знаков, теперь, около 6000. Но, понятно, я не только пишу, чтобы писать надо читать, анализировать информацию; но это все очевидно. В 2005, 2007 и 2008 годах у меня вышли три книги по истории становления американских опросов общественного мнения и рекламы. Мне пришлось прочесть немыслимое число книг и статей; ведь ничего этого, живя в России, я не знал и в принципе не мог знать. Я окунулся в настоящую историю Америки и освоил важнейшие разделы ее культуры. Мне было интересно, меня интриговало это прошлое и притягивали к себе судьбы многих выдающихся людей: самостоятельных и креативных. В 2008 году я добровольно погрузился в мониторинг первой избирательной кампании Барака

Обамы и каждый день «снимал» с экрана результаты опросов электората и читал множество аналитических материалов. Но одновременно мне пришлось разобраться во многих хитростях американской избирательной системы, без понимания которой невозможно анализировать все происходящее. Мало того, я повторил наблюдение за президентским марафоном в 2011-2012 годах.

В 2014-2015 гг. я самосильно проводил интервью с нашими коллегами, понимал, что пора завершать, невозможно же стоять здесь бессрочную вахту.

Наверное, понятно, что никаких суббот и воскресений у меня давно нет, но их, насколько я помню, у меня не было и в Ленинграде. Никакого досуга, никаких хобби у меня нет. Это – не рисовка, чистая правда, и я никому такого не желаю. Нечасто я приезжаю в Россию, но все последние поездки были не продолжительнее недели с учетом дороги. Пожалуй, единственное, чего мне хотелось бы, это слушать различную живую музыку, но живем мы в городке, в котором нет даже кинотеатра. Иногда вечерами я устраиваю себе концерты из того, что есть на сайте youtube.com или других музыкальных порталах; многие скажут: «Это не то», на что я могу лишь ответить: «А что, все остальное – то?». Я работаю так, как трудятся крестьяне, как работают актеры балета и цирка, вынужденные ежедневно проводить много часов в репетиционных залах. Так работают миллионы россиян и американцев. Так что мой режим не кажется мне чем-то уникальным.

Лена, формулируя свой вопрос, ты вспомнила, что тебя поразила книга Д. А. Гранина о А.А. Любищеве; в начале нашей беседы я говорил, что был знаком с Любищевым; семинар, описанный Граниным в книге, это – наш семинар. Я не следовал в организации моего дня примеру Любищева; но, замечу, подобно ему я веду учет сделанного. Еще в 1985 году я начал записывать события дня, до сих пор мои друзья помнят, что я на все семинары

ходил с «Амбарной» книгой. Уже много томов таких записей; все же я должен знать, на что уходит мое время.

Борис, мы начали нашу беседу в третьей декаде декабря 2015 г., сейчас – середина марта 2016 года. Видя твой график труда (и отдыха) хочу спросить тебя, что тебе удалось сделать за эти два с половиной месяца?

Если говорить о законченном, то – вот сегодня, 15 марта 2016, в Москве вышла книга «Мир Владимира Ядова». Я задумал написать ее к началу очередной конференции памяти Грушина, проводимой весной ВЦИОМ, и благодарен Валерию Федорову и Наталье Седовой за поддержу моего предложения. Я начал работать над текстом 6 ноября 2015 года, сначала сделал план на 6 листов, но, поняв, что никак не уложусь в этот объем и получив одобрение на некоторое расширение текста, сделал 8 листов. И накануне Нового года с текстом стали работать редактор и корректор. Благодаря глубокой вовлеченности в дело Анны Кулешовой, все шло точно по плану [35].

Материалов у меня было много: три моих интервью с Владимиром Александровичем, наша многолетняя переписка, тексты многих наших коллег, собранные в книге «Vivat, Ядов!», множество разного рода воспоминаний в проведенных интервью и т.д. Так что в информационном плане проблем не было. Но надо было решить, как все это собрать, как увязать. Ведь Ядов – ученый, учитель, человек, известный социологам всех поколений, а это значит, что в нашем сообществе существует «много Ядовых». Не признавать этого нельзя, но как быть? Я предложил «своего» Ядова, такого, каким я сам его представляю. Книга начинает жить сама, конечно, хотелось бы, чтобы она помогла лучше увидеть Ядова и стимулировала бы других авторов написать о нем, В моем понимании, изучение биографии и наследия Ядова – многообещающий путь вхождения в нашу профессиональную историю.

23 января после долгих колебаний и сомнений я все же решился на проведение третьего мониторинга президентских кампаний в США. Не стал гасить воспоминания об опыте 2008 и 2012 гг., не мог удержаться от еще одной попытки. Но дело не в том, что «Бог Троицу любит», все - проще, прагматичнее. 26 марта 2013 г., т.е. четыре года назад я предсказал победу Хиллари Клинтон, если она решится участвовать в выборах. Таким образом, я решил внимательно наблюдать за тем, как реализуется мой прогноз или как он рассыпается.

И, наконец, мое третье в этом году начинание. Выше отмечал, что методология моего историко-социологического исследования во многом формировалась под воздействием книг историка науки Бориса Григорьевича Кузнецова и бесед с ним. Говоря о задачах ближайшего будущего, я говорил о моем стремлении продолжить работу в биографическом, «портретном» жанре. И недавно я решил написать серию статей о Кузнецове, это будет и анализ его методологии и стиля, и рассказ о его жизни. В ней было много событий, много встреч с очень интересными людьми. В еще совсем молодые годы он стал одним из крупнейших экспертов в области энергетики, а его понимание истории науки складывалось в беседах с В.И. Вернадским, А.Ф. Иоффе, В.Л. Комаровым, Г.М. Кржижановским. Он был знаком со многими крупнейшими советскими и иностранными физиками. Им было написано свыше 30 книг, в том числе – о Ломоносове и Тимирязеве, Бруно и Ньютоне и главная книга – об Эйнштейне.

Но трудности в написании работы о Кузнецове заключаются не только в многогранности его творчества, в уникальности его историко-биографических поисков, но моего общения с ним. Сначала мною были написаны статьи и книги о первых американских копирайтерах и полстерах, я никого из них не знал. Общение с ними, а написание биографии, повторю, это – форма общения, сугубо мысленное, без априорного опыта личной коммуникации. Затем – серия статей о советских/российских

социологах, знакомых мне в течение многих лет. С Кузнецовым – третья форма общения, я знаю многие его работы, я много лет общался с ним, но общение это не был профессиональным, а сугубо родственным. Он – мой двоюродный дядя, и мне сложно априори сказать упростит это или усложнит процесс портретирования. Как найти здесь «дистанцию» между объектом и субъектом биографического анализа?

Наверное, в ближайшее время еще какая-либо тема для анализа всплывет...

Борис, ты хоть понимаешь, какую громадину ты сотворил?

Лена, стараясь ответить на твои вопросы, я полнее разглядел сделанное; мне немного страшно... я стал рабом этой громадины...

Когда мы уже закончили работу, ты отказался от ранее рассматривавшихся нами вариантов заголовка интервью и предложил совсем новый, неожиданный. Ты не мог бы сказать, как родился этот заголовок и как ты его понимаешь?

Ты права, Лена, заголовок: «Моя жизнь: 53 года в России и уже 8000 дней в Америке» не мог родиться раньше. В начале нашей беседы я отметил, что давно веду «вахтенный журнал» и веду счет дням, прожитым в Америке. И вот в пятницу 25 марта был 8000-й день моей американской жизни... Был и хорошо, я сам обратил на это внимание лишь через пару дней, но когда осознал, то подумал, вот тут где-то и есть заголовок нашего интервью. В колледже нам говорили, что числа в заголовке привлекают внимание и запоминаются читателями. В 2011 году я опубликовал эссе «Шесть тысяч дней другой жизни», хотел в нашем случае предложить нечто подобное, но понял, что у нас – не только о моей американской жизни, но о всем прожитом, и тогда возник заголовок: 53 года и 8000 дней. Поскольку это количество дней составляет почти 22 года, то оказалось, что я – на пороге своего 75-летия. Что и верно...

И мне думается, что исчисление прожитого в годах и днях полностью оправдано в моем случае. В СССР/России, особенно в

детстве, юности, ранней молодости годы были долгими, в Америке – особенно в первое время – дни были бесконечными. И счет шел не на годы, а на дни... возможно, у многих все не так, но – я обсудил заголовок с женой – у нас именно так. Так что моя жизнь – это два разных, но неразрывных периода. Российская жизнь никуда не ушла, она всегда во мне, она существует и сама по себе, и в сопоставлении с годами американской жизни. Но и в Америке уже немало прожито. В течение многих лет, улетая из Петербурга или Москвы, я говорил друзьям: «завтра еду в Америку», теперь -«завтра еду домой». Я много читал о ностальгии, и могу сказать, что (пожалуй) не испытывал и не испытываю ностальгии... ибо нет ощущения, чувства потери России, да и откуда они могут быть,если я за последние годы провел почти полторы сотни интервью с российскими коллегами, несколько раз бывал в Москве, Петербурге, Тюмени, два года назад был в Екатеринбурге, постоянно публикуюсь в российских изданиях и в российском Интернете... конечно, есть грусть о прошлом, но она присуща всем, у кого накопилось, что вспоминать...

– Спасибо тебе, Лена, огромное.

1. *Докторов Б.*: «Я живу в двуедином пространстве...» (интервью Н.Я.Мазлумяновой)// Социологический журнал. 2005. №4. С. 132-167
2. *Докторов Б.* «Мне наиболее интересны методы познания и сам исследователь...» (Интервью Б.М. Фирсову) // ***Телескоп: наблюдения за повседневной жизнью петербуржцев.*** 2006. №3. С. 2-13.
3. *Докторов Б.З.* Так случилось или так должно было случиться. В кн.: Матмех ЛГУ, шестидесятые и не только. Сборник воспоминаний / Под ред. Д.Эпштейна, Я.Шапиро, С.Иванова. - СПб.: ООО "Копи-Р Групп", 2011. С. 195-212.
4. *Докторов Б.* Шесть тысяч дней другой жизни // Социологический журнал. 2011. №2. С. 76-95.

5. *Докторов Б.З.* Об использовании методов факторного анализа в работах советских исследователей // Вопросы психологии. 1969. №2, с. 142-147.
6. Б.М.Фирсов: «…О себе и своем разномыслии…». (Интервью Б.З. Докторову) // *Телескоп: наблюдения за повседневной жизнью петербуржцев.* 2005. №1. С. 2-12 http://www.socioprognoz.ru/hta_6/Publications/tom_2_2_10.pdf
7. Почти 40 лет спустя. Б. Докторов и Б. Фирсов вспоминают о ленинградских опросах общественного мнения в 1970-х. // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. 2009. № 3. С.6-16. http://www.socioprognoz.ru/hta_6/Publications/tom_3_2_3.pdf
8. *Докторов Б.З., Фирсов Б.М.* Методические вопросы формализации социологических анкет // Социологические исследования. 1975. №3, с. 63-73.
9. *Докторов Б.З.* Спецкурс «Математические методы социологии» // Социологические исследования. 1975. №4, с, 125-128.
10. *Докторов Б.З.* «Принцип корреляции» и развитие математической теории корреляции // Труды Ленинградского общества естествоиспытателей. 1975. Т. 72, вып. 5.
11. *Докторов Б.З.* Борис Грушин и Юрий Левада. Начало постбиографий // Социологический журнал, 2010. № 4. С. 177-189. <http://www.unlv.edu/centers/cdclv/archives/articles/doktorov_bg_postbio_10.html>.
12. *Докторов Б.* Жизнь в поисках «настоящей правды». Заметки к биографии Ю.А. Левады // Социальная реальность. 2007. № 6. С. 67-82. <http://corp.fom.ru/uploads/socreal/post-274.pdf>.
13. Театр и публика: Опыт социологического исследования 1960-1970-х годов // Отв. ред. В.Н. Дмитриевский. – М. : Государственный институт искусствознания, «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2013.
14. Теоретико-эмпирическое изучение экономического сознания. На пути к типологизации / Под ред. Б.З. Докторова. – М.: ИС РАН. 1992.
15. *Лурье С.* О кошке, гуляющей самой по себе, и когнитивной функции государства <http://www.strana-oz.ru/2002/7/o-koshke-gulyayushchey-samoy-po-sebe-i-kognitivnoy-funkcii-gosudarstva >.
16. *Докторов Б.З.* Россия в европейском социокультурном пространстве // Социологический журнал. 1994. № 3. С. 4-18

http://jour.isras.ru/upload/journals/1/articles/85/submission/original/85-160-1-SM.pdf.

17. *Докторов Б.З., Ослон А.А., Петренко Е.С.* Эпоха Ельцина: Мнения россиян. Социологические очерки. М.: Фонд «Общественное мнение». 2002.
18. *Докторов Б.З.* Первопроходцы мира мнений: от Гэллапа до Грушина. М.: Институт Фонда «Общественное мнение». 2005 <http://www.socioprognoz.ru/publ.html?id=323>.
19. *Докторов Б.З.* Отцы-основатели. История изучения общественного мнения. М.: ЦСП. 2006. <http://www.sheregi.ru/files/Doktorov_001_488t.pdf>
20. *Докторов Б.З.* Реклама и опросы общественного мнения в США: История зарождения. Судьбы творцов. М.: ЦСП. 2008. <http://www.pseudology.org/Gallup/ReklamaOprosy.pdf>.
21. *Докторов Б. З.* От соломенных опросов к постгэллаповским опросным методам. М.: Радуга, 2013 <http://wciom.ru/doktorov/>.
22. *Докторов Б. З.* Лекции по истории изучения общественного мнения: США и России: учебное пособие. – Екатеринбург: УрФУ, 2013. <http://www.socioprognoz.ru/publ.html?id=340>.
23. *Докторов Б.* Гиганты американской рекламы / Под ред. проф. Г.Е. Зборовского. – Екатеринбург: УрФУ, 2014. <http://www.socioprognoz.ru/publ.html?id=392>.
24. *Докторов Б.* Явление Барака Обамы. Социологические наблюдения. Москва, Издательство «Европа», Институт Фонда «Общественное мнение», 2011 <http://fom.ru/uploads/files/B-Obama.pdf>.
25. «Президентские выборы в США 2012 года» (http://fom.ru/special/kto-stanet-prezidentom-ssha.html?t=2#internet_in_rus2.
26. *Докторов Б.* Восемь верных прогнозов Алана Лихтмана. Размышления после президентских выборов 2012 года в США [электронный ресурс]. М.: ЦСПиМ, 2013. – 55 с. URL: http://www.socioprognoz.ru/publ.html?id=320
27. Портал «Международная биографическая инициатива» http://cdclv.unlv.edu//programs/bios.html.
28. *Докторов Б.* Б.А. Грушин. Четыре десятилетия изучения российского общественного мнения // ***Телескоп: наблюдения за повседневной жизнью петербуржцев.*** 2004. №4. С. 2-13.

29. Российская социология шестидесятых годов в воспоминаниях и документах / Отв. ред. и авт. предисл. Г.С. Батыгин; Ред.-сост. С.Ф. Ярмолюк. - СПб.: Русский христианский гуманитарный институт, 1999.
30. *Докторов Б.* Галина Старовойтова. Фрагменты истории российской социологии как истории с «человеческим лицом» // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. 2007. № 6. С. 8–13.
31. Социология на Урале: второе рождение и путь в XXI век / Под ред. Ю.Р. Вишневского, Б.З. Докторова, Г.Е. Зборовского (Отв. ред.) — Екатеринбург: УрФУ, 2015. http://www.socioprognoz.ru/publ.html?id=424
32. Становление и развитие социологии и социологического образования в Тюмени» (15 биографий, вводная статья В.В. Гаврилюк. Отв. ред. Н.Г. Хайруллина) [8]
33. Молодая социология Дальнего Востока / Под ред. Л.Е. Бляхера, Б.З. Докторова, И.Ф. Ярулина (Отв. ред.) – Хабаровск: ТГУ, 2015. http://www.socioprognoz.ru/publ.html?id=447
34. *Докторов Б.* «Работа над биографиями – это общение с моими героями» (интервью В.А.Ядову) // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. 2008. № 1. С. 40 – 50.
35. *Докторов Б.* Мир Владимира Ядова. В. А. Ядов о себе и его друзья о нём. – М.: ВЦИОМ, 2016.
36. *Докторов Б.* Все мы вышли из «Грушинской шинели». К 85-летию со дня рождения Б. А. Грушина. М.: Радуга, 2014. http://www.socioprognoz.ru/publ.html?id=370
37. *Докторов Б.* Я стою на берегу информационного Океана) // Телескоп 2016. №1. http://www.cogita.ru/a.n.-alekseev/publikacii-a.n.alekseeva/7-pokolenii-rossiiskih-sociologov-v-140-istoriko-biograficheskih-intervyu-borisa-doktorova
38. *Докторов Б.* Современная российская социология. История в биографиях и биографии в истории. Санкт-Петербург: Европейский университет в Санкт-Петербурге. 2013.
39. *Докторов Б. З.* Современная российская социология: Историко-биографические поиски. 2-е изд., в 6-ти т. [электронный ресурс] /

редактор электронного издания Е. И. Григорьева.М.: ЦСПиМ, 2014. http://www.socioprognoz.ru/hta_6/htm/menu.htm

40. *Докторов Б. З.* Биографические интервью с коллегами-социологами.4-е дополненное издание [электронный ресурс] / Ред.-сост. А. Н. Алексеев. Ред. электр. издания Е. И. Григорьева. М.: ЦСПиМ, 2014 <http://www.socioprognoz.ru/publ.html?id=385>.

Б.Докторов, Б.Фирсов, 2017.

Б.Докторов, В.Ядов, 2013.

Б.Докторов, Л.Кессельман, 2004.

Б.Докторов, Ю.Вишневский, Г.Зборовский, 2016.

Олег Божков, Борис Докторов, Михаил Горшков, Елена Икингрин, 2016.

Б.Докторов, 2015.

Б.Докторов, 1960.

Б.Докторов, 2007.

Б.Докторов, 2020.

Отец, Зусман Л.Докторов
(фото 1939-1940 гг.)

Мать, Александра С.Пушинская
(фото 1939-1940 гг.)

С сестрой Ольгой, женой Людмилой,
мужем сестры Аскольдом
(1962-1963гг., г.Грязовец, Вологодская область).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Три лика одной судьбы

Мы назвали нашу книгу: «Три судьбы для трех социологов», и у нас были к тому все основания. Каждый из нас живет своей жизнью, и каждый рассказывал о ней, не заглядывая в жизнь своих коллег-друзей. И вот - биографии рассказаны, объединены в единую книгу. Жизненные карты, пройденные маршруты открыты друг другу и всем, кто познакомился с прожитым и сделанным нами.

Можно сказать, что здесь представлены три судьбы, но так все смотрится лишь на личностном уровне. Однако, если слегка приподняться, то обнаружится, что судьба-то у нас одна.

Так случилось: осознанно мы ее не выбирали (и возможно ли это вообще?), но на крутых поворотах нашей жизни – а их было немало – мы были ей верны. Пожалуй, именно эта верность и определяет общность наших судеб, или то, что может быть названо общей судьбой.

Около полувека назад мы пришли в социологию, она и стала нашей судьбой. Менялись мы, менялся мир, в котором мы жили, менялась социология, но мы не уходили с избранной дороги, и она стала главной в нашей жизни.

Про нас можно сказать, что мы – поколение 60-80-десятых прошлого века. То “пороговое” поколение, которому пришлось быть очевидцем и свидетелем крушения советской империи, смены эпох на переломе XX и XXI веков, и глобальной пандемии, охватившей современный мир. Нашему поколению выпала судьба прожить жизнь “до и после” распада СССР, на пороге двух веков, а теперь и в мире “до и после” коронавируса. Для социологов это большая роскошь и одновременно тревога жить на пороге подобных исторических разломов. Но такова судьба нашего “порогового” поколения.

И если мы чего-то не сделали или что-то сделали не так, как надо бы, то корить будем себя. А если все же что-то доброе, нужное сделали, то за это мы благодарны Судьбе.

ИНСТИТУТ ФИЛОСОФИИ СОЦИОЛОГИИ И ПРАВА НАН РА
Геворк Погосян, Арвидас Матулионис, Борис Докторов

ТРИ СУДЬБЫ ДЛЯ ТРЕХ СОЦИОЛОГОВ

INSTITUTE OF PHILOSOPHY, SOCIOLOGY AND LAW OF ARMENIAN NATIONAL ACADEMY OF SCIENCES
Gevorg Poghosyan, Arvydas Matulionis, Boris Doktorov

THREE FATE FOR THREE SOCIOLOGISTS

"Europrint" LLC Printing house
Gyulbenkyan 34a str., 0033 Yerevan, RA

296